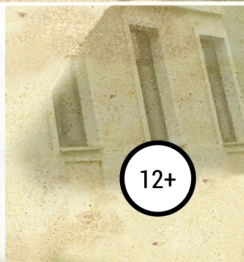

Евгений Асноревский
**Треугольник
Короля**

12+

Евгений Евгеньевич Асноревский

Треугольник короля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55753682

SelfPub; 2022

Аннотация

Молодой белорусский историк Мечислав неожиданно находит ценный предмет – серебряную капсулу времен последнего польского короля и великого князя литовского Станислава Августа. Во время плена в одном из своих замков, король спрятал артефакт, поместив в него записку с загадкой, разгадать которую, вместе с друзьями, Викой и Владимиром, берётся Мечислав. Им удастся выяснить, что монарх был членом организации масонов, но в это время в расследование начинают вмешиваться незнакомцы... Книга основана на реальных фактах. Все главные герои имеют реальные прототипы.

Евгений Асноревский

Треугольник короля

Часть I. Треугольник Короля

Глава 1. В три часа дня

Мечислав уже довольно долго шатался по центру города, поглядывая на здания. Это был обычный рабочий день, обеденное время которого Мечик проводил, изучая свой любимый город. Гродно стал ему родным, хотя родился он в небольшом городке неподалёку.

Старые, кривые улочки, величественные костёлы – в это всё трудно было не влюбиться. Мечик и не пытался противиться обаянию города. Уже в первый приезд он знал, что хотел бы жить здесь, среди всей этой красивой старины, которая не пугала человека своим величием, хотя подобное можно было сказать, к примеру, о Фарном костёле, но всё же нет – и он был Мечику своим как друг детства, с которым связывают годы мелких шалостей и грубых проступков, радостей и обид; гродненская старина умиротворяла горожан, добродушно улыбаясь им милovidными фасадами с маленькими балкончиками над каменным тротуаром.

Вот уже несколько лет блестящий выпускник одного из польских университетов, магистр исторических наук –

пан Мечислав, трудился, не покладая рук, совсем не по своей специальности. Работать приходилось не головой, а руками и хотя, в сущности, Мечик ничего не имел против такой работы, в глубине души копошилась обида ни то на себя, ни то на кого-то ещё...

Чтобы философствовать, впрочем, у Мечислава было не очень много времени. Парень уже успел обзавестись женой и маленьким ребёнком, и оба этих родных и близких ему человека, разумеется, требовали самого пристального внимания, которое Мечик с удовольствием отдавал им, не забывая при этом и о своём творчестве.

Творить же Мечислав мог не только исторические заметки, но и картины. Историк действительно неплохо рисовал. Такая одарённость, безусловно, ещё больше способствовала желанию Мечика работать своим разумом, а не мускулами.

Во внешнем облике этого молодого, двадцати с лишним лет от роду, человека, была заметна опрятность.

Характер пана Мечислава был не самый спокойный, хотя этот добрый по натуре парень не был лишён рассудительности и обладал способностью сдерживать горячие порывы своей души, в те моменты, когда она звала его к активным действиям. Разум подсказывал Мечику, что активные действия не всегда нужны и что вот так вот просто взять и дать нерадивому балбесу по физиономии – не всегда лучшее, пусть даже и очень желанное, решение.

Несмотря на невозможность зарабатывать своей любимой

специальностью – историей, хоть сколько-нибудь приличные деньги, Мечислав не бросал своих занятий на ниве Клио, а просто делал это в свободное от основной работы время.

Так и теперь, в свой обед, молодой человек бродил по городу и подмечал то, что ему было нужно для заметок, которые он публиковал в исторических журналах. В разработке у историка было сразу несколько статей, кроме того, прогулки по Гродно обычно вдохновляли его на новые идеи для исторических трудов, поэтому он не спешил возвращаться на работу, а всё бродил и бродил среди прохожих, снующих по своим делам, как обычно в такое время, немного спешащих и угрюмых.

Мечислава сильно удручало то, что в его любимом городе уже давно довольно безалаберно относились к историческому наследию. Мечик был активным критиком действий городской администрации, разрушающей старинные ансамбли улочек и площадей города. Стараясь хотя бы зафиксировать на фото, уничтожаемых людьми молчаливых свидетелей прошлого, Мечислав не раз корил себя, если не успевал к какому-нибудь домику, со своим фотоаппаратом, раньше, чем к нему успевали разношёрстные группы рабочих с бульдозером. Поэтому он с большим вниманием продолжал бродить по старому центру, вглядываясь в знакомые кварталы и, с внутренним трепетом, представлял себе очередные работы по улучшению городской инфраструктуры, которые через раз сводились к разрушению горячо любимого им красивого

белорусского города.

Теперь он шёл по улице Советской, которая выглядела совсем не по-советски. В одном из закоулков, открывающихся глазу с этой улицы, несколько человек в робах копали яму.

Одним из больших интересов Мечислава была археология. Знания молодого человека в этой дисциплине были поистине обширными. Ещё в годы первых курсов университета он активно совершенствовал свои навыки, обгоняя программу и удивляя преподавателей. Позднее Мечик любил осматривать траншеи, вырытые рабочими на улицах Гродно. В них почти всегда можно было найти что-то интересное для археолога. Сырая земля, её вид и запах, уже обещали Мечиславу уйму открытий, и он легко находил удивительные вещи там, где другие прохожие видели лишь комья грязи, противно липнущие к чистой, ещё пахнущей свежей кожей и офисом, обуви. Рабочие частенько с недоумением смотрели на неизвестного им молодого человека, изучающего плоды их труда, но мало кто интересовался: что же понадобилось ему здесь и зачем нужно разглядывать, и перебирать кучи земли, выкинутые на обозрение прохожих большими лопатами – шуфлями, как их называли сами труженики городского хозяйства.

Мечик не стал сворачивать, чтобы посмотреть на яму в закоулке (он видел её в прошлый раз) а продолжил двигаться вперёд.

Дойдя до конца улицы, он повернул в сквер на месте раз-

рушенного главного католического храма Гродно – Фары Витовта, и, пройдя мимо какой-то парочки занимающей, как обычно, скамейку у края сквера, свернул на улицу Замковую, направляясь в сторону гродненских королевских резиденций.

Перед ним маячила высокая пожарная башня, смахивающая на средневековую оборонительную, с фигурным флюгером и бутафорским пожарником на верхней площадке.

Перейдя дорогу рядом с украшенным гербом Гродно особняком аристократов Хрептовичей, Мечислав направился к деревянной статуе великого князя Витовта, подаренной много лет назад литовцами, и, дойдя до неё, свернул налево, в Новый замок. Позади остались ворота замка с фигурами каменных сфинксов, вот уже больше двухсот лет охранявших вход в королевскую резиденцию.

Свернув направо, Мечислав оказался на обрыве над мирным течением Немана. Тут открывался прекрасный вид на Старый замок и Коложскую церковь. Внизу, по набережной, двигались крошечные фигурки людей, солнце светило ярко и его тепло можно было легко почувствовать, подставив лицо, с зажмуренными глазами, под наполнявшее всё пространство сияние. Облака – широкие, покрытые невероятно сложными разводами, в просвете которых и горел яркий солнечный шар, заслоняли собою почти всё небо, и, казалось, висели низко над искрящимися, зеленоватыми волнами реки, открывая в дали размытый голубой дымкой пейзаж.

заж, с высокими холмами-горами над лесом.

Полюбовавшись этой картиной, Мечислав продолжил свой путь.

Пройдя вдоль выходявшего к обрыву правого крыла королевского дворца, он свернул налево, выйдя к полукруглому дворцовому эркеру.

Здесь копошились пятеро рабочих, ещё столько же сидело на ступеньках перед дворцом, а один облюбовал для себя декоративную чашу, уже изрядно облупившуюся от времени. Бригада вела раскопки, вероятно, с целью ремонта водопроводных труб. Весело улыбающиеся, сидящие без дела, рабочие, дружно покосились на Мечислава.

– Здравствуйсте, господа, – заметив их внимание, сказал Мечик.

– Господа вот давеча все в Париж уехали, – ответил рабочий с лицом Витовта на картине Яна Матейки «Грюнвальдская битва». – А мы вот тут землю роём.

Остальные сидевшие люди сдержанно засмеялись.

Историк ничего не имел против шуточек рабочих и уже давно привык к ним.

Строитель – весьма философская специальность. Отдых после тяжёлой физической работы, на куче строительных отходов, с чашечкой дешёвого, растворимого кофе, размешанного чем-то вроде гвоздя – вот она чудесная реальность строителя, о которой Мечислав знал не понаслышке. В такие моменты человек бывает открыт и философичен до крайности,

даже если всё ещё трезв.

– Я вообще-то историк, посмотрю немного, что тут в земле может быть.

– Да-да, пожалуйста, – вежливо ответил некий тип, судя по более опрятному виду, и зачем-то нахлобученной белой каске, являвшийся бригадиром.

– Нам земли не жалко, – вставил «Витовт», вызвав у рабочих кривые ухмылки.

Мечислав опустится на корточки и принялся рассматривать кучи земли перед его лицом. Один из всё время копавших людей, между тем, вылез из траншеи, подошёл к бригадиру и попросил закурить. Оставшиеся отдыхать рабочие вернулись к обсуждению какого-то фильма, недавно показанного по телевизору. Один из них пристально вглядывался в значок с гербом «Погоня», на груди историка.

Мечислав тем временем копался в земле. Интерес к раскопкам в самом центре города всегда был максимальным. Отсюда, с этих холмов, жители города смотрели на окружающий мир... Столетиями на этом месте жили люди. Что касается пространства за эркером Нового замка, то здесь молодого человека привлекала возможность увидеть в раскопках фундаменты саксонской часовни восемнадцатого века, служившей для молитвы королю и разрушенной в двадцатом веке. Траншеи рабочих были прокопаны как раз в том месте, где должны были скрываться её фундаменты.

Взрыв хохота заставил Мечика поднять голову. Двое ра-

бочих затеяли дуэль на лопатах, остальные секундировали им. Один из строителей отходил в сторону молодого историка и, приблизившись к нему вплотную, отскочил в сторону в момент рубящего удара лопатой, который сделал его противник – пожилой человек с чёрными глазами и седыми, смешно зачёсанными волосами. Лопата просвистела в воздухе и попала совсем не туда, куда метил тот, кто держал её. Мечик закрыл глаза.

– Эти рабочие просто как циркачи. В жизни не видел таких весёлых копателей, – сказал сам себе Мечислав. И тут же опустил голову, потому что его рука нащупала некий вытянутый предмет.

Смахнув землю, попавшую на его наручные часы, которые показывали три часа дня, историк взглянул на то, что было в его руке. Всмотревшись, он сперва не поверил глазам. Это была небольшая металлическая капсула с изображением каких-то завитков, не очень хорошо видных на потемневшей поверхности. Над этими завитками помещалась корона. Немного оправившись от удивления, он подумал, что уже видел этот рисунок.

– Так это же... – историк удивлённо поднял брови.

На капсуле была изображена монограмма короля Станислава Августа Понятовского, точно такая же, как на стене его гродненского дворца. Три латинских буквы «S A R», означающие фразу на латинском: «Stanislaus Augustus Rex».

«Станислав Август Король», – подумал Мечик.

Но самым удивительным Мечиславу показалось то, что капсула, похоже, была сделана из серебра. Материал потемнел, но в свежей царапине, нанесённой лопатой рабочего, не заметившего, что он выкинул на поверхность, проступал светлый металл.

Пожалуй, это было не совсем правильным действием, но молодой историк сунул капсулу под рубашку и, поднявшись на ноги, быстрым шагом удалился, не оборачиваясь на всё ещё дурачащихся рабочих.

Пролетая по улицам, Мечислав чувствовал, как сердце колотится в груди. Иногда он заглядывал под рубашку, чтобы убедиться, что он ничего не придумал, и ему действительно удалось найти столь ценный артефакт.

Выронив на пороге дома ключи, он стремительно нагнулся за ними и, нащупав их слегка дрожащими пальцами, резко выпрямился, выдохнул, сказав себе, что нужно успокоиться, вскинул голову, а затем резко вставил ключ в замок. Ключ легко провернулся и Мечик вошёл в дом. Тепло и знакомый запах своего дома сразу успокоили историка, но невероятная находка продолжала жечь руки. Шершавая, потемневшая поверхность капсулы была приятной на ощупь, но главное, конечно, то, что внутри. Что же может быть спрятано в капсуле из драгоценного металла, с монограммой последнего правителя Речи Посполитой?

Поднявшись на чердак дома, Мечислав поискал инструменты, которые могли понадобиться для работы с капсулой.

Неожиданно он бросил всё и просто сел на хромо́й стары́й стул, доставши́йся ему от прадеда, а затем пристально вгляделся в капсулу. На ней был ещё один, теперь еле заметный, знак. Что-то вроде креста и розы. Никаких надписей видно не было, но закрыта капсула была крышкой с маленькой ручкой в виде коровьей головы.

– Так-так, – прошептал себе под нос Мечик. – Голова вола, кажется, герб Понятовских.

Было похоже, что крышка просто вставлена в капсулу и никак не крепится снаружи. Хранение в ненадлежащих условиях сделало своё дело и состояние капсулы было довольно-таки плохое.

Молодой человек слегка подёргал за голову вола – крышка не поддавалась. Присмотревшись, Мечислав заметил, что рогатая ручка выростала из небольшой короны.

– Это точно герб Понятовских, – громко, вслух сказал сам себе Мечик.

Застыв на несколько секунд, молодой человек попробовал крутить ручку против часовой стрелки. Крышка не поддавалась. Сжав губы и глубоко вдохнув, историк ещё раз попробовал покрутить ручку. На этот раз он услышал резковатый треск и крышка, на удивление легко отделившись, осталась в левой руке Мечислава. Капсула была открыта!

Почему-то именно в этот момент Мечик вспомнил, что так и не вернулся на работу, и просто-напросто будет иметь прогул, но это его совершенно не тронуло. Он вздрогнул

от звука сигнала, производимого соседским автомобилем, подъехавшим к дому напротив. Машинально подняв голову, историк посмотрел в окно, но тут же снова опустил глаза и плавно развернув к своему лицу капсулу, той стороной, где только что была крышка, пристально взглянул внутрь.

– Да, – сказал Мечислав, пощёлкав языком и слегка улыбнувшись.

Капсула не была пустой. Надев чистую перчатку, которую Мечик выудил из ящика с инструментами, он осторожно, двумя пальцами, достал из серебряной ёмкости её содержимое. В руке исследователя оказалась маленькая коробочка из красного дерева, судя по виду, великолепно сохранившаяся. Отложив драгоценный пенал на стол, молодой человек решил заняться капсулой. Он быстро приготовил щадящий содово-соляной раствор для очистки серебра и, погрузив в него свою добычу, вернулся к пеналу.

– Надо будет всё ж проверить хромпиком это серебро. Хотя, я и так уверен... – заметил себе Мечик.

На крышке красовался вызолоченный герб князей Понятовских – вол повёрнутый влево. Осторожно открыв крышку, историк достал что-то небольшое, похожее на скруток бумаги.

– Да это же пергамент, – удивлённо проговорил Мечислав. – В Гродно? В восемнадцатом веке? Если это, конечно, действительно привет из восемнадцатого века, – добавил он, прищуриваясь на свет соседского окна, где горела яркая

люстра, так как уже наступил вечер.

Осторожно развернув пергамент с помощью своего любимого, служившего ему уже, казалось, тысячу лет, карандаша, молодой человек увидел польский текст, написанный красными чернилами, великолепным, каллиграфическим подчерком.

«Rycerz Salsinatus złożył swoje imiona w trójkąt. Umieść wybranych według imion na miejscach ich w dniu przybycia rycerza na świat mapa gwiazd jego słońcem wskaże na słońce w imion trójkąt. Odpowiedź w imionach wybranych złożonych razem otrzymasz. Na Poszukiwanym znajdziesz go w wyznaczonym dniu».

Мечик свободно владел польским и поэтому быстро, тем самым карандашом, который использовал для того, чтобы развернуть свиток, он записал на валявшемся тут же клочке бумаги перевод:

«Рыцарь Salsinatus имена свои в треугольник сложил. Поставь избранных по именам на места их в день прихода рыцаря в мир звёздная карта его солнцем на солнце укажет в имён треугольник. Ответ в именах избранных сложенных вместе получишь ты. На Искомом найдёшь его в день назначенный»

Усмехнувшись, Мечислав постучал тупым концом карандаша по столу.

– Да уж...

«Перевод с польского получился китайским – ничегошеньки не ясно...» – промелькнуло в голове Мечика.

– И что дальше? – спросил он себя вслух. – Написать Вике, – ответил сам себе историк.

Глава 2. Профессор философии

Солнечным, погожим днём, по улице Университетской города Вильно, проходящей, как и следует из названия, рядом с университетом, шла молодая девушка лет двадцати. На ней были элегантные брючки, любимого ею белого цвета, белый же шарфик и лёгкое светло-серое пальтишко. Вся её стройная фигурка казалась воплощением элегантности. У неё были серые, искрящиеся живыми искорками, глаза, светло русые волосы и длинные пальчики без яркого лака на аккуратных ноготках.

Двигаясь мимо лишённого всякой помпезности светлого здания президентского дворца, она направилась внутрь старинного Виленского университета, чей массивный корпус нависал над стоянкой машин. Девушка держала путь к одному из залов, где ей была назначена встреча. Достигнув входа в этот зал, который был расположен между двумя нишами с белыми скульптурами, она чуть задержалась и, подняв голову повыше, прочла надпись на латыни, помещённую над слегка приоткрытыми, тяжёлыми дверями:

«Alma Mater Vilnensis»

Слегка наклонив голову набок, гостя продолжила свой путь в зал, носивший литовское название «Mažoji aula».

Войдя в него, она оглянулась: перед ней предстало мрачное и величественное помещение, с рядами коринфских колон вдоль стен, заставленное стульями с мягкими красными спинками.

В дальнем конце зала, спиной к вошедшей, стоял человек в коричневом костюме и коричневых же лакированных туфлях. Он как будто знал, что та, кого он ждёт – уже здесь, хотя она вошла почти бесшумно, и медленно развернувшись к ней, поднял глаза.

Пристальный, казавшийся насмешливым взгляд его слегка навывкате глаз, чёрного цвета, упал на гостью. У этого человека был квадратный подбородок, низкий лоб и чёрные, невероятно густые, кудрявые волосы. Его пухлые губы были сложены в лёгкую усмешку. Лицо казалось в целом немного глуповатым, а красный, в белую полоску, галстук – только усиливал это впечатление. Кроме того, человек был мал ростом, и довольно полный.

Смерив друг друга взглядом, эти двое слегка смутились.

– Здравствуйте, – произнесла девушка по-литовски, приятным, нежным голосом, хорошо дополнявшим её милостивую внешность, – это вы Михаилас Литвакас?

Коричневый человек слегка поклонился, отведя руки немного назад, и ответил высоким мальчишеским тенором:

– А вы, я уверен, и есть Виктория.

– Да... Это я, – ответила девушка.

– Вас ко мне послал профессор Баранаускас? То есть он –

историк, послал ко мне – философу, девушку с вопросом по истории, я правильно понял? – насмешливо спросил профессор.

– Этот вопрос вами досконально изучен, профессор. Уважаемый профессор Баранаускас это знал и поэтому направил меня к вам.

– Что же это за вопрос?

– История тайных обществ, профессор.

Литвакас причмокнул своими полными губами и облизал их как бы в знак проснувшегося аппетита.

– Да-да, – сказал он, потупив глаза вниз, – эта тема меня весьма интересует... весьма.

Девушка усмехнулась и понимающе покивала головой.

– Ну что же, пройдемте лучше в мой кабинет, – сказал Литвакас. – А по дороге купим пирожных, вы же любите пирожные, правда? И давайте говорить на вашем родном языке, я вижу, что вы владеете литовским, но хочу, чтобы вам было максимально комфортно, а ваш язык и для меня, можно сказать, родной.

Кабинет профессора, куда через сорок минут он вошёл с девушкой, державшей коробочку пирожных, находился довольно далеко от места встречи собеседников. Это была небольшая коморка, заставленная всякой всячиной.

Расположившись в кресле и предложив гостею сесть, профессор сказал:

– А ведь наш общий друг – мастер нести чушь с умным

видом, он был бы хорошим политиком.

Он замолчал, вопросительно глядя на девушку.

– Я не буду отнимать слишком много вашего времени...

– Да что вы? Не стесняйтесь себя, я не спешу.

– И всё же... Мне, конечно, было бы интересно прослушать лекцию по истории тайных обществ восемнадцатого века, ведь я слышана о том какой вы прекрасный лектор, профессор, – тут Литвакас слегка наклонил голову и постукал пальцами по столу, – но я, повторюсь, не хочу у вас отнимать много времени...

На этих словах девушка лёгким, быстрым движением достала, откуда-то сложенную вдвое бумажку и, развернув её, положила на стол перед профессором. К ней она добавила две фотографии, на каждой из которых было изображено по одному предмету: на первой серебристая капсула, на второй маленькая красноватая коробочка.

– Вот текст, – сказала Вика, указывая на бумажку в своей руке, – который мне очень хотелось бы понять. Можете ли вы объяснить смысл? Он написан на настоящем пергаменте и найден в футляре, – девушка ткнула пальчиком в фото, – а футляр в серебряной капсуле. Он на другом фото.

Она достала ещё несколько фотографий изображающих находки с разных сторон, и, сложив руки на груди, сидела молча, пока профессор, медленно оторвавшись от спинки кресла ещё медленнее наклонялся к фотографиям и листку

на столе. Чем больше он всматривался в них, тем больше расширялись его глаза. Было видно, что он стал дышать чаще. Он довольно долго вглядывался в изображения на фотографиях и перечитывал текст на листке. Казалось, он совсем забыл о своей молодой посетительнице. Наконец Литвакас откинулся в кресле, прижав две сложенные ладони к губам и глядя в пустоту. Резко переведя взгляд на свою гостью, он сказал спокойным тоном, хотя голос его дрогнул на последних словах:

– Это правда, скажите честно? Может быть это шутка, мистификация... Как мне узнать? Вы хотите... Хотите чего? Может быть денег?

– Я хочу узнать, что значат слова на листке.

– Люди врут другим обо всём, чтобы получить деньги, а деньги врут им о них самих, что они получили себя, – произнёс, посапывая Литвакас.

Девушка задумчиво отвела взгляд в сторону.

– Где это было найдено?

– Там, где жил Понятовский. Вы же знаете уже, что там монограмма Понятовского?

– Знаю не хуже вашего! – вдруг зло сказал профессор.

Он мгновенно овладел собой, лишь в глубине глаз читалась злость от внезапной вспышки.

– Люди хотят лишь жрать, но вы – вы стремитесь к чему-то большему! Ради чего вы лично, милая, тянитесь к этим знаниям? Если эта серебряная штука подлинная, то стоит

немало денег, но ведь вам не нужны деньги. Вы просто любите историю, как мне сказал ваш... наш общий друг – профессор Баранаускас. И вы даже не историк по специальности. Вы тянитесь к знаниям, но не к деньгам. Но знаете, что я скажу вам? Это всё серьёзнее, чем вы можете представить! Лучше бы вы не приходили ко мне с этими фотографиями и запиской. Хотите знать... Хотите, значит, знать? Ну так я вам скажу.

Литвакас разволновался было снова, но опять взял себя в руки.

– Так... – профессор ослабил свой смешной галстук. – На серебряной капсуле находится монограмма короля Понятовского, там есть ещё небольшое изображение: роза и крест – эмблема ордена Розенкрейцеров, вол – герб рода Понятовских. Вот это всё вы знали. Теперь то, что вы не знали, – произнёс он.

Девушка слегка приподняла голову и прищурилась.

– Так вот, то, что вы не знали... – Литвакас многозначительно помолчал.

– Полагаю, Баранаускас уже рассказал вам, что король Станислав Август Понятовский, был масоном и розенкрейцером. Рыцарь Salsinatus – часть титула, данного королю в масонской ложе. Salsinatus – анаграмма от имени Станислав. Всё это довольно широко известно среди интересующихся историей и, вероятно, уже известно вам, благодаря нашему уважаемому другу, профессору этой самой истории

Баранаускасу. Так?

Девушка наклонила голову в знак согласия.

– И значит... – продолжил профессор, – я ничего больше не могу вам сказать. Да, я всю жизнь интересуюсь тайными обществами: масоны, розенкрейцеры, иллюминаты. Мне всё это интересно, но ваша загадка слишком сложна, и я не могу добавить ничего к сказанному Баранаускасом...

Вика, при всей своей сдержанной грации и спокойной вежливости, не смогла скрыть на лице сильного разочарования.

– Не могу добавить ничего, – вновь заговорил Литвакас, – кроме утверждения, что в послании передана зашифрованная информация о местонахождении некоего артефакта.

Вика вскинула глаза, мгновенно загоревшиеся интересом. Профессор сидел, сложив руки на толстом животе, с самым каменным лицом, которое только мог изобразить. Через секунду он громко захохотал, закинув голову назад.

– Всё же в наше время молодёжь смотрит слишком много фильмов, – хихикая, проговорил Литвакас. – Даже если то, что вы мне принесли настоящее, вряд ли расшифровав послание вы найдёте клад масонов. Баранаускас слишком наивен и легко взял на веру ваши доказательства... Впрочем, оставьте фотографии и текст здесь, если я смогу что-то понять, то обязательно сообщу вам. Только раскрывший тайну природы знает, что на самом деле создал новую. Желаю приятного дня, Виктория.

Вика, секунду подумав, встала и, оставив фотографии на столе, направилась к выходу. На лице её была улыбка, которая, правда, не очень скрывала её разочарование. Повернувшись на пороге и пожав руку, протянутую ей профессором, девушка сказала:

– Что ж, это было приятное знакомство и полезный разговор. Простите, что потревожила, спасибо, что оказали помощь, пожалуйста, дайте знать, если вы что-то разберёте, и можете не сомневаться в подлинности артефактов. Я ведь совсем не ищу клад, но расшифровать это послание, понять, что хотел сказать нам автор, которым, как знать, мог быть сам король... Разве это не важно?

– Да-да, да-да, – зачастил Литвакас, – всего наилучшего, барышня. Последнее слово он сказал по-литовски.

Закрыв за гостьей дверь, Литвакас ещё долго стоял на одном месте, как человек погружённой в гипноз. Затем он, хлопнув себя по коленям, вернулся к столу.

Солнечный день в Вильне между тем потихоньку подходил к концу. Виктория спокойной походкой удалилась в сторону своей съёмной квартиры.

Войдя домой она обнаружила, что её соарендаторов – двух странноватых девчонок студенток – ещё нет. В этот момент у неё зазвонил телефон.

– Алло, – сказала Вика, поднеся трубку к уху.

– Алло. Это Литвакас, Вика. М-м-м-м, я хотел бы порекомендовать вам одного специалиста по вашему вопросу, от-

личного историка из Минска. Точнее, может он и не совсем специалист именно по-вашему, так сказать, делу... м-м-м-м, но это человек увлечённый историей, больших знаний парень. Его зовут Владимир, он может помочь в поисках... Запишите координаты...

Через минуту девушка, записавшая данные протее Литвакаса, уже вошла в социальную сеть и оставила одному из френдов следующее сообщение:

«Мечик, я поговорила с Литвакасом. Увы, почти ничего»

Глава 3. Треугольник короля

Дорога от Минска до Гродно – точно не самая длинная на свете. Но если её проделать на стареньком «корче», то она может стать длинной и красочной. Владимир и его зеленоватый автомобильчик были уже в Щучинском районе, где дорогу обступают с двух сторон старые, косматые, хвойные деревья.

Больше месяца назад ему в интернете написала девушка и, рассказав, что его порекомендовал, как хорошего историка, профессор Михаиас Литвакас, предложила сотрудничество. Жить предполагалось в Гродно, посетить которое Владимир всегда был не прочь, тем более, что показанные ему онлайн снимки найденных артефактов были для него поистине ошеломляющими.

Оказалось, что они уже знакомы заочно с этой девушкой

и состоят в одной группе в социальной сети. Кроме того, в исследовании должен был участвовать и другой не понаслышке знакомый Владимиру историк из Гродно.

«Это будет прекрасно...» – думал Владимир, усмиряя малопокорный автомобильчик на повороте. Выйдя на прямую, он немного расслабился и даже подумывал включить магнитолу, такую же старую, как и сама машина. Это был раритет, работающий на кассетах, которые Владимир специально выискивал, где только мог. Он был настроен позитивно и, присвистывая, подкинул пальцами вымпел хоккейного клуба из Молодечно, болтавшийся на зеркале заднего вида...

Драм!!! Тяжёлый удар в бок автомобиля сотряс легковушку. Сзади что-то покатило, а Владимира мотнуло в сторону. Резко нажав на тормоза, он довольно быстро остановил машину и выбежал из неё. На дороге темнело нечто. Нечто напоминающее большого зверя.

«Медведь» – почему-то пронеслось в голове у Владимира. Подойдя поближе, он сразу же почувствовал себя глупо из-за этого предположения. Лежавший на дороге зверь был, конечно, гораздо меньше медведя, но всё же на глаз весил не менее 100 кг. Больших размеров кабан лежал рядом с машиной, и не подавал никаких признаков жизни. Глаза животного были закрыты. Владимир застыл на месте, пристально глядя на зверя и не зная, что делать. Неожиданно его отвлек дальний звук взрыва за лесом, возможно исходивший из талящейся там деревушки. Опустив голову и снова пристально

посмотрев на лесного гостя Владимир протянул к нему руку... В ту же секунду кабан открыл глаза, хрюкнул, и резко мотнул клыкастой головой, при этом чуть не ударив человека в колено. Отскочив от неожиданности далеко в сторону, Владимир услышал лихорадочный стук собственного сердца. Вепрь, между тем поднялся и побрёл в лес.

Подойдя к машине Владимир, к своему удивлению, не обнаружил вмятину на крыле. Это улучшило его настроение. Вернуться в салон, завести мотор, включить музыку: всё это стало делом одной минуты. И вот уже зелёный автомобильчик снова в пути.

«В древности гадатели использовали животных для предсказаний. Интересно, что бы на их взгляд означал удар кабаном в старый корч» – думал Владимир.

От этих мыслей он развеселился ещё больше и в отличном настроении въехал на улицы Гродно.

Серая дымка тумана покрывала старинный город. Зима, лишённая залежей снега и сильного холода, господствовала в нём. Одни люди были одеты в зимние куртки, другие – чуть ли не в летние наряды. Тротуары казались нарисованными тёмными красками по грубому холсту, а вддали, сквозь туман, проступали очертания храмов, казавшихся какими-то призрачными замками, в мрачных долинах.

Парень и девушка стояли в сквере Фары Витовта.

В три часа дня, они увидели, как со стороны улицы Замковой в сквер вошёл темноволосый человек с небольшой бо-

родой, одетый в армейского покроя пальто. Он припарковался неподалёку и теперь шёл торопливым шагом к памятнику, у которого медленно прогуливалась молодая пара. Подойдя к ним человек застенчиво улыбнулся, и, протянув каждому из них руку, два раза сказал:

– Владимир, рад знакомству.

– Вика, – ответила девушка, – очень приятно.

– Мечислав, – сказал её спутник.

Знакомство в реальном мире людей знающих друг друга только через сеть – может быть очень интересным, как и начало сетевой переписки людей, знавших до этого друг друга только в жизни.

Через тридцать минут все трое сидели с ноутбуком в одном из городских кафе. Оторвавшись от кофе, Владимир сказал:

– Пока я ехал к вам меня чуть не протаранил дикий кабан. Это был самый впечатляющий контакт с природой в моей жизни.

Вика и Мечик одновременно изменились в лице.

– А у меня... – выпалили они вместе.

Мечик улыбнулся и помолчал, давая понять Вике, что она может продолжать.

– А у меня, – продолжила Вика, – тоже был, так сказать, контакт, пока я сюда шла. Бабочка, и, по-моему, это была редкая бабочка – павлиноглазка. Огромная просто! И ведь она ночная, но прилетела днём и кружилась у моего лица

очень долго. И подумайте, бабочка зимой! Падал лёгкий снежок, когда она слетела ко мне.

Последние слова девушка сказала немного смущаясь своих больших знаний о бабочках.

– У меня была книжка, ну... о бабочках, – пояснила она, смутившись ещё больше.

Мечислав улыбнулся и звякнул ложкой о чашку с капучино. Ему тоже было что порассказать, и он отодвинул свой кофе чуть подальше.

– Я шёл сюда... – начал Мечик.

В этот момент его внимание привлёк человек, сидящий за барной стойкой, неподалёку от их столика. У него была настолько невыразительная внешность, что Мечислав, будучи художником, затруднился бы нарисовать его портрет даже с натуры. Этот человек пристально наблюдал за их компанией, но тут же уткнулся в свой бокал с вином, когда историк задержал на нём взгляд.

– Так вот, я шёл сюда, – продолжил молодой человек, выкинув невыразительного посетителя бара из головы, – мимо бернардинского костёла. И тут ко мне слетел сокол, что живёт там, за статуей святой Елены.

Вика закивала головой в знак того, что тоже в курсе проживания сокола в самом центре города.

– Там парочка соколов, у них даже есть имена, – добавил историк.

– Но самое поразительное, что он просто преследовал ме-

ня – этот сокол. Вот эта хищная птица просто-таки чуть не бросалась мне под ноги. Прохожие на это смотрели, как на чудо какое-то. И не знаю, разве они не улетают на зимовку?

«Как видно не меня одного преследовало животное. Может быть, я и не зря вспомнил о древних предсказателях... Мда уж...» – пронеслось в голове у Владимира, и он отхлебнул ещё кофе.

Троица молчала, обдумывая то, что с ними случилось. Решив перейти к цели своего визита, Владимир сказал:

– И что же у вас тут за археология любопытная, расскажите, пожалуйста.

Вика развернула к гостю ноутбук, на экране которого были снимки находок Мечислава.

– Фотки артефактов я уже и так видел, – сказал молодой человек. – Надеюсь, я смогу увидеть эти прелести и вживую?

– Разумеется, – проговорил Мечислав, прожёвывая круасан.

– Я так понимаю, – сказал Владимир, – что главная наша задача расшифровать эту рукопись из бутылки, то есть послание сквозь века от Понятовского.

Молодые люди кивнули.

– Покажите его, – добавил минчанин.

Вика щёлкнула по клавиатуре ноутбука и перед историком предстала фотография пергамента с надписью. Владимир знал её наизусть. С тех пор как он получил сообщени-

ем на свою страницу в социальной сети этот текст, он столько раз его читал, что мог бы пересказать даже проснувшись от удара грома, но фото пергамента видел впервые. И оно произвело на него большое впечатление. Пробегая его глазами, он читал про себя и сразу переводил:

«Рыцарь Salsinatus имена свои в треугольник сложил. Поставь избранных по именам на места их в день прихода рыцаря в мир звёздная карта его солнцем на солнце укажет в имён треугольник. Ответ в именах избранных сложенных вместе получишь ты. На Искомом найдёшь его в день назначенный».

– Пергамент просто изумителен, – сказал Владимир вслух.

– Имена свои в треугольник сложил... – пробормотал Мечислав.

– Как можно сложить имена в треугольник? – спросил Владимир.

– И где может быть этот треугольник? – добавила Вика.

– Речь о треугольнике явно неспроста, – сказал Владимир, – Это один из символов розенкрейцеров...

– А мы знаем уже, что на капсуле символ розенкрейцеров и что король Понятовский был масоном, – сказала Вика.

– И кроме того интересовался и розенкрейцерами, – дополнил Владимир.

– Может быть, речь о какой-то... карте, – предположила Вика. – Где может быть нарисован треугольник? Это должно быть что-то вроде карты, карты на которой есть имена.

– Тут речь об именах Понятовского, раз это он рыцарь Salsinatus, – проговорил Владимир.

Он почесал в затылке, сделал глоток кофе и продолжил:

– Но что это за имена?

– Станислав и Август? – предположила Вика.

– Или это какие-то другие имена. Какие ещё были имена у Понятовского? – спросил Владимир.

– Salsinatus – его тайное имя, – сказала Вика.

– В его монограмме «SAR» последняя буква R, – добавил Владимир.

– Это Rex, на латинском значит король, – сказал Мечислав.

– Да-да именно так, – подтвердил Владимир. – Имён у короля, выходит, довольно много, и это только те, что известны нам, но где та карта, или что-то типа неё, на которой можно сложить его имена вместе? Ну и, видимо, речь о трёх его именах.

– Да, ведь у треугольника три стороны и три угла, может быть должно быть ровно три имени, – сказал Мечислав.

– Но как выбрать три имени из всех тех его имён, которые нам известны? – спросила Вика.

Мечислав погрузился в раздумья. Каждый раз, когда он читал текст с пергамента, его не покидала мысль, что он видел где-то, у каких-то гродненских историков, что-то про треугольник, как-то связанный с королём Понятовским. Из всей силы зажмурившись и резко раскрыв глаза, Мечик по-

смотрел на Вику. На шее у неё висело серебряное украшение треугольной формы, с тремя красными камешками по краям. Решение пришло к нему в одну секунду. Кусочки мозаики, которые он никак не мог подобрать из тёмных закоулков памяти, сложились в одно целое.

– Да, я понял! – не очень громко воскликнул молодой человек, заставив недоверчиво покоситься на его возбуждённое лицо, проходившую мимо официантку.

Забрав у удивлённого Владимира ноутбук, Мечислав принялся клацать клавишами, и через две минуты развернул его к товарищам, сидевшим с удивлёнными, но полными надежды лицами. Перед ними предстал спутниковый снимок Гродно, с нарисованным на нём почти правильным треугольником. По углам этого треугольника были расположены буквы С А П.

– Вот этот треугольник рыцаря Salsinatus, – заявил Мечик. – Если соединить на карте Гродно три королевские резиденции, которые соответствуют именам короля, то получится вот такой треугольник, как видите, он ещё и с почти равными сторонами, а значит все три резиденции на почти равном расстоянии друг от друга – это не случайность.

Мечислав указал на букву С у одного из углов треугольника.

– Это усадьба Станиславово, соответствует имени Станислав. Дальше... – историк передвинул палец, – А – усадьба Августово, соответствует имени Август, а дальше... – Ме-

чик перевёл палец на последний угол треугольника, – усадьба Понемунь, первая буква П, как в фамилии Понятовский. Станиславово, Августово, Понемунь – Станислав Август Понятовский. Эврика! – торжествовал историк.

– Вот это и есть имена, сложенные рыцарем в треугольник, – добавил Мечислав, немного успокоившись.

– Ты прав, я уверена! – радостно сказала Вика.

– Да, это уже что-то, начало положено, – улыбаясь, проговорил Владимир.

В этот момент Мечик взглянул на невыразительного человека с бокалом вина. Тот продолжал сидеть и пить, но уже, казалось, не обращал на компанию никакого внимания.

– А давайте съездим в эти усадьбы и посмотрим, – предложил Мечислав.

Молодые люди расплатились и отправились в усадьбу Станиславово.

Небольшой дворец с монограммой короля, старые деревья, остатки ворот и два флигеля. Перед главным фасадом изящной резиденции, в вестибюле которой друзья осмотрели две шикарные, старинные печи, в стиле неоготики, стоял неподписанный памятник.

Затем они посетили Понемунь. В этой усадьбе историки видели изуродованную пристройками неоготическую часовню, небольшое строение, смахивающее на дом Мицкевича в Новогрудке, и сам дворец короля, от которого осталось немного. Друзья также не отказали себе в удовольствии спу-

ститься в огромный овраг, раскинувшийся бок о бок с бывшей резиденцией.

Напоследок они отправились за Неман, в усадьбу Августово. Королевский дворец в ней не сохранился, но на месте была часовня, построенная аристократами, владевшими усадьбой после короля. Эта небольшая часовня с куполом, представляла из себя редкий тип постройки – скрытая ронда. Она была прямоугольной снаружи, а её зал – круглым.

Затем молодые люди засобирались по домам. Владимир должен был жить у Мечислава. Вика же отправилась в дом, где жила во время редких приездов с учёбы, когда она покидала Вильно, и возвращалась в родной Гродно.

Холодный вечер наступал в городе, и зажигающиеся огоньки будто бы пронизывали каждого проходящего мимо них. Густой, сырой воздух, ползал под одеждой, наполнял собой лёгкие людей, спешащих домой с работы, щипал им глаза. Туман сгустился и играл со светом, рисуя тысячи световых снопов, которые обволакивали улицы, как паутина, гигантского паука, притаившегося где-то на крышах высоток, полных людских фигур, мелькавших в ярких, светящихся окнах.

Пару раз, среди тумана, Вике казалось, что за нею идёт какой-то человек и почему-то вспоминался профессор Литвакас. Наконец, неспешные шаги девушки услышал её родной дом – большая красная высотка, в элитном районе.

Вика была из хорошей и небедной семьи, ни лишённой

тяги к прекрасному. Отец её был художником и, видимо, поэтому сама Вика прекрасно рисовала. С детства девочка тянулось ко всему красивому, и была упорна в учёбе.

Зайдя домой и раздевшись, девушка отправилась в душ. Через полчаса, укутав свою точёную фигурку в белый пушистый халат, она зашла в спальню, где стояла её большая удобная кровать. Рядом лежала книга Эдгара По, раскрытая на стихотворении «Сон во сне». Девушка видела, что всё вокруг как будто расплывалось. Обычно к ней не приходили сны, но на это раз, как только Вика закрыла глаза, её сознание провалилось в омут, полный видений...

Глава 4. Сон Вики

Большой овальный зал был слабо освещён свечами, потрескивающими в золочёных подсвечниках. В красивом, резном кресле, положив ноги в сапогах на бархатную подушку с кисточками, сидел человек, казавшийся погружённым в глубокие раздумья. Серебристые пряди на его голове делали его похожим на седого старика, вспоминавшего деньки беззаботной молодости. Шёлковые одежды и орден в виде звезды, на груди, поблёскивали в полумраке. Он теревил пальцами кружевной платок. У человека были большие глаза и орлиный нос. На некотором расстоянии от него, в почтительной позе стоял старик, с большими усами, подпоясанный огромным, расшитым золотом, поясом. Можно было

догадаться, что это подданный сидевшего в кресле.

– Ваше Величество, – мягко сказал усатый слуга по-польски, – тот, кого вы изволите ожидать – здесь.

Король Станислав Август Понятовский, не переставая теревить пальцами платок и не поднимая взгляда, тихо ответил:

– Пусть войдёт.

Через несколько мгновений в зале уже стоял худой человек, в странном, не по моде того времени, наряде, с усами и бородой, длинным носом, большими глазами. Он слегка поклонился королю.

– Вот вы и пришли, – сказал Понятовский, подняв взгляд на гостя. – Оставьте нас одних.

Усатый в золотом поясе и ещё один слуга, стоявший у мраморной статуи, поклонились и вышли, закрыв за собою двери. Какое-то время в зале была почти полная тишина. Были слышны шаги прислуги и гостей короля за дверями. Одна из свечей стала коптить и мерцать. Король смотрел на её пляшущий огонёк и продолжал теревить кружевной платочек. Наконец, отложив его в сторону, он поманил гостя к себе жестом руки и тихо произнёс:

– Подойдите поближе, Пануриш. В этом дворце и вообще во всех моих дворцах, столько ушей, что каждый мой вдох и выдох описывается и отправляется императрице прямиком в Петербург. И хотя мы с вами будет обсуждать моё личное дело, а не... – тут король возвысил голос, – упаси нас

Всевышний, не бунт же... – он опять стал говорить тихо, – мне бы хотелось, чтобы о нашем деле знали только мы. Мы посмотрим, осуществится ли моё желание.

Король движением глаз указал на кривоногий пуф, мягкое сиденье которого было обтянуто красным бархатом, и когда его гость подошёл, снял с пуфа чёрную трость с серебряным набалдашником и сказал:

– Вы уверены, что это сегодня лунное затмение?

– Абсолютно.

– Сядьте, Яков.

За те несколько секунд, которые гость потратил, чтобы выполнить приказ короля, Понятовский успел раздражиться и несколько раз с силой дёрнуть небольшой серебряный жезлик, привязанный к трости.

– Они держат меня здесь в плену, почётном, но всё же плену, – грустно сказал король.

– Я знаю, что вы скоро отправитесь в Петербург, – медленно проговорил Яков.

– В столице врагов, так далеко от родины... – еле слышно прошептал король. – Я бы так хотел сейчас попасть в Лазенки.

– Вы вернётесь в Волчин, Ваше Величество, – странно посмотрев на собеседника и едва уловимо усмехнувшись, проговорил Пануриш.

– Мой родной Волчин?

Как это часто бывает с людьми измученными нервным на-

пряжением, Понятовский вдруг резко захохотал и спросил гостя, будто бы невпопад:

– А правда, Яков, что в вашем роду все старшие сыновья носят тоже имя, что и вы? То есть Яковов Пануришей уже было много, и будет ещё больше, если, конечно, ваш род не угаснет.

Гость почтительно склонил голову и ответил:

– Да, Ваше Величество, вы полностью правы.

– Значит вы как Радзивиллы. У них было предназначено имя Николай для старших сыновей, не знаю, правда, соблюдается ли сейчас этот обычай? Но вы то, ясное дело, не Радзивиллы. Эх, мне сейчас вспомнился весёлый Кароль Станислав Пане Каханку. Чудак же, вот чудак, – и король снова громко захохотал, накручивая на палец кисточку от трости.

Какое-то время Понятовский ещё посмеивался себе под нос, но затем, не глядя на своего гостя, вынул откуда-то три золотые фигурки на толстой цепочке и, подняв глаза на Пануриша, протянул ожерелье ему. Яков взял вещь, которую протягивал король и, поднеся к лицу, пристально посмотрел на то, что было в его руках. Перед ним висели золотая бабочка, усыпанная мелкими бриллиантами, золотой кабан, покрытый изумрудами и золотая, хищная птица, похожая на сокола, украшенная рубинами. Золотая цепочка была массивной, с огромной застёжкой, выполненной в виде креста с розой, лепестки которой были серебряными. Очевидно было, что украшение стоит несметных денег.

– Всё правильно? – спросил Понятовский.

– Да, всё именно так, как должно быть, – ответил Пануриш.

Раздался бой часов. Каждый удар глухо отлетал от потолка к полу и, в полутёмном зале, эти звуки казались по-настоящему зловещими. Король вздрогнул при последнем ударе, мотнул головой, а затем сказал:

– Значит, я буду жить в Петербурге.

– В Мраморном дворце, Ваше Величество.

Скрестив руки на груди и покивав головой, Понятовский усмехнулся.

– Хорошо быть всеведущим, Яков? О вашем даре мечтают многие. Но я смогу загладить свой грех? Как и вы?

– Не так уж и хорошо, Ваше Величество, но я не жалеюсь. Грех не ваш, а мой.

Король встал, и Пануриш сразу же поднялся вслед за ним. Понятовский подошёл к окну. В дали темнел Неман, на противоположном берегу которого, мерцали огоньки в деревянных домиках, над крышами которых вился едва различимый дым. Пануриш стоял за спиной короля. В тусклом свете многочисленных свечей вид у гостя был таинственный и мрачный.

– Ну что же... – сказал король.

Понятовский вернулся к своему креслу рядом с которым стояла небольшая шкатулка, вся покрытая изошрёнными завитками. Открыв её, король достал серебряную капсу-

ду со своей монограммой и вопросительно посмотрел на Пануриша.

– Это то, что нужно, Ваше Величество, – сказал тот.

Королевский гость взглянул на свой перстень, на котором был выложен украшенный мелкими изумрудами треугольник. Король проследил его взгляд. Украшение стоило, очевидно, невероятных денег.

– Если бы я не знал, что вы тоже своего рода король, я мог бы удивиться наличию у вас такого сокровища, – сказал Понятовский.

– Это семейная реликвия, Ваше Величество, – ответил Пануриш.

Засунув руку за пазуху, Яков достал оттуда какой-то скруток тёмной ткани. Развернув его, он вынул небольшой, свёрнутый лист пергамента.

– Вот пергамент, на котором Вашему Величеству следует писать, – низким голосом изрёк Пануриш.

– Пожалуй, нам понадобится больше света, – ответил король.

Пануриш подошёл к одному из подсвечников и, выдернув свечу, сделал несколько шагов в сторону небольшого столика, на котором стоял золочёный канделябр. Гость зажёл каждую из трёх свечей канделябра от свечи, которую держал в руках, а затем вернул её на место. Пододвинув кресло к столу, он почтительно склонился, давая понять королю, что он может занять своё место и преступить к письму.

– Эти чернила хорошо подойдут для пергамента, – сказал Яков, доставая из-за пазухи небольшую чернильницу с плотно прикрытой крышкой. – Соболаговолите воспользоваться моим пером, Ваше Величество, – добавил он, доставая маленькое чёрное пёрышко.

Перо это почему-то произвело особое впечатление на Понятовского.

– Это как будто воронье? – спросил король усмехаясь.

– Да, Ваше Величество.

Понятовский сел за стол, на котором его гость разложил принадлежности для письма, добавив обычный лист бумаги с текстом.

– Просто перепишите текст на пергамент, Ваше Величество, – сказал Пануриш.

– Не так давно я как раз упражнялся в каллиграфии, – ответил ему король.

Пока бывший правитель одного из крупнейших государств Европы переписывал текст с листка на пергамент, Яков Пануриш в полном молчании застыл рядом с королём. Он был настолько недвижим, что казался не живым человеком, а мраморным изваянием, закутанным в человеческие одежды. Он внимательно следил за пером в руке Станислава Августа. Не каждому доводилось видеть короля, самолично переписывающего текст с бумаги на пергамент. Чёрное перо поскрипывало и оставляло буквы, складывающиеся в слова.

Наконец, король закончил и, оставив перо в чернильнице,

поднял голову на своего гостя.

– У Вашего Величества прекрасно получилось, – пробасил Пануриш, слегка поклонившись. – Готово ли место для дара?

– Да, – ответил Понятовский, – оно там, – он махнул рукой в сторону одной из дверей зала.

Встав из-за стола, он направился туда, куда показал рукой. Король открыл двери, из-за которых был виден выход в здание часовни соединённое с овальным залом посредством коридора.

– Нам нужно действовать быстро, – сказал король.

Пануриш и Понятовский прошли в дальний конец помещения, там виднелся маленький столик. Сдвинув его собственными руками, король приподнял доску, на которой столик стоял. Взгляду монарха открылась глубокая яма. На дне ямы лежал деревянный ларец, без каких-либо украшений.

– Всё так, как должно быть. Здесь и следует оставить дар. Нужно будет распорядиться, чтобы слуги скрыли все следы, тщательно заделали пол. У вас же ещё есть несколько доверенных слуг, Ваше Величество?

– Да, ещё есть.

Собеседники вернулись в овальный зал. За дверями послышалась русская речь, с аккомпанементом бряцанья шпор.

– Конвой... – проговорил Станислав Август, грустно посмотрев в окно.

Король помедлил в нерешительности ещё мгновение, а затем обернулся к Пануришу, стоявшему в двух шагах.

– Те, кто должны знать – будут, в том числе какие-то евреи? – спросил король.

– Да.

– И последнее, что вы должны сказать мне. Я просил императрицу за свой народ, я не могу забыть свой долг перед ним. Россия победила. Нашей былой независимой Польши – больше нет. Я знаю, что вам известно будущее страны, и моё будущее тоже. Так вот, ответьте мне, я хочу знать: что будет с моей родиной? – король говорил всё быстрее, – и ещё одно: я умру в Петербурге?

Пануриш посмотрел на короля в упор. Его взгляд был непроницаем. Он сложил ладони вместе, казалось сейчас он начнёт уговаривать короля не просить ответа на эти вопросы. Бледное, лицо Понятовского было совсем не похоже сейчас на лицо некогда могущественного монарха. Перед Яковом был проситель. Разведя ладони в стороны, Пануриш сказал только два слова:

– Она возродится, – а затем добавил. – Да, в Петербурге.

Король побледнел ещё больше и несколько мгновений только двигал сухими губами. Он закрыл уши руками, как человек оглушённый взрывом, но быстро овладев собою, пристально посмотрел на гостя.

– Но ведь вы сказали, что я вернусь в Волчин!

– Да вернётесь, но уже после этой... – Пануриш помолчал

и закончил, – жизни.

Глава 5. Приключения с утра

Профессор Литвакас открыл глаза. Он проживал в не самом старом районе Вильно, но всё же старинных особняков, которым скоро должно было исполниться 100 лет, там было предостаточно. Многие состоятельные люди уже не первый год скупали имущество по соседству с профессором философии. Назывался этот район – Жверинас.

Литвакас очень любил свой уголок города и свой старый деревянный дом, покрытый прекрасной черепичной крышей. В этом доме у него была большая спальня и узкая, спартанская кровать, с которой он и поднялся ранним утром. Вид его выдавал бессонную ночь. На его прикроватной тумбочке лежала книга Эдгара По, раскрытая на стихотворении «Сон во сне». Наскоро умывшись, Литвакас быстро перекусил тем, что осталось от ужина и, накинув пальто, выбежал из дома. Сегодня он не собирался читать лекции. Прыгнув в свой новенький дорогой седан, чёрного цвета, профессор завёл двигатель и через час был уже за городом, где позволил себе развить нешуточную скорость – 180 километров в час. Литвакас любил скорость, кроме того он спешил. Его седан, поблёскивая на солнце, летел по трассе в сторону Беларуси.

Проскочив границу относительно быстро, Литвакас продолжал давить на газ и вскоре увидел замаячивший впереди

Гродно. Именно туда спешил литовский профессор.

Припарковавшись в центре города, Литвакас постучал пальцами по рулю, слегка поскрёб его приятную на ощупь кожаную поверхность, и достал из внутреннего кармана пиджака свой телефон. Постучав по сенсорным клавишам, он поднёс тонкий кусок пластика к уху.

– Алло, – сказал в трубке приятный, молодой женский голос.

– Виктория, это Литвакас.

– Вы, профессор? – голос девушки звучал удивлённо, и как показалось Литвакасу, немного устало.

– Я приехал в Гродно и мне надо поговорить с вами, Вика.

– Вы в Гродно? – голос собеседницы Литвакаса стал ещё более удивлённым.

– Да, это очень важно. Я понимаю, что всё это очень неожиданно для вас. Я прямо как незванный гость в разгар чаепития. Просто поймите, что это очень-очень важно, Виктория.

– О, конечно, профессор. Я всё прекрасно понимаю и знаю, что вы не просто так приехали к нам в город. У вас есть важное дело, и я с удовольствием с вами встречу, чтобы уладить его.

– Я знал, что найду у вас понимание, Виктория. Можете ли вы быть в три часа дня у памятника Элизе Ожешко?

– Минуточку... Да, профессор. Давайте так и сделаем.

– Спасибо. До встречи.

– Спасибо вам профессор.

Положив трубку, Литвакас застыл на несколько мгновений, а потом, резко открыв дверь, пошёл прогуляться по городу и перекусить. До встречи с девушкой у балтийского путешественника было ещё немного времени.

Вика тем временем обдумывала неожиданное появление Литвакаса. Она всё ещё сидела на кровати не одевшись. Девушка провела руками по волосам. Необычный яркий и интересный сон, заставил молодую особу задуматься о причине его появления.

– Обычно я не вижу снов, – сказала она сама себе и протянула руку к телефону, который успела отложить на маленький журнальный столик.

В это время Мечислав и Владимир обедали дома у гродненского историка. Мечик приютил своего минского коллегу, и они уже успели с утра позаниматься уникальными артефактами, которые до этого были знакомы Владимиру лишь по фото и описанию друзей. Владимир смог сам поддержать в руках серебряную капсулу, хорошо очищенную и блестящую.

Жена Мечика вошла на кухню, где расположились историки.

– Приятного аппетита, – сказала она.

– Спасибо! – хором ответили Мечик и Владимир.

– Очень вкусно, вы прекрасно готовите, – сделал Владимир комплимент хозяйке дома, которая была одета в домаш-

ний спортивный костюмчик и как раз собирала волосы в пучок на затылке.

– Очень приятно, – сказала молодая хозяйка и улыбнулась.

В это время в кухню вбежал маленький сын Мечислава. Он бросился к отцу и попытался схватить его за горловину свитера.

– Я же ем, ты же видишь, – сказал Мечислав и, улыбнувшись, поднял сына и посадил его к себе на колени.

В это время, в комнате на чердаке, где Владимир и Мечислав оставили свои телефоны рядом с артефактами Понятовского, раздавался звонок. Телефон Мечика вибрировал на столе, но обитатели дома не слышали, так как были слишком далеко.

Вика подождала ещё немного и, так и не услышав приветствия Мечика в трубке, опустила телефон на колени.

– Не поднимает, – задумчиво сказала девушка, – Нужно будет набрать позднее.

Она встала и принялась собираться на встречу с Литвакасом.

В это время Мечик и Владимир закончили обед и вернулись к своим делам.

– Сохранность изумительная, – сказал Владимир, ещё раз беря серебряную капсулу в руки.

– А эта коробочка из красного дерева, – произнёс Мечислав, – просто великолепная вещица. Даже сложно сказать,

что тут радует больше.

– Золотой герб Понятовских, – ответил историк.

– Ещё бы! – воскликнул Мечик.

– Но, а пергамент... Знаешь, даже если бы на нём ничего не было написано, я бы всё равно считал, что он великолепен, – проговорил минчанин.

Мечислав усмехнулся и понимающе кивнул головой. Владимир продолжал держать в руках серебряную капсулу.

– Ты очень хорошо её очистил. Она прямо во всём блеске. Теперь отлично видно все, что на ней изображено, – отметил Владимир.

– Обрати внимание на эту ручку в виде головы вола, – посоветовал гродненец.

– Она такая приятная на ощупь... Мне даже больше нравится её трогать, чем на неё смотреть, – слегка улыбнувшись, спокойным голосом сказал гость.

Мечик подошёл к столу, где лежал его телефон и, взяв его в руки, воскликнул:

– Звонила Вика! Видимо мы не слышали пока обедали. Эх!

– Позвони ей, – посоветовал Владимир и Мечик, нажав на вызов, поднёс телефон к уху

Вика услышала звонок телефона, который лежал у неё в небольшой сумке, перекинутой через плечо. Девушка порылась в ней и, не без труда, нашарив телефон, вытащила его. Взглянув на мобильный она с радостью улыбнулась.

– Да, Мечик, – улыбаясь сказала девушка в трубку.

– Привет, – услышала она в ответ.

– Привет.

– Я вижу, ты звонила, но мы с Володей не слышали. Обедали, ага, – сказал весёлым тоном Мечик.

– Просто есть новости.

– Какие?

– Сегодня с утра мне позвонил Литвакас. Представь себе, профессор в Гродно...

– Вот это новости, – удивлённо сказал Мечислав. – Он тебе звонил? И что сказал? Чего он хочет?

– Он не объяснил, – ответила Вика.

– И?

– И сейчас я иду на встречу с ним. Мы договорились в три часа, у памятника Ожешко. Я уже близко к месту.

– Ты совсем не знаешь, чего он может хотеть? Хотя, предположить то несложно. Правда, как думаешь?

– Точно не знаю, но предположить действительно легко.

– Наверняка это связано с артефактами.

– Да, наверняка. Ну что же ещё ему может быть нужно? Он хочет что-то сообщить по нашему делу и это, вероятно, будет нам на пользу.

– Или ещё что-то узнать, – сказал Мечислав.

В это момент Вике показалось, что впереди, среди идущих людей, стоит какой-то человек, лицо которого было ей знакомо, но она никак не могла вспомнить, где его видела.

Его внешность была такой невыразительной, что запомнить её казалось почти невозможным. Ей припомнилось, что похожий человек уже шёл за ней однажды или же ей просто показалось, и никакого преследующего её человека не было, ни тогда, ни сейчас.

– Алло, Вика, ты здесь? – спросил Мечислав, слыша в трубке молчание.

– Да, – сказала девушка спохватившись.

Она ещё раз пристально всмотрелась в человека, показавшегося ей знакомым, но он просто стоял и смотрел на неё, а потом вдруг улыбнулся и помахал девушке.

«Это просто какой-то мой знакомый, но я-то его совсем не помню» – пронеслось в голове Вики.

– Вика, с тобой всё хорошо? – услышала она вопрос Мечислава.

– Да-да, – ответила девушка, а сама подняла голову и вновь всмотрелась в человека, который махал ей. Он пошёл девушке на встречу, но тут Вика увидела, что машет и улыбается он не ей, а кому-то за её спиной.

– Тут просто кто-то махал мне, но оказалось, что не мне, – сказала Вика в трубку.

– Ага, – несколько озадаченно проронил Мечислав.

– Я думаю, это прекрасная возможность узнать ещё что-то. Я, честно сказать, сгораю от любопытства. У Литвакаса университет и студенты. И вот он, получается, всё бросил и поехал в Гродно. Разве тут можно быть незаинтригован-

ной?

– Ну да. Может ты хочешь, чтобы мы с Володей подъехали?

– Ну, я думаю, что справлюсь. Возможно, Литвакас и сам захочет повидать Владимира, ведь они давно знакомы и именно он его нам и порекомендовал. Если он захочет, то и вы с ним встретитесь.

– Понятно. Ну, тогда созвонимся.

– Да, до звонка, Мечик.

Девушка отключила трубку и посмотрела на небо. День был солнечный, но не особенно тёплый.

После того, как связь прервалась Мечик подошёл к окну и взглянул на улицу.

– Ну и что там? – бросил Владимир, всё ещё державший в руках капсулу.

– Представляешь, Литвакас приехал в Гродно и позвонил Вике. Предложил ей встретиться, и она сейчас идёт на эту встречу.

– Так это же хорошо, – спокойно сказал Владимир. – Наверняка он сообщит что-то важное, а иначе, зачем он приехал в Гродно?

– Мда... У меня какое-то странное чувство... Как будто бы этот Литвакас несёт какую-то угрозу. Как будто бы он связан с угрозой. Ты вот знаешь его давно. Что он за человек? – спросил Мечик.

– Ну, он хороший специалист, – ответил минчанин.

– А что он за человек?

Владимир только пожал плечами.

Пока Мечислав и Владимир обсуждали Литвакаса, Вика почти пришла на место встречи. Девушка была очень педантична и не любила опаздывать. На встречи, тем более деловые, она почти всегда приходила заранее, и нередко сама ожидала того, с кем условилась встретиться.

Рядом с памятником находилась старая гродненская аптека с прекрасным интерьером. Бывать там было приятно, и девушка заглянула туда, так как до трёх часов было ещё достаточно времени. Проведя несколько минут в аптеке, Вика вышла на улицу и направилась к памятнику Элизе Ожешко, до которого оставалось пройти самую малость.

К её удивлению Литвакас уже ожидал там. Профессор пришёл на встречу даже раньше её и теперь сидел на небольшой, чистой лавочке.

Гость поднялся на встречу той, кого ожидал, и сильный порыв ветра распахнул полы его тяжёлого, зимнего пальто, сшитого из серого драпа. Невероятной длинны шарф был намотан на шею профессора. Его лакированные туфли не отличались чистотой. А толстые ладони с довольно-таки короткими пальцами – наполовину выглядывали из карманов тёмных, полосатых брюк. Он был из тех людей, которые выглядят смешными чудаками даже в дорогой одежде и в дорогой машине, с дорогими часами на запястье, а особенно смешными таких людей делают дорогие подруги, держащие

их под руку.

Чёрные глаза Литвакаса смотрели, не отрываясь, на Вика. Зимнее солнце заливало место встречи профессора и девушки. Аккуратный памятник польской писательнице Элизе Ожешко уже много десятилетий украшал Гродно и теперь лицо скульптуры было обращено к Литвакасу. Стоял небольшой мороз, и в этом месте открывался отличный вид на центральный парк, названный в честь французского учёного восемнадцатого века – Жилибера. Даже голые деревья этого парка производили приятное впечатление, а на маленьком мостике, с кованными ажурными перилами, как будто вышитыми в воздухе чёрными нитками, резвилась какая-то парочка, посылая в небо свои весёлые крики.

– Здравствуйтесь, Виктория, – сказал Литвакас, когда та была ещё далеко. Он был уверен, что его голосу хватит силы пробиться сквозь ветер и достигнуть слуха девушки, бодро шагавшей ему навстречу. Вика действительно услышала и, помахав рукой, пошла быстрее.

– Здравствуйтесь, – сказала она, подойдя к Литвакасу.

Солнце озаряло аккуратно убранные волосы, а ветер колыхал её одежду. Она смущённо потупила взгляд и провела по краю пальтишка своими длинными пальчиками.

Но Литвакас остался равнодушен к этой идиллической картине. В другой момент он мог бы отдать ей должное, так как был рьяным ценителем женской прелести, однако теперь он был поглощён какой-то идеей, сжигавшей его мозг. По-

этому он сделал шаг к слегка стеснявшейся девушке и громко выпалил:

– Вика, вы должны бросить это дело с находкой.

– Что?

– Вы должны перестать распутывать историю этих находок, которые вы выудили из времён Понятовского. Я уже говорил, что это серьёзнее, чем вы думаете, могу только подтвердить свои слова. Ваш друг может продать мне эти артефакты.

– Но ведь я говорила вам, профессор, что дело не в деньгах.

– Да, не в деньгах, не в деньгах, но вы должны понять, что я прошу вас оставить это дело. Вы понимаете?

– Но почему?

В этот момент резкий порыв ветра накрыл собеседников. Литвакас вдохнул свежий, холодный воздух, но это его ничуть не успокоило.

– Возможно, мне следует говорить с Владимиром, а не с вами, – зло сказал Литвакас, – вот уж он....

Неожиданно литовский гость замолчал на полуслове, а лицо его наполнилось ужасом. Профессор смотрел, куда-то за спину Вике. Удивлённая девушка повернулась, пытаясь понять, что же так поразило её собеседника. Через дорогу от них, напротив ограды парка, стоял тот самый человек с невыразительной внешностью, который уже несколько раз был ею замечен. Повернув голову назад, Вика обнаружила,

что профессор, несмотря на свой не самый молодой возраст, с огромной скоростью бежит вверх по улице Телеграфной.

– Ты что... – прокричал яростный мужской голос, поверх скрежета тормозов.

Посмотрев вновь на дорогу, за которой до этого стоял загадочный невыразительный человек, Вика поняла, что он уже посреди дороги, а перед ним затормозила машина, в которой сидел не перестававший орать непечатные слова водитель.

Вика почти машинально, быстро пошла вслед за Литвакасом – подальше от этих странных событий. Пройдя десяток метров, девушка обернулась и увидела драку выскочившего водителя машины и невыразительного субъекта. Тот первым же ударом отбросил водителя к машине, по которой несчастный сполз на дорогу и распластался без признаков жизни. Затем невыразительный пошёл вслед за Викой. Девушка в ужасе побежала вперёд, но как только Вика поравнялась с аркой одного из домов, она ощутила рывок. Кто-то схватил её и резко рванул к себе. Девушка оказалась в арке и почувствовала, что не может пошевелиться.

Глава 6. Приключения продолжаются

Кто-то крепко держал Вику сзади и зажимал ей ладонью рот. Через несколько секунд в арку вошёл тот самый невыразительный субъект, который шёл за девушкой от дороги,

где он одним ударом отправил в нокаут водителя. Субъект приблизил своё лицо к лицу Вики, и она увидела, что глаза у него почти прозрачные и не выражают никаких эмоций.

Старый дом, в арке которого держали девушку, находился в центре города, однако прохожих на маленькой Телеграфной улице было мало, и особо рассчитывать на их помощь не приходилось.

Незнакомец продолжал смотреть на Виду в упор. Неожиданно в его глазах мелькнула насмешка, и он игриво склонил голову. Резким движением он вытащил огромный охотничий нож с изображением треугольника на лезвии. Увидев это, девушка сжалась всем телом и вскрикнула, но звук голоса был заглушен ладонью того, кто держал её. Человек с ножом, между тем, провёл кончиком своего оружия по ноге девушки, не нажимая сильно, чтобы не порезать одежду и не поранить свою жертву. Затем Вика ощутила, что острие ножа упирается в область сердца. Поведя руку с оружием в сторону незнакомца, не перестававший пялиться в глаза перепуганной девушки, подцепил ножом висевшую на плечике жертвы сумочку и, сняв этот любимый гродненкой предмет гардероба, опустил его вниз, на мостовую. Затем он присел рядом с сумкой и бесцеремонно принялся копаться в ней, явно пытаясь что-то отыскать. Несмотря на страх девушка испытала стыд от того, что незнакомец с мерзкими, прозрачными глазами копался в её личных вещах, старательно ощупывал их и бесцеремонно выбрасывал ей под ноги. Казалось,

ему это доставляет удовольствие. Наконец, он вытащил её телефон и, спрятав нож, поднялся перед Викторией в полный рост. Насмешка в его глазах мгновенно потухла, он махнул тому, кто держал девушку, и она ощутила толчок в спину, от которого не смогла удержаться на ногах. Упав вперёд и ободрив коленку, Вика услышала, как резко сорвались с места те, кто держал её.

Девушка поднялась, поправляя одежду и стараясь успокоиться. Она собрала вещи, выброшенные из сумочки, обратно. Телефон, с помощью которого Вика могла бы позвонить в милицию, украли, а бегать и звать на помощь среди бела дня, ей не хотелось, да и в этом, строго говоря, не было очень большой необходимости, ведь теперь ей никто не угрожал.

Немного придя в себя, девушка выглянула из арки и, к своему удивлению, увидела человека с прозрачными глазами, стоявшего неподалёку и державшего её телефон.

В ужасе девушка отшатнулась и побежала по проходу вглубь, но, внезапно, злость захлестнула Вику, она остановилась и сжала кулачки.

«Это мой телефон, там куча нужных номеров, а эти наглые паразиты даже не думают убежать с ним. Сейчас, в конце концов, белый день. Тут не лес, а центр города...» – пронеслось в голове у девушки.

Она развернулась и решительным шагом вышла из арки назад на улицу. Увидев, что похититель её телефона всё ещё там, она почувствовала прилив страха, но тут же поборов его

громко крикнула:

– Отдайте мой телефон!

Голос её дрожал от волнения, но она ещё сильнее сжала ладони и пошла за загадочным человеком, который как будто специально дразнил её, покручивая в руке телефон.

Незнакомец улыбнулся и медленным шагом, словно приглашая Вику следовать за ним, пошёл в сторону памятника Ожешко. Затем он свернул направо, в сторону старинного особняка, известного тем, что его некогда занимали масоны, и, пройдя сквозь красивые, покрашенные в тёплый цвет, ворота – скрылся из виду.

Вика ускорила шаг и свернула за незнакомцем. Тот был уже у самого особняка, а рядом стоял другой субъект, видимо, тот самый кто держал Вику, пока человек с прозрачными глазами шарил в её вещах.

В этой части города было довольно людно, что придало девушке больше уверенности. Вдохнув поглубже и сжав губы, она двинулась вперёд.

Двое незнакомцев и не думали убежать от девушки, они спокойно зашли за особняк, скрывшись из виду. Вика ещё ускорила шаг и свернула вслед за грабителями. Подойдя к краю обрыва, у которого была расположенная бывшая резиденция масонов, Вика повернула голову налево, но не обнаружила тех, за кем шла. Зато, она увидела, что на высоком крыльце с колоннами, поддерживающими большой балкон, висящий под стрельчатыми окнами, стоит человек в тёмном

плаще, с длинными, седыми волосами.

– Здравствуйте, Виктория, – сказал человек низким голосом, – то, что вы ищите – у меня.

Порыв ветра взвихрил его седые пряди и распахнул плащ. Он поднял правую руку и показал девушке её телефон, который он держал своей огромной ладонью, одетой в кожаную перчатку.

– Кто вы такой? Скорее отдайте, а то мне придётся позвать на помощь, – сказала Вика слегка дрожащим голосом.

– Вы получите то, что хотите, паненка. Да, так и будет. Не волнуйтесь. Мои люди вас напугали. Это сделано специально. Да, знакомство должно было вас впечатлить. Вы должны хотя бы приблизительно понимать с кем имеете дело. Должны понимать, что я не шучу.

Вика стояла, скрестив руки на груди, чувствуя страх переходящий в возмущение.

– Меня зовут Яков, – представился человек, – Яков Пануриш.

Это имя почему-то показалось девушке знакомым.

– Виктория, очень приятно, – машинально сказала Вика, сразу поняв, как глупо в данной ситуации звучат её слова.

Она смущённо опустила голову, а человек в тёмном плаще едва слышно рассмеялся и сказал:

– В вашем телефоне, в записной книжке, записано время, в это время мы с вами увидимся снова. Можете взять своих друзей историков, но, если вы приведёте кого-нибудь

ещё – встреча не состоится. На этой встрече вы узнаете ответы на свои вопросы: речь про ваши находки. Эта встреча для вас абсолютно безопасна, тем более с вами будут ваши друзья. Но если вы не придёте, то не будете в безопасности. Вам сегодня показали, что вы не должны чувствовать себя в безопасности даже в таком безопасном месте, как эта улица, если лично я не хочу, чтобы вы были в безопасности. Итак, до встречи.

Человек слегка поклонился, повернулся и зашёл внутрь особняка...

– Ах да, чуть не забыл. Ваш телефон уже у вас в сумке.

Вика, не веря словам незнакомца, медленно засунула руку в сумочку и сразу же ощутила пальцами гладкую поверхность телефона.

Тихое журчание воды доносилось снизу долины. У расположенного неподалёку дома Элизы Ожешко бездомный кот подкрадывался к стае голубей, которые были начеку и быстро отходили подальше от голодного охотника, но пока не спешили улетать. Солнце всё так же светило, но почти не грело, а с крыши особняка масонов капала вода, заставляя бурлить лужицу, полную солнечных искорок. Всё было тихо и спокойно, а опасные незнакомцы просто пропали.

Ошарашенная девушка пошла быстрым шагом к главному входу университета Янки Купалы. Ей хотелось попасть туда, где много людей. Шок от произошедшего уже прошёл, и Вика ощутила усталость и спутанность мыслей. Теперь, опра-

вившись от потрясения, она не могла поверить в то, что произошло.

Пройдя через главный вестибюль университета, она попала в длинный коридор, в конце которого свернула направо и оказалась в университетской столовой, не отличавшейся особенным уютом, но зато наполненной молодыми людьми, которые зашли пополнить силы перед учёбой.

Купив себе чаю в пластиковом стаканчике, Вика села за свободный столик и перевела дух.

Взяв смартфон, который теперь напоминал ей о не самых приятных моментах, она не без некоторого страха открыла записную книжку и мысленно прочла запись, оставленную там:

«Три часа ночи, на том же месте».

Подняв глаза, Вика остановила взгляд на одной точке и задумалась. Через мгновение она уже набирала чей-то номер.

– Алло, – сказал в трубке мужской голос.

– Мечик, – голос девушки дрогнул, и она неожиданно для себя самой чуть не расплакалась.

– Что? Что такое, – голос историка звучал тревожно, он сразу понял, что с девушкой что-то не так.

– Приезжайте как можно скорее в столовую Янки Купалы. Ладно? Поскорее, – сказала Вика.

– Хорошо, – ответил Мечик.

– Возьми Владимира. Мне нужно кое-что сказать вам.

– Я понял, мы скоро будем, – голос Мечислава звучал уве-

ренно. – Всё нормально?

– Ну, не сказать, чтобы совсем всё было нормально, но не волнуйтесь, просто, пожалуйста, приезжайте поскорее, – ответила девушка.

– Ясно! Мы едем. Главное не волнуйся.

– Жду вас, – ответила Вика и немного помедлив, положила телефон на столик, а затем обернулась вокруг.

В зале было множество весёлых студентов, и ничего угрожающего, но после пережитого Вике казалось, что в зал может войти тот самый невыразительный человек с прозрачными и бездушными, как у рыбы, глазами.

Не успела девушка выпить и половину своего пластикового стаканчика, как у входа уже стояли Мечислав и Владимир, обводя зал глазами. Дождавшись взгляда Мечислава в её сторону, Вика помахала ему рукой. Историки немедленно пошли к ней, и заняли места за столиком.

– Ну, что? Что такое? Что Литвакас, а? – забросали они Вику вопросами.

– Он... он... – девушка почувствовала, что может заплакать, но справилась с собой.

– Что? – спросил Мечик.

– Он... он только посоветовал мне бросить это дело... продать ему артефакты, – сбивчиво заговорила девушка.

– Продать! – возмущённо сказал Мечислав. – Ага, сейчас.

– А потом, представьте, он убежал, а на меня напали.

– Напали... – почти испуганно проговорил Владимир.

– Кто? – прорычал Мечислав.

– Не знаю. Какие-то люди. У них был нож. Они украли мой телефон, но потом вернули, и там была запись. А один из них, ну, как бы главный, особенно меня напугал. Его зовут, представляете, Яков Пануриш. Так он сказал.

– Нужно в милицию позвонить, мне кажется, – тихо произнёс Владимир.

– Нож? Украли телефон? – спрашивал Мечик, который явно был вне себя.

– Теперь телефон у меня. Я в порядке, только колено побила, – сказала Вика. – Главное это то, что они оставили в моём телефоне запись.

Девушка взяла телефон и, поведив пальчиком по экрану, отдала его Мечиславу, к которому сразу же подвинулся поближе Владимир.

– Три часа ночи, на том же месте, – прочёл Мечислав вслух, а Владимир шевелил губами, читая про себя.

– Он сказал, что я могу привести вас, – проговорила Вика.

– Мы пойдём, я хочу посмотреть в глаза этому человеку. Что это за тварь, которая нападает на девушку среди бела дня, в центре нашего города. Яков? Яков Пануриш? Его имя звучит для меня как-то знакомо. Хм... Да! Я точно хочу взглянуть на этого товарища.

– Может быть, разумно всё-таки сообщить в милицию, ведь тут было нападение и угроза ножом? – тихо спросил Владимир.

– Я и без милиции не боюсь этих ребят, – ответил Мечислав, с силой ударяя кулаком в ладонь.

– Но... – начал было Владимир.

– Мы попросим мою жену подстраховать нас. Если мы не вернёмся через час с этой встречи она позвонит в милицию... Хотя, лучше ей не знать, она ведь испугается. У меня есть друг – Фёдор. Вот он и побудет на подстраховке, – сказал Мечислав.

Собеседники молчали, а за соседним столиком весело смеялась парочка студентов, уплетая чипсы из пакетиков.

– Так и сделаем, – подытожил Мечик, сделав серьёзное лицо. – А теперь, Вика, расскажи всё в подробностях, и мы тебя отвезём домой и даже до двери проводим, на всякий случай, – произнося последние слова, Мечислав уже широко улыбался.

Через час в квартире Вики повернулся ключ. Девушка вошла домой и устало села в коридоре. У неё было немного времени, чтобы отдохнуть. Через несколько часов был назначен сбор у Мечислава. Из дома историка друзья собирались отправиться на встречу с Пануришом.

Вика стянула с себя джинсы и села на кровать, чтобы осмотреть колено. Большая ссадина украшала теперь прелестную девичью ножку. Скептически помахав головой, девушка хотела было прилечь, но её телефон дал о себе знать приятным мелодичным звонком. Несмотря на нежность мелодии, девушка вздрогнула и схватила трубку, затем секунду

поколебавшись, поднесла её к уху.

– Ну, вы видели сами, правда? Вы должны оставить это дело, я же просил вас, – зачастил в трубке мужской голос.

– Спасибо за ваше предупреждение, профессор. Я вижу, что вы были правы. Да, правы. Опасность действительно есть. Я в этом убедилась.

– Просто бросьте это дело, бросьте, бросьте, – продолжал стрекотать голос в трубке.

– Простите, пожалуйста, профессор. Давайте поговорим позже. Огромное вам спасибо за предупреждение. Мне просто нужно ещё немного отдохнуть. Спасибо, досвидания.

Литвакас понял, что связь прервалась. Он с раздражением отшвырнул телефон и ещё сильнее нажал на газ. Его чёрный седан на нешуточной скорости нёсся в сторону Литвы.

Был ещё непоздний вечер, когда профессор философии подъехал к своему дому.

Зайдя домой он налил себе целую кружку своего любимого, тёмного пива, а затем ещё одну и ещё одну.

Литвакас прилёг вздремнуть и проснулся только тогда, когда сабвуфер его домашнего кинотеатра потряс дом особенно мощным взрывом. Так и не уяснив для себя, зачем он включил новейший блокбастер про супергероев, если он ненавидит подобное кино, профессор потянулся, зевнул и, быстренько одевшись, вышел в прихожую. На секунду застыв, он бросился на кухню и схватил ломать своего любимого сыра. Активно прожёвывая, он хотел было выйти на ули-

цу, но тут в дверь негромко постучали.

Открыв дверь, Литвакас застыл в ужасе, а в коридор к нему тенью проскользнула какая-то фигура. Через полчаса дверь открылась вновь, и посетитель покинул дом профессора. Вскоре вслед за ним вышел и Литвакас. У него был совершенно потерянный вид. Профессор направился к старинному, высокому мосту, по которому двигался, когда отправлялся на работу из своего Жверинаса в центр. Он просто хотел немного погулять и уложить в голове происшествия дня.

Литвакас успел уже наполовину пересечь мост. Вдохнув полной грудью – он остановился, чтобы взглянуть на вид окрестных зданий. Свежий холодный воздух зимней Вильни был приятен профессору. Он поднял воротник пальто и двинулся дальше... В ту же секунду он получил сильный удар в затылок и потерял сознание. Ещё через мгновение Литвакаса схватили под мышки, и за левую ногу, и перебросили через перила моста.

Глава 7. Три избранника Пануриша

Особняк масонов стоял у края долины, на дне которой журчала вода. Странноватый облик здания привлекал к себе внимание, прежде всего самыми разными по форме и размеру окнами. Тут были и маленькие вытянутые, смахивающие на бойницы, и стрельчатые – готические, и прямоугольные, в том числе очень широкие, а во фронтонах помеща-

лись небольшие круглые окошечки. Считалось, что особняк построил ещё придворный архитектор короля Понятовского – Джузеппе де Сакко. Позднее здание перестроили.

Туман окутывал всё кругом. Горящие фонари, окружённые будто бы матовым стеклом, давали рассеянный свет. Холод зимней ночи наполнял улицы, которые были почти полностью безлюдны. Редко-редко в этот час прохожий возвращался откуда-нибудь, и в тишине его шаги казались громкими. Всё кругом спало.

В машине, припаркованной неподалёку от особняка маэстросов, сидели трое.

– Мы точно не сошли с ума? Ночь, а мы вот сидим здесь. Может всё-таки не стоило этого делать? – спросил Владимир.

Мечислав покосился на минчанина. Чувствовалось, что даже он теперь не совсем уверен в том, что им следовало приезжать.

– Я вас привёл сюда, а теперь... Даже и сам не знаю... – проговорил он вполголоса.

Вика сосредоточенно молчала. Девушка пристально смотрела на окутанный туманом особняк. Она вспоминала не самый приятный разговор со странным человеком, как он стоял на крыльце этого старинного дома и смотрел... пристально.

– Ещё не поздно просто уехать и не напрашиваться на неприятности, – сказал Владимир самым своим убедительным

тельным тоном.

– Да? – спросил Мечик.

– Смотрите, – сказала Вика, указывая на одно из окон особняка, – там вроде бы свет. Такой свет, как будто там горят свечи!

Все трое посмотрели на старый дом, некогда служивший пристанищем для загадочных масонов.

– Не понимаю, – сказал Мечик, – там должна быть сигнализация и, по-моему, даже охрана. Как эти люди попали внутрь?

– Может быть это сторож, – робко предположил Владимир, но по его лицу было видно, что он сам не верит в то, что свечи в здании зажёт тот, кто назначен хозяевами строения его стеречь.

– Я, кажется, даже вижу одну из свечей рядом с окном, – негромко сказала Вика.

– Где? – спросил Мечик.

– Вон там, на втором этаже, – ответила девушка.

Владимир только помотал головой. Было видно, что ему очень не хочется идти на встречу с какими-то неизвестными ему людьми в большой и мрачный дом, окутанный серым холодным туманом. Он почесал за ухом и сказал:

– В жизни не участвовал в такой странной истории. Я рад был познакомиться с вами, поймите меня правильно, друзья, но это всё... Я просто теперь чётко понимаю, что мы влипли в какую-то странную, если не сказать зловещую, историю.

Это всё, по-моему, опасно.

– Ты абсолютно прав, – сказала Вика, – прости нас, пожалуйста. – Спасибо тебе огромное и... Мечик! – обратилась она к сидевшему за рулём гродненскому историку. – Может нам стоит м-м-м... отпустить Владимира, чтобы он не рисковал попасть в неприятности?

– Да нет, – почти прошептал Владимир, – теперь-то я вас уже не оставлю, – произнёс он уже более громким голосом.

Вика улыбнулась Владимиру и посмотрела на Мечислава, который не отрываясь следил за особняком, и постукивал пальцами по рулю, иногда глубоко вздыхая и ёрзая в кресле.

– А что теперь находится в здании? – поинтересовался Владимир.

– Кажется, типография университета, или что-то вроде того, – ответил Мечислав.

– Который час, ребята? – спросила Вика.

– Без пяти минут три часа, – ответил Владимир.

– Значит нам пора! – решительно сказал Мечислав и открыл свою дверь.

Через мгновение трое друзей уже стояли на улице. Пар от их дыхания был будто часть тумана, обволакивающего всё вокруг. Они застыли на месте, чувствуя, как холод пронизывает тело сквозь одежду. Мечислав пошевелил пальцами в перчатке и направил брелок на машину, которая, коротко пикнув, закрылась. Не сговариваясь, Вика, Мечислав и Владимир тронулись к особняку.

– Холодно, – тихо сказала Вика, пока они медленно шли к зданию.

Открыв незапертую дверь, они зашли внутрь. Пахло свечами и чем-то вроде ладана, воздух был как будто бы густой и тяжёлый. Слева был проход на второй этаж. Туда вела крутая лестница. Постояв молча в нерешительности, молодые люди переглянулись.

– А... – начал было Мечик, но в этот момент на лестнице показалась фигура человека в странной шапке, надвинутой на лицо.

Человек сделал троим гостям этого загадочного дома знак рукой и пошёл наверх. Друзья снова переглянулись и последовали за человеком, который медленно поднимался по скрипучей лестнице. Их шаги казались громкими, а старые ступеньки не только поскрипывали, но и, как будто, слегка прогибались под их ногами. Поход наверх занял всего несколько мгновений, но показался друзьям очень долгим. На ногах шедшего впереди человека поблёскивали серебряные звёзды, это почему-то особенно удивило Вику, не перестававшую пристально смотреть на них.

Наконец они достигли цели. Перед их лицами было довольно большое помещение, с окнами, занавешенными плотными, чёрными шторами. Толстые восковые свечи плавилась в коротких серебряных подсвечниках, стоявших на полу. Подняв голову можно было увидеть небольшой ку-

пол.

– Ровно три часа, – сказал человек, стоявший в центре зала и державший в руках старинные часы на цепочке.

По углам зала расположилось несколько молчаливых людей с опущенными головами в странных шапках, среди них был и провожатый в сапогах с серебряными звёздочками.

– Вам, дорогая паненка, я уже знаком, а вашим друзьям я с удовольствием представлюсь. Яков Пануриш, – сказал человек, переведя взгляд с Вики на Мечислава, а затем на Владимира, на котором он и остановил свои немигающие, сумрачные глаза. От этого минский гость слегка съёжился и вдохнул поглубже настоящий воздух полутёмной комнаты.

Гнетущая тишина повисла в помещении, слышно было только потрескивание свечей. Так продолжалось довольно долго, пока Пануриш резко не захлопнул крышку часов, заставив Виду невольно вздрогнуть от щелчка этой серебряной штучки, с красивой золотой буквой Р и маленькой, выложенной мелкими алмазами, коронной.

– К делу, – негромко, но почему-то с угрозой, сказал Пануриш. – Вы играете в игру, а я буду вас направлять, чтобы вы могли... – тут Пануриш помолчал секунду, – выиграть, то, что вы должны.

При этих словах Яков улыбнулся друзьям, показав хищный оскал мощных передних зубов.

В этот момент на Мечислава нахлынула неожиданная да-

же для него самого ярость. Он слегка пристукнул ногой и, отчеканивая каждое слово, зло сказал:

– Вы позволили себе обидеть девушку и за это...

– Наверняка вы хотите сказать, что я за это отвечу, дорогой Мечислав, – перебил его Пануриш.

– Вы думаете, что это нормально так себя вести? – спросил дрожавшим от гнева голосом Мечик.

Некоторое время Пануриш молчал, насмешливо глядя на друзей от чего всем троим стало не по себе. Вика придвинулась поближе к Мечику. Подняв глаза вверх, Яков тут же опустил их обратно и заговорил медленно и зловеще очень низким, с хрипотцой, голосом.

– Рыцарь Salsinatus имена свои в треугольник сложил. Поставь избранных по именам на места их в день прихода рыцаря в мир звёздная карта его солнцем на солнце укажет в имён треугольник. Ответ в именах избранных сложенных вместе получишь ты. На Искомом найдёшь его в день назначенный.

Друзья были поражены. Этот загадочный и неприятный субъект знал текст с пергамента, знал наизусть.

– Откуда вы знаете текст, – низким голосом спросил Мечик.

Пануриш усмехнулся и, помолчав мгновение, повернулся к друзьям спиной, при этом он сложил руки на поясице. Затем медленно развернулся к троим молодым людям и, перестав улыбаться, спокойно сказал:

– Я думаю, вам всем должно быть интереснее, что же зна-

чит этот текст. Кое-что вы уже поняли, но многое вам ещё предстоит узнать.

Хлопнув в ладоши Пануриш снова улыбнулся и, наклонив голову набок, добавил:

– Вы узнаете всё прямо сейчас.

– Сейчас? – вырвалось у Вики, глядевшей, не отрываясь на Пануриша.

– Да! – ответил тот.

Воцарилась почти полная тишина, в которой люди слышат даже своё дыхание.

– Итак, слушайте, – сказал Пануриш, – избранные в тексте это вы сами. Да-да, именно вы, точнее некоторые из вас – добавил он, следя за тем, как друзья поражённо переглядываются.

– Но... – начал было Владимир.

– Но это ещё не всё, – перебил его Пануриш, метнув в минчанина жёсткий взгляд своих пронзительных глаз, – поставить избранных по именам в день назначенный, значит расставить вас в резиденциях его величества, вы, конечно, их знаете: Станиславово, Августово, Понемунь.

Одна из горевших свечей издала резкий треск и огонёк её почти погас, но потом вспыхнул снова и почти перестал колебаться.

– Станиславово – твоё место, Мечислав, – продолжил загадочный рассказчик, – потому что твоя фамилия начинается на букву С. Августово – место прекрасной Виктории, чья

фамилия начинается на А. Понемунь...

Пануриш резко поднял глаза кверху, и через мгновение опустил их, остановив на Владимире.

– Но моя фамилия начинается не на букву П, – вздрогнув всем телом сказал Владимир.

– Совершенно верно, – ответил Пануриш, и затем добавил полным сарказма голосом, – ты вообще лишний во всей этой истории, дружок. В усадьбе Понемунь должен стоять я – Яков Пануриш.

В этот момент на лестнице послушались шаги. Кто-то почти бежал по лестнице вверх.

– Гости, – с сумрачной усмешкой проговорил Пануриш, – кто-то их пригласил, – добавил он, метнув полный ненависти взгляд во Владимира.

В ту же секунду в помещении показался милиционер с автоматом, но прежде чем он успел, что-либо сказать, стоявший сбоку от него человек из свиты Пануриша выбил из рук ночного гостя оружие. Автомат отлетел в угол и с глухим стуком упал на пол. Огромный боец одного из элитных милицейских подразделений, облачённый в тяжёлый бронежилет, повернулся к обезоружившему его субъекту, а в это время из-за его спины выскочил второй милиционер с дубинкой в руках. Человек Пануриша спокойно стоял, опустив руки. Выкрикнув матерное ругательство, великан попытался нанести противнику удар в челюсть, но тот ловко уклонил-

ся и слегка подпрыгнув, ударил соперника в висок своей левой рукой в кожаной перчатке. К удивлению друзей и второго милиционера, огромный человек в бронежилете сразу же мягко осел на пол и, плавно наклонившись вправо, распластался на полу. Он был выведен из строя надолго. Не успел второй милиционер прийти в себя от удивления, как перед ним уже стоял другой прислужник Пануриша, пряча руки в своей широкой одежде. Размахнувшись зажатой в правой руке дубинкой, милиционер обрушил на стоявшего перед ним человека удар, который не смог достичь цели. С быстротой молнии слуга Пануриша выхватил старинную на вид, кривую саблю, похожую на те, что носили шляхтичи и магнаты в Речи Посполитой, и парировал удар, при этом перерубив дубинку до половины. От удивления милиционер выпустил своё излюбленное орудие, которое, сползя по лезвию сабли, с глухим стуком упало на пол. Сразу же после этого человек Пануриша с огромной быстротой ударил милиционера кулаком свободной руки в челюсть, от чего тот отлетел к стене и, ударившись о неё спиной, оказался на полу, потеряв сознание. В ту же секунду Пануриш и вся его свита бросились к выходу, и не успели друзья прийти в себя, как топот ног убежавших, уже затих на лестнице. Мечислав, Вика и Владимир, поражённые всем произошедшим, стояли и смотрели на двух милиционеров первый из которых – великан в бронежилете, уже стал подавать признаки жизни и пытался перевернуться на бок, мотая головой. Не сговари-

ваясь друзья ринулись к выходу, добежали до машины и запрыгнули в салон. Через минуту их автомобиль уже летел по пустынным улицам Гродно.

Глава 8. Дороги домой

– Что? Что это такое? – кричал Мечик, бешено вращая руль.

Вика сидела молча, казалось она находилась в шоковом состоянии. Владимир вращал головой, хмурился и чесал затылок, как будто не мог понять, где он и что с ним.

– Откуда там менты?! – почти кричал Мечислав. Потом он немного успокоился и на целую минуту замолчал.

– Это было нечто, – проговорил Владимир, старательно растирая лоб ладонью.

– Мне показалось, что этот Пануриш, или как там его, считает, что это ты вызвал милицию, – встревожено проговорил Мечислав.

– Нет, конечно, нет, – слабым голосом ответил Владимир.

– Откуда же они взялись?

– Может быть увидели отсветы свечей в окнах, – предположил минчанин.

Мечик помахал головой в знак того, что сомневается в этом. Вика продолжала сидеть молча и смотреть в пол.

– Вика, ты как? – спросил гродненский историк.

– Хорошо, не волнуйся, Мечик, – ответила девушка, под-

няв на него свои серые глаза, в которых читалось спокойствие и даже что-то вроде затаённого веселья.

Оценив тёплый взгляд своей спутницы Мечислав решил, что она действительно в порядке и слегка сбавил скорость. Сделав поворот, он проехал ещё немного и затормозил у своего дома. Выйдя из машины, он открыл ворота и вернулся в салон авто.

– Сейчас заедем, – пробормотал он себе под нос, надавливая на педаль.

Загнав машину в гараж Мечика, друзья ещё некоторое время сидели молча, пока Владимир не сказал:

– Мечик позвони Фёдору, он, кажется, должен был нас страховать, скажи, что всё нормально.

– Да уж, нормально, – пробормотал гродненец и добавил уже громче. – Сейчас.

После звонка Фёдору, который был уже пьян под вечер и, похоже, даже не помнил, что его о чём-то просили, Мечислав сказал:

– Теперь пойдём в дом. Осмыслим.

Трое друзей вышли из машины и направились в дом Мечика, в окнах которого призывно горел тёплый неяркий свет.

Жена историка хлопотала на кухне, а его маленький сынишка почему-то не спал и сосредоточенно крутил колёса машинки, лежавшей на огромном пушистом ковре.

– Это мы, – сказал Мечислав жене, которая улыбнулась и спросила:

– Будете чай? Кофе?

– Да-да, чай, – проговорили гости хором.

После ещё нескольких фраз с женой Меичка, компания отправилась в дальние комнаты дома.

– Итак, что он там нёс, этот тип, – проговорил Мечислав забираясь на своё любимое кресло, Вика аккуратно сидела на стуле, стоявшем у окна, а Владимир стоял рядом с дверью.

– Хм-м-м-м, – промычал минчанин.

– Он сказал, что мы с Викой и есть те самые избранные, – продолжил Мечик, – но ведь это бред какой-то. Причём тут мы, если эта записка Понятовского была составлена в восемнадцатом веке. Чушь.

Вика подняла глаза вверх.

– Да, это всё выглядит каким-то комиксом, я их люблю, но самому быть героем комикса, всё-таки очень странно, – сказал Владимир, глядя на Вику, которая опустила голову и сложила ручки на коленках.

– Нас нужно расставить, по королевским усадьбам в соответствии с нашими фамилиями, – сказала девушка, – вот так.

– Расставить. Ага. Как какие-то шахматные фигурки, – проговорил Мечислав.

– Да уж, – задумчиво произнёс Владимир.

– Кстати, я только сейчас подумал, – сказал Мечик, – что милиционеры могли нас запомнить, а ведь мы находились в этом здании, ночью, это же незаконно, да?

Последние слова историк произнёс с вопросительной ин-

тонацией и сразу же, ударив по столу рукой, добавил:

– Идиотский вопрос! Ну, разумеется, это незаконно, – Мечик иронически хмыкнул и похлопал себя по лбу.

– Я думаю, они нас не запомнили. Эти ребята с ними так быстро разобрались, а главное хорошо разобрались, что им бы вспомнить куда они вообще приходили, – сказал Владимир.

– Надеюсь с ними всё в порядке, – встревожено сказала Вика.

– С кем с ними? – спросил Мечик.

– Ну с... ментами, – ответила девушка с запинкой, как бы стесняясь слова «менты».

– Этим и сосну можно на голове сломать, особенно тому первому, и всё будет хорошо, – ответил Мечислав, улыбнувшись.

– Ну да, – тоже улыбнувшись, подтвердил минчанин.

– А ты не заметил, там где-нибудь были камеры? Ну, в здании или вокруг? Где-то мы попали в кадр? – проговорил напряжённо Мечик.

– Да нет, – ответил Владимир, – я всё проверил, там было чисто.

– Ты прямо Джеймс Бонд, – сказал Мечик серьёзно, но тут же не удержался от улыбки, а ещё через мгновение засмеялся. – Да и мы все Джеймс Бонд, – добавил он сквозь смех.

Минский гость тоже стал смеяться и даже на губах серьёз-

ной Вики появилась улыбка, а через несколько мгновений и девушка присоединилась к двум смеющимся историкам и её приятный смех смешался с их весёлым хохотом.

Тут в комнату вошла жена Мечика с небольшим подносом, на котором стояли чайные кружки.

– Я вижу вам весело. Очень хорошо, – сказала она и, улыбаясь, поставила поднос на небольшой столик.

– Спасибо! – сказала Вика.

– Благодарю, – добавил Владимир.

– Пасиба, милая, – проговорил по слогам Мечик, весело глядя на жену.

– Пожалуйста, – ответила та и вышла из комнаты с хитрым выражением смеющихся глаз.

В этот момент Владимир услышал звонок собственного телефона. Засунув руку в лежащую неподалёку сумку, он вытащил трубку и, взглянув на экран, со слегка недоумённым видом, поднёс её к уху. Его друзья наблюдали за ним. По мере того как Владимир поддакивая слушал собеседника лицо его становилось всё более удивлённым, а потом вдруг на нём появилось выражение ужаса. Голос в трубке был таким громким, что отдельные слова долетали даже до Вики и Мечика. Наконец, Владимир оторвался от телефона и растерянным взглядом обвёл комнату.

– Я должен вернуться в Минск, – после короткого молчания выпалил историк.

– Что? – удивлённо спросил Мечислав. – Как это?

Вика вопросительно смотрела на Владимира, но ничего не говорила, а только слегка постукивала пальчиками по лежащей рядом книжке в старой, тёмной обложке.

– Это... это моя жена, – сбивчиво заговорил минчанин, – она сказала, что у нас дома пожар и что она видела каких-то странных людей... Она выскочила на лестницу и видела, как кто-то стоит рядом и... ухмыляется, а потом он быстро ушёл...

Владимир замолчал и с шумом выдохнув, сильно и резко потёр ладонью лоб, а затем прикрыл обеими руками лицо. Посидев так несколько секунд, он убрал ладони и, мотнув головой, быстро проговорил:

– Я думаю, что это может быть опасно для жены. Что это за странные люди там... И что это за странные люди здесь? Вся эта история просто какой-то кошмарный цирк, если честно. Да, я должен уехать, простите, ребята.

– У меня уже нет сил удивляться, – сказала Вика.

– Ты должен быть с женой, а как только всё выяснишь, то сможешь вернуться к нам, – проговорил Мечик.

Вика встала и, пристально посмотрев на Владимира, тихо сказала:

– Пойдём, мы тебя проводим.

Через минуту Вика и Мечислав уже стояли на крыльце дома, а Владимир выгонял свою машину из ворот. Посигналив на прощанье и махнув рукой, минчанин сразу же резко дал по газам. Оставшиеся на крыльце друзья, ещё долго смотре-

ли вслед лихо стартовавшему автомобильчику, а затем молча переглянулись.

– Пойдём в дом, Вика. И знаешь, давай ты останешься у нас ночевать, – сказал Мечик.

– Может не надо, – мягко попробовала отказаться девушка, – я без проблем доберусь домой.

– Нет, ответил хозяин дома, – ты устала и вообще лучше останься здесь. Поздно! У нас тебе будет хорошо. Тем более я вижу, что ты еле на ногах стоишь.

Не споря дальше, Вика зашла за Мечиком в дом и через двадцать минут уже сидела на краешке кровати застеленной женой гостеприимного историка. Она скрестила свои ножки в белых носочках и пристально смотрела на рисунок ковра. В голове у неё пролетали смутные картинки недавних событий. Наконец, усталая девушка откинулась на подушку и сразу же заснула.

В это время Владимир уже успел въехать в Щучинский район. Дорога в сторону Минска шла через густые хвойные леса. Автомобиль минчанина рассекал воздух, а сам водитель был погружён в самые печальные мысли. Теперь он жалел о том, что ввязался в эту историю, хотя и говорил сам себе, что никак не мог знать к чему всё придёт.

«Только бы дома всё обошлось» – думал Владимир.

Только он хотел включить музыку, чтобы немного отвлечься, как с боку его на огромной скорости обогнал автомобиль, взявшийся как будто неоткуда.

– Эй ты... – вырвалось у Владимира, но закончить фразу он не успел.

В ту же секунду огромный внедорожник немного сбросил скорость и, поравнявшись с автомобильчиком минчанина, резко дёрнулся влево, едва не ударив машину историка.

– Эй, что это... – громко закричал Владимир, отчаянно вдавливая педаль газа и пристально вглядываясь в атакующий его автомобиль.

Через мгновение внедорожник повторил манёвр и на этот раз стукнул машину Владимира в бок. Минчанина с силой бросило в сторону, и не успел он хоть как-то прийти в себя, как последовал новый удар, гораздо сильнее прежнего. Громкий хлопок и скрежет нарушили тишину окружающего трассу леса.

– Что за дела??? – отчаянно выкрикнул историк, отчаянно пытаясь придумать, что же ему делать.

Какое-то время обе машины ехали параллельно, пока впереди не показался одинокий старый жигуль жёлтого цвета, с одной горячей фарой. Чёрный внедорожник ловко нырнул за машину минчанина и, пропустив жёлтую колымагу, снова поравнялся со своей жертвой.

– Да что тебе нужно? – приходя в несвойственную себе ярость и лихорадочно стуча зубами прокричал Владимир, – Иди на...

Последние слова историка заглушил звук ещё одного мощного удара бортом. На этот раз автомобильчик минча-

нина не удержался на трассе и вылетел на обочину. Ещё в воздухе заваливаясь влево, он, пролетев не меньше пятнадцати метров, упал на крышу и, проехав на ней, с громких скрежетом, ещё какое-то расстояние, с силой ударился о сосну. Но огромный внедорожник, вытолкнувший маленькую машинку с трассы, вдруг тоже резко свернул в сторону и слетел в близлежащие заросли, поломав небольшую берёзку, росшую неподалёку от дороги. После этих событий, вокруг воцарилась полная тишина.

Глава 9. Второй сон Вики

Литвакас напряжённо смотрел на своего собеседника. Лучи солнца проникали в дом и озаряли множество старинных предметов, находившихся в комнате. Мимо окна пролетела какая-то большая птица и в этот момент часы стали бить...

– Час дня, дорогой друг, – произнёс гость Литвакаса и добавил. – Значит, вы распутали головоломку и считаете, что это всё всерьёз?

– Это таки всерьёз да, – проямлил Литвакас, прищурившись на того, кто сидел в кресле, – вы понимаете, что это значит?

Ответа не последовало. Гость задумчиво курил дорогую сигару и причмокивал губами.

Литвакас немного помолчал и стал говорить быстро и громко:

– Теперь, когда эта головоломка распутана, есть возможность достать артефакт. Но эта организация смущает меня, скажу даже больше – пугает.

– Сложно поверить в то, что вы говорите об этих людях, – спокойно произнёс собеседник. – Это же не кино.

– Вот именно, – уверенно ответил Литвакас.

– Во всяком случае, надеюсь, вы будете держать меня в курсе, – сказал гость, – я очень рад был немного вас подбодрить.

– Спасибо вам, вы действительно меня поддержали, и помогли, кому как не профессору Баранаускусу знать толк в таких делах, – вежливо ответил Литвакас, после чего оба собеседника поднялись и прошли на лестницу, где Литвакас дружески похлопал своего гостя по плечу и, сказав ещё пару вежливых слов, открыл перед ним дверь.

– До свидания, – сказал гость и вышел.

– До свидания, ещё раз спасибо! – махнув рукой и улыбнувшись, ответил Литвакас, а затем закрыл дверь и прислонился к ней спиной

Улыбка мгновенно пропала с его губ, а на лице появилось выражение озабоченности.

– Нужно нужно предупредить Вику, – зашептал себе Литвакас, – но лучше съездить в Гродно и поговорить лично.

В этот момент в дверь постучали. Литвакас открыл и увидел полицейского.

– Добрый день, – сказал пришедший, – вы случайно не ви-

дели вашего соседа из этого старого дома? – полицейский показал рукой вправо.

– Уже довольно давно не видел, а в чём дело?

– Хотим с ним кое о чём поговорить, – уклончиво ответил полицейский.

– Кажется он на западе, работает в Англии уборщиком туалетов, – громко сказал Литвакас.

– А когда вы видели его в последний раз?

– Даже и не помню.

– Ладно, спасибо за содействие, до свидания.

– Ага.

После этого разговора неуклюжий профессор философии отправился на кухню и налил себе кружку тёмного пива. Постояв секунду над ним, он выпил всё до капли и достал из холодильника куриную ножку. Профессор крайне не любил свинину, но очень позитивно относился к мясу птицы.

«Разговор с Баранаускасом окончательно убедил меня, нужно всё рассказать...» – думал Литвакас.

Он налил себе ещё немного пива, а потом ещё немного...

Следующим утром, открыв дверь своей машины, Литвакас сел за руль, выехал из Вильно и достаточно быстро оказался в Гродно, где встретился с Викой...

Вика стала ворочаться и даже издала сдавленный стон... Девушка видела свою встречу с Литвакасом со стороны. Вот он в ужасе убегает прочь и... её хватают незнакомцы... нож... выброшенные из сумочки вещи... И вот снова Лит-

вакас... Он прыгает в свою машину и несётся на полной скорости назад в Вильно. По пути он останавливается и что-то долго пишет в телефоне, потом едет дальше... звонит ей...

Литвакас въехал в свой двор и, выбежав из машины, застыл перед дверью.

– Как же так... – пробормотал профессор.

Он быстро открыл дверь и зашёл внутрь. Раздевшись, он бросился на кухню и, открыв холодильник с поистине колоссальным запасом пива, достал сразу две бутылки. Через короткое время обе бутылки литовского пива были выпиты и профессор, уже несколько успокоившийся, извлёк из холодильника ещё и свой любимый сорт немецкого пива. Очень скоро ещё одна пустая бутылка присоединилась к своим сёстрам, мирно стоявшим под большим, дубовым столом, у которого всё ещё сидел профессор.

– Напился людец, – сказал сам себе философ. – Мда...

Он радостно засмеялся, как будто дневные тревоги теперь уже не так беспокоили его.

– *In vino veritas*, – добавил профессор.

С трудом встав, он отправился в спальню. Там, раздевшись, он включил домашний кинотеатр, а сам прилёг и задремал. Через некоторое время он очнулся и с совершенно глупым и недовольным видом уставился в экран огромного телевизора, на котором метался крупный человек, совершавший какие-то фантастические вещи.

– Бред! – громко заметил сам себе Литвакас и оделся, а за-

тем отправился в прихожую, но войдя туда – резко метнулся на кухню, чтобы ещё немного потешить себя чем-нибудь вкусным.

За окном шумел ветер, и какой-то мотоциклист, пронёсся с громким шумом, рядом с домом профессора. Не успел шум мотора затихнуть в дали, как в дверь философа постучали. Литвакас вышел в прихожую и стал щёлкать замками... Один... второй... Вот наконец можно открыть. На лице профессора застыла гримаса ужаса и сам он как будто окаменел, а после того, как в его коридор проскользнула человеческая тень, Литвакас ещё какое-то время не закрывал, стоя на самом пороге, слегка наклонившись вперёд, как будто его тянуло убежать, бросив свой дом вместе с тем, кто пришёл к нему.

Наконец профессор закрыл дверь и, еле волоча ноги, прошествовал в зал, где его уже ждал посетитель.

– Вот и я, думаю, вы догадывались, что я приду, – сказал ему гость.

– Что вам надо, Пануриш? – дрожащим голосом спросил профессор.

– Мне нужно, чтобы вы перестали лезть в наши дела и пугать этих ребятишек? Вы что же, хотите вспугнуть мне этих зверьков? Они избраны для того, чтобы стать частью ритуала, вы это знаете, а значит: можете пытаться мне помешать. Вам не кажется, что это не очень умно с вашей стороны?

– Оставьте всех в покое, кто-то просто обманул вас, заду-

рил голову, все эти ритуалы – ерунда и...

– И вы мне всё-таки хотите помешать? Так? Ну, раз это ерунда, то может и не стоит?

Пануриш смотрел на Литвакаса исподлобья и в полумраке глаза незваного гостя горели почти сверхъестественным огнём.

– Зачем вы вообще рассказали мне обо всём этом при нашей первой встрече? – спросил Литвакас, дрожа всем телом.

– Потому что вам, как мне казалось, могло хватить таланта кое-что понять, кое-что дополнить, то есть кое-что объяснить... мне... – в словах Пануриша, впервые с начала разговора, послышались нотки лёгкой неуверенности.

– Так вы чего-то не понимаете, в чём-то не уверены? – прогугнил Литвакас.

– Скажем, тот, кто открыл мне истину, всё-таки что-то утаивает от меня, как видите, я с вами предельно откровенен, Литвакас. Я вышел на вас через него и сейчас мы решим, будете ли вы мне полезны. Конечно, именно ваши знания сыграли роль, но можете ли вы прояснить ещё кое-что?

– Но при этом всё вы всё же хотите проводить ваши обряды, хотя полной уверенности у вас нет?

Пануриш несколько секунд молчал, глядя в пол, а затем поднял глаза и слегка кивнул в знак согласия.

– То есть вы... – Литвакас закашлялся и с трудом продолжил, – вы...

– Вы-вы-вы, зачем мямлить, Литвакас? – произнёс с иро-

нической усмешкой Пануриш.

– Но девушка? Вы действительно хотите с ней сделать это? – сдавленным, чуть слышным голосом произнёс профессор.

– И с ней, и с ним, а как же, обязательно. И у вас есть только одна возможность... Это если вы останетесь в стороне от ритуала и сейчас же скажите мне, что именно рассказали девчонке. От вашего ответа будет зависеть, захочу ли я попытаться развеять с вашей помощью свои сомнения или захочу сделать совсем иное.

– Хорошо, – еле слышно проговорил Литвакас, – я останусь в стороне, останусь.

Пануриш продолжал сверлить профессора философии взглядом и иронически улыбаться.

– Я хотел предупредить девочку, но не успел, – проговорил Литвакас почти умоляющим тоном.

Пануриш хлопнул в ладоши и радостно произнёс:

– Тогда всё хорошо, можете не опасаться, ну и пойдёмте, хлопнем вашего отличного пивка.

Литвакас и его гость прошли на кухню, где Пануриш сам взял бутылку пива открыл её двумя пальцами, чем немало удивил хозяина, налил целый бокал и довольно долго, молча, сидел, и пристально глядя на Литвакаса пил приятный напиток, а затем, так же молча, поднялся и, пройдя мимо боявшегося пошевелиться профессора, вышел из дома.

Через некоторое время за ним вышел Литвакас и напра-

вился к большому мосту через реку.

– Кажется, я убедил его, пусть думает... Завтра опять позвоню Вике, сегодня она не хотела меня слушать, – пробурчал себе под нос профессор, заходя на мост.

Он остановился полюбоваться видом и с удовольствием вдыхал свежий воздух.

В этот момент он получил удар в затылок, после чего его схватили, и перебросил через перила два человека в чёрном, затем неизвестные, напавшие на Литвакаса, бегом покинули место нападения.

На некотором расстоянии от происходящего, на другой стороне моста, стоял последний гость профессора философии вместе со своей свитой.

– Нет, не убедил, – проговорил Пануриш и рассмеялся.

Вика вздрогнула и проснулась, но почти сразу же снова забылась сном.

Глава 10. Третий сон Вики

Огромный прямоугольный дворец стоял над широкой рекой. Его мрачные стены отливали холодным каменным блеском. В одном из пышных залов этого сооружения, толпились придворные, а на небольшом расстоянии от них стояли две персоны, которые говорили друг с другом на французском.

Это были Станислав Август Понятовский и Павел I.

– Как вам теперь нравится ваше положение, мой дорогой и почётнейший гость? – спросил один из собеседников.

– Всё прекрасно Ваше Императорское Величество, – ответил другой.

– Вы рады, что я пригласил вас из Гродно в мой Петербург? – спросил Павел.

– Это большая честь и удовольствие, Ваше Величество, хотя я и хотел когда-то отправиться куда-нибудь в тёплые страны, но видя, как вы приняли меня здесь, я просто не мог не прийти к выводу, что желать чего-то другого глупо и безрассудно.

– Во всяком случае, брат мой, вы не жалеете, что покинули Гродно?

– О нет. Мне бы не очень хотелось оставаться поданным в стране, в которой я когда-то был властелином. Кроме того, хотя Гродно и считался у нас второй столицей, но город был, в сущности, довольно провинциальный.

– Значит вы ни о чём не жалеете? – продолжал допытываться император.

– О, Ваше Величество, кто же может ни о чём не жалеть, прожив жизнь подобную моей и в моём возрасте.

– Вас тревожит судьба родины, это вполне естественно, – сказал Павел. – Но я вас уверяю, что под нашим скипетром с отчизной вашей, брат мой, ничего дурного не случится.

– Да, я верю вам, Ваше Величество. Но судьба родины

и правда тревожит меня... А кроме того ещё многое и многое. Мне часто вспоминаются мои самые молодые годы, которые я провёл в тихом имении Волчин. Хотите услышать от меня одну историю из тех далёких лет, государь?

– А как же, непременно, прошу вас, – ответил российский император.

– Извольте. Как-то я верхом путешествовал в волчинских лесах и набрёл на одну лесную избушку. Находившийся там человек, по имени Пануриш, производил очень странный опыт...

Тут Вика вздрогнула и проснулась, не понимая, где находится, но тут же снова погрузилась в сон.

Глава 11. В зимнем лесу

Владимир открыл глаза и обнаружил, что лежит вниз головой, в перевернутой машине. На долю секунды ему даже показалось, что он спит, но минчанин быстро решил, что всё-таки его ощущения слишком реальные для сна. Голова болела и из сноса шла кровь, а, кроме того, палец на левой руке ныл и выглядел поломанным.

Собравшись с силами, историк подтянул к животу ноги и стал потихоньку выползать из разбитого автомобиля. Он хотел только поскорее выбраться наружу. Это удалось ему очень быстро, так что он даже сам удивился своей проворности. Оказавшись снаружи, молодой человек увидел прекрас-

ный зимний лес, сверкавший в лунном свете. Хотя момент казался весьма неподходящим, Владимир замер, любуясь белой, искрящейся картиной. Он почти перестал чувствовать боль и холод, и просто сидел на коленях, слыша собственное дыхание в полнейшей тишине. Ему казалось, что белые еловые лапы образуют тысячи узоров, летящих на него между мрачных, тёмных стволов.

Из оцепенения его вывел яростный выкрик, доносившийся с другой стороны дороги, оставшейся за спиной историка. Вытерев нос ладонью, он бросился к дороге и, припав к снегу у самого её края, увидел неподалёку чёрный внедорожник. Из него вышли трое людей, одетые в чёрное. Владимир узнал их. Это были люди Пануриша.

– Почему ты свернул? – яростно закричал один из них, обращаясь к другому.

– На дороге появился кабан, – спокойно ответил тот и стал оборачиваться по сторонам.

Недолго думая Владимир сполз обратно к своей машине, и залез в засыпанный битым стеклом салон. Там он нашёл сумку, и тут же вылез обратно. Ещё секунда промедления и вот он уже бежит прочь от машины.

– Какой ещё кабан? – услышал минчанин, уже убегая в лес.

Владимир тяжело дышал, но старался бежать как можно быстрее. Делать это было тяжело, так как голова у него кружилась, поломанный палец ныл довольно сильно, а снег в ле-

су был чрезвычайно глубокий. Кроме того, Владимир никогда не отличался особой любовью к спорту и был не в той физической форме, чтобы запросто развить спринтерскую скорость по ночному, заснеженному лесу, да ещё и после вылета вместе с машиной с трасы.

Наконец он почувствовал, что устал настолько, что если ещё немного пробежит, то просто ляжет, уже не встанет и заснёт.

«Ни в коем случае не спать, тут на снегу, нельзя...» – пронеслось у него в голове.

Постояв минуту, он оглянулся вокруг и вдруг впал в полное отчаянье.

– Холод, лес, куда бежать? – тихо спросил сам себя историк.

Не затрудняясь с ответом, минчанин вновь побежал вперёд, но споткнулся и упал прямо лицом в снег. Обжигающий холод, коснувшийся лица, взбудрил беглеца, и он проворно вскочил на ноги, а затем с новыми силами понёсся вперёд. Пробежав ещё более ста метров Владимир присел у какой-то сосны, прислонился к ней спиной и стал шарить по карманам в поисках телефона. Не найдя его, он полез в захваченную сумку и довольно быстро нащупал в ней трубку мобильного. Подняв голову вверх, он увидел ясное звёздное небо и подумал, что уже очень давно не дышал таким чистым воздухом. Он опять забылся.

«Телефон!» – промелькнуло в голове у Владимира.

Он поднёс трубку поближе к глазам. На экране зияла огромная трещина, а на попытку включения аппарат не реагировал хотя историк и жал на нужную клавишу изо всех сил. В этот момент минчанину захотелось заплакать, но он только опустил голову вниз и через мгновение поднял её, выдохнул и поднялся на ноги. Молодой человек опять полез рукой в сумку, нащупал там ворох денег и жевательную резинку. Не долго думая, беглец достал и распаковал жвачку, а затем положил её в рот.

«Хоть какая-то еда!» – решил он.

Историк уже чувствовал сильный холод и слабость и решил, что жуя что-то сможет немного взбодриться.

Бежать со жвачкой во рту оказалось весьма непросто, пару раз Владимир чуть не подавился и вынужден был выплюнуть её на снег.

Между тем беглец замерзал всё больше и больше, а двигался вперёд всё медленнее и медленнее. Он падал и вставал, иногда лежал по несколько минут и лишь сжав всю волю в кулак заставлял себя подняться. Его всё больше клонило в сон, всё больше ему хотелось просто лечь и заснуть, заснуть так, чтобы избавиться от холода и боли, чтобы больше не чувствовать дикой усталости. Он устал настолько, что уже почти не чувствовал страха.

Неожиданно для себя Владимир скатился с какой-то небольшой горки и лишь с третьей попытки смог подняться на ноги. Подняв отяжелевшую голову и всмотревшись впе-

рѣд, историк оцепенел от ужаса, который накрыл его разом, как большая волна.

Прямо перед ним, метрах в трёх, стоял довольно крупный волк. Он пристально смотрел на незваного гостя, но не проявлял никакой агрессии или страха. Владимир даже не заметил валявшуюся под ногами большую палку, а просто отступил на шаг назад и схватил в правую руку свою сумку, приготовившись отбиваться её от волка. Страшная пауза длилась ещё несколько мгновений, после чего волк просто резко отскочил в сторону и скрылся за деревьями. Владимир в изнеможении упал на колени и тут же рассмеялся.

– Да, ты бы отбился от волка сумочкой, – сказал он сам себе, нащупывая под ногами палку, – вот что надо было схватить.

Следующие несколько часов Владимир плѣлся вперѣд. Иногда он падал и подолгу валялся в снегу. Во время одного из самых длинных своих привалов, историк вдруг услышал звук ломающихся веток и даже, как ему показалось, звуки человеческого голоса. Он находился в чуть возвышенной точке с которой мог видеть вдаль довольно далеко, поэтому он обернулся и, припав к стволу ёлки, пристально смотрел туда, откуда пришѣл. Через несколько секунд он отчётливо увидел троих людей Пануриша, выскочивших из-за огромного бурелома. Они шли по следу... по его следу.

Владимиру ещё не случалось чувствовать такое сильное отчаянье.

«Я пойду и поговорю с ними. Что им нужно от меня?» – подумал историк.

Но он тут же вскочил на ноги и побежал вперёд. Ему казалось, что он бежит довольно быстро, но треск веток сзади становился всё ближе. У Владимира не осталось сомнений – за ним бегут и его догоняют. Очень скоро он услышал и громкий насмешливый крик:

– Ты не убежишь!

Владимир ещё прибавил ходу. Ему показалось, что лес стал редеть.

– Стой, мальчик, мы тебя поймаем и разделаем! – донёсся сзади крик.

Владимир не утерпел и обернулся. Преследователи были уже близко, а в руках одного из них блеснул огромный охотничий нож. Владимир вновь отвернулся и подталкиваемый вперёд приливом страха побежал ещё быстрее. В этот момент в промелькнувшее рядом с ним дерево ударился какой-то предмет и отлетел в сторону. Историк понял, что догонявший его человек метнул нож... Ещё через мгновение другой нож пролетел рядом с ним и, вонзившись глубоко в ствол, издал характерный, резкий звук. Даже в своём полубморочном состоянии Владимир понял, что человек, метнувший нож, обладал огромной силой. Оружие вонзилось в сосну на треть клинка. Беглец снова обернулся назад и заметил, что у преследователей в руках появились кривые сабли.

– Мы тебя обдерём, подранок! – выкрикнул, насмешливым голосом, бежавший впереди двух других, преследователь.

В этот момент Владимир почувствовал, что земля ушла из под ног и он кубарем летит куда-то вниз. Упав в большой сугроб, он поднял голову и, оглянувшись, понял, что только что слетел с невысокого обрыва и лежит на берегу довольно большого озера. Минчанин сразу вскочил на ноги и бросился на лёд. Первый же шаг на замёрзшую поверхность и его ботинок провалился в воду. Видя хрупкость льда, Владимир в нерешительности остановился и тут же почувствовал толчок и резкую боль. Он не удержал равновесие и, упав вперёд, провалился под лёд. Он тут же вынырнул назад и заметил, что в его правой руке торчит длинный нож, пробивший мышцу. На небольшом расстоянии от него находились люди Пануриша. Они радостно кричали и аплодировали.

– Да-да-да, сейчас мы разделаем тебя, кабанчик! – радостно закричал один из них.

– Свежее мясо, – добавил другой, спокойным голосом.

Владимир выполз на лёд и, не понимая откуда берёт силы, стал потихоньку продвигаться дальше. боясь снова провалиться. Люди Пануриша замешкались на берегу, но только на мгновение. Они тоже ступили на лёд и стали осторожно догонять свою жертву. Владимир попытался вытащить нож, застрявший в руке, но не смог и не удержался от болезненного крика, чем вызвал взрыв хохота у своих преследователей.

– Упорное мясо, но наверняка и вкусное! – крикнул ближайший к Владимиру преследователь.

Беглец продолжал отчаянно стремиться вперёд, стараясь ступать как можно аккуратнее. Минчанин попытался идти быстрее и тут же вскрикнул. Пролетевший со свистом нож оцарапал беглецу ухо. Преследователи разразились новыми угрозами и в этот момент нога Владимира провалилась в воду. Люди Пануриша радостно закричали, но тут же, под одним из них проломился лёд, и он стремительно опустился под замёрзшую поверхность озера. На преследователях поблёскивали небольшие кольчуги, которые, несомненно, могли утянуть своих хозяев на дно. Двое оставшихся охотников яростно закричали и замахали саблями.

– Твоя шкура будет отличным трофеем! – громко вопил один из преследователей пока Владимир, аккуратно достав ногу из разлома, потихоньку скользил вперёд.

– Мы всё-равно догоним тебя, свинья, – спокойно сказал второй, вращая своей саблей.

Преследователи всё ближе подбирались к жертве.

Беглец уже почти добрался до берега, когда, сделав резкий шаг, с громким треском вновь провалился под лёд. Он вынырнул и вдруг увидел на берегу кабана, внимательно смотрящего в его сторону. Выбиваясь из последних сил Владимир выбрался на берег и обернулся. На том месте, где ещё недавно стояли люди Пануриша, зияло огромное темноватое пятно разлома. Владимир перевернулся на спину, попытал-

ся встать и потерял сознание.

Глава 12. Недоброе утро

Вика открыла глаза. Она медленно поднялась на постели и провела ручкой по волосам. Утро было светлым и тёплым, но это не порадовало девушку, которой понадобилось довольно много времени, чтобы сообразить, где именно она находится.

«Ах да, я же у Мечика...» – подумала Вика и стала вспоминать события вчерашнего дня.

Картина вырисовывалась не самая радужная, да и необычные сцены, которые девушка наблюдала во время сна, и отчётливо запомнила, были не самыми приятными.

Вика никак не могла избавиться от мысли о том, что она видела, не совсем обычный сон и о том, что происходящее сейчас, тоже как-то смахивает на ночное видение. Ей казалось, что всё вокруг немного нереально, у девушки было ощущение погружённости в какой-то волшебный, иллюзорный мир, и, как бы для подтверждения этого ощущения, она снова увидела бабочку...

– Я снова вижу бабочку зимой! – сказала с выражением недоумения Вика.

Она ещё долго смотрела в окошко и не могла отвести глаз от крыльев страной гостью, пока та не вспорхнула и не скрылась из вида.

Покрутившись немного у окна, Вика убедилась, что бабочка исчезла. Девушка решила, что пора отправиться ванную и привести себя в порядок. На дверце шкафа висел оставленный для неё женой Мечислава белый, пушистый халатик. Гостья накинула его и, открыв дверь, прошла по коридору, из которого попала в ванную комнату. Вернувшись назад спустя полчаса, Вика оделась в свою одежду и снова вышла из комнаты. В коридоре уже стоял Мечислав и сосредоточенно листал книгу по археологии.

– Доброе утро, – весело сказал историк и улыбнулся.

– Доброе утро, – ответила девушка и улыбнулась в ответ.

– Что за книга? – спросила она, указывая ручкой на толстый том в коричневой обложке, который Мечик держал в руках.

– А... Так... Одна книга по археологии, – ответил хозяин дома сосредоточенно рассматривая книжную картинку.

В этот момент молодые люди одновременно повернулись, так как услышали звук разбившейся посуды, исходивший откуда-то с первого этажа.

– Это ещё что? Жена на работе, малой в саду, – сказал насторожено историк. – Я-то взял за свой счёт, чтобы разобраться со всеми этими делами, – добавил он, резко захлопывая книгу.

От хлопка книги девушка вздрогнула и тут же спросила:

– Пойдём, посмотрим?

– Конечно.

Вика и Мечик направились к лестнице и, спустившись вниз, вошли в зал. Никого! Они осмотрели другие комнаты и, в конце концов, зашли на кухню.

– Ну вот что разбилось, – сказал Мечик, поднимая с пола остатки маленькой белой вазы. – Похоже, стояла неустойчиво и вот – бац!

Молодые люди рассмеялись и остались на кухне. Здесь друзья сделали себе завтрак и стали весело болтать о разных вещах, совсем забыв о тревожных происшествиях, недавно случившихся с ними. В то время, когда Мечик рассказывал забавный случай со своим коллегой Фёдором, а Вика пила зелёный чай и улыбалась, молодые люди вдруг снова услышали какой-то резкий звук. На этот раз было похоже, что кто-то царапает чем-то острым по стеклу. Вика невольно поморщилась.

– Это ещё что? – спросил вслух Мечик, оставляя в сторону чашку с кофе.

Молодые люди переглянулись и тут снова услышали тот же звук. Не сговариваясь, они одновременно встали со своих мест и прошли в зал. Открывшаяся им картина заставила друзей остолбенеть. В зале, в одном из кресел, сидел Пануриш. Это он издавал резкий звук, проводя остриём большого, богато украшенного кинжала, по стеклянной поверхности стола. Вокруг стояли уже знакомые Вике и Мечику прислужники их незваного гостя, державшие в руках сабли с великолепно инкрустированными рукоятями. Сзади

от молодых людей показалась фигура ещё одного слуги с саблей. Пути к отступлению были отрезаны.

– Здравствуйте, дорогая паненка, здравствуйте и вы, Мечислав, – сказал Пануриш, не выражающим никаких эмоций голосом, но тут же усмехнулся и добавил весёлым тоном, – вы меня не ожидали, а я вот пришёл, и вам мой визит, как я вижу, не очень приятен.

– Что нужно? – спросил Мечик грозным голосом, выступая вперёд.

Он хотел показать, что не боится незваных гостей, но на самом деле ему стало очень не по себе.

– Вы, – самым спокойным голосом ответил Пануриш и у Вики пробежали мурашки по коже. – Вы оба мне нужны, как вам уже должно быть известно, но сначала я ещё кое-что расскажу вам, правда, вам придётся слушать меня не в самом удобном для вас положении.

Замолчав, Пануриш махнул рукой, и в ту же секунду вся его свита бросилась на Вику и Мечика. Они быстро скрутили друзьям руки и связали их за спиной, а рты заклеили липкой лентой. Вика едва успела слегка вскрикнуть, а Мечик ударить одного из подскочивших к нему людей. Удар пришёлся в скулу и нападавший лишь на секунду замешкался, а затем снова бросился вперёд. После короткой схватки историк оказался сидящим рядом со своей гостьей на диване. Перепуганная девушка, казалось, находилась в шоковом состоянии. Несмотря на ужасное положение и заклеенный рот,

Мечислав поймал взгляд своей подружки и постарался успокоить, подмигнув глазами.

– Теперь вот, вам обоим гораздо удобнее слушать, а не говорить, – сказал Пануриш, хлопнув в ладоши.

Он весело рассмеялся и вышел из комнаты на кухню. Через некоторое время он вернулся, неся с собой бокал и бутылку вина.

– Открой мне, дружок, – обратился он к одному из прислужников, подняв вверх закрытую бутылку.

В то же мгновение, слуга взмахнул саблей и срубил горлышко бутылки. Вика вздрогнула, а Мечик сжал кулаки связанных за спиной рук.

– Вот так, – довольно сказал незваный гость, – теперь можно налить.

Он налил в бокал вина и отпил глоток. Пануриш молча смаковал напиток, сверля своих жертв взглядом. Казалось, это доставляло ему огромное удовольствие. Наконец он встал и подошёл к Вике, из-за этого связанная девушка вжалась в диван. Но Пануриш лишь слегка погладил её по щеке, тыльной стороной ладони, и вернулся на своё место.

– Вы очень приятные молодые люди. Да-да! И вот что я вам скажу: когда я сделаю с вами то, что сделаю, мне будет даже немного жаль, честное слово.

Вика дрожала всем телом и старалась не смотреть на Пануриша, лишь изредка бросая на него короткие взгляды. Пануриш отпил ещё вина и медленно, чётко проговорил:

– Рыцарь Salsinatus имена свои в треугольник сложил. Поставь избранных по именам на места их в день прихода рыцаря в мир звёздная карта его солнцем на солнце укажет в имён треугольник. Ответ в именах избранных сложенных вместе получишь ты. На Искомом найдёшь его в день назначенный.

После этих слов Мечик впервые по-настоящему пожалел, что извлёк записку на свет дня.

– Кстати, у вас тут должен быть оригинал, я бы с удовольствием глянул, – сказал Пануриш и в этот момент один из прислужников подал ему серебряную капсулу с гербом Понятовских и клочок пергамента с только что прочитанным текстом.

Пануриш с явным удовольствием рассматривал и трогал капсулу, а затем, с огромной осторожностью, взял пергамент и ещё раз прочитал текст вслух.

– Песня, друзья, это прекрасная песня, – крикнул он, сжимая руку в кулак и поднимая её вверх.

Вика и Мечик бессильно смотрели на своего мучителя. А Пануриш скрестил руки на груди и немного помолчав, продолжил:

– А теперь к сути. Вы уже знаете, что избранные это вы, ну и я... Но как я догадался, вот в чём вопрос? Текст этого королевского послания крайне тяжело понять, да-да. Его составил король под диктовку моего далёкого предка и предание об этом передавалось в нашей семье много поколений. Король Стась был известен как рыцарь Salsinatus в одном ор-

дене, который вы знаете как организацию масонов, а вот поставить избранных по местам, означает расставить вас в королевских резиденциях, день прихода рыцаря в мир, означает день его рождения – семнадцатое января. Обратите внимание, что это как раз завтра.

Пануриш встал и начал прохаживаться по комнате, почти не глядя на своих пленников. Казалось, что он перенёсся в своих мыслях далеко от этой комнаты и его совершенно не волнует то, что происходило в ней во время его рассказа.

– Итак, завтра всё случится. Но что нужно делать с избранными, кроме... Да, я расставляю вас в усадьбах и сам встану в положенное место, но что нужно сделать ещё? Это не объясняется в записке, и мой предок не передал этих знаний, дело в том, что его предательски убили, ударом в спину...

В этот момент Мечик резко подался вперёд и попытался броситься к Пануришу, но окружавшие его люди были на чеку, и один из них мгновенно встал на пути историка и толкнул его назад на диван.

– Не спешите так, Мечислав, – снисходительно сказал незванный посетитель. – Скоро я закончу, и мы действительно покинем этот дом.

Вика испуганно смотрела на Мечика, но было видно, что девушка уже немного успокоилась и пришла в себя. Она подняла глаза на стоявшего в центре комнаты Пануриша и он сразу же перехватил её взгляд и слегка поклонившись, про-

должил:

– До того, как наш гостеприимный хозяин меня прервал я рассказывал, что мой предок не успел передать знания о том, как расшифровать эту записку до конца, но эти знания оставались у некоего еврея, его предки тоже передавали их из поколения в поколение и вот их потомок и помог мне узнать, что же делать. То есть он, вы и ещё кое-кто, всем вам было нужно встретиться, чтобы эта загадка решилась... А вас, видимо, не очень-то интересует кто же этот потомок еврея? Да, вы сейчас слишком озабочены своей безопасностью, это естественно.

Рассказчик насмешливо посмотрел на каждого из своих связанных пленников и снова заговорил:

– Этот потомок не очень любит людей, зато очень любит поесть и попить. Ну, так кто же это? Ну, что же вы молчите? Это профессор философии... Это уже была очень большая подсказка... Ах да, вам не очень удобно отвечать с заклеенными ртами, – после этих слов Пануриш расхохотался.

«Это же Литвакас...» – пронеслось в голове у Вики, и она посмотрела на Мечика, по взгляду которого можно было догадаться, что он тоже понял о ком идёт речь.

– Да, это ваш дорогой Литвакас, – выждав паузу сказал Пануриш. – Недавно профессор имел возможность немного искупаться, но это, впрочем, не так важно...

При этих словах Вика отчётливо вспомнила свой сон о Литвакасе и его окончание – падение профессора с моста.

Девушка мотнула головой и в ужасе опустила глаза.

– Так что же нужно сделать с избранными, чтобы ритуал сработал? – снова заговорил незванный гость. – Как мне стало известно, каждый из них, то есть и я в том числе, должен пролить немного крови. И знаете... – Пануриш многозначительно помолчал, – я решил не просто пролить вашу кровь, а прикончить вас, ну, знаете, освежевать...

Некоторое время Пануриш молчал, наслаждаясь эффектом произведённым этими словами.

Вика потупила голову ещё ниже, а Мечик смотрел в упор на своего мучителя и в его взгляде отражались одновременно отчаянье и ярость. Через некоторое время Пануриш расхохотался.

– Да нет же, я шучу, – произнёс он сквозь смех, – хватит и пары капель вашей крови, а потом я вас отпущу. Вот так вот. Думаю, достаточно. Эх да... я не сказал, зачем это всё нужно. Это нужно для того, чтобы я получил кое-что важное. Теперь вы знаете.

Пануриш помолчал ещё секунду и добавил насмешливым голосом:

– В машину их давайте. Надёжнее всё-таки поддержать вас у себя.

Вику и Мечика схватили и выволокли из дома, а затем бросили в припаркованный рядом внедорожник. Машина резко тронулась и очень быстро домчала всех на улицу Замковую, где остановилась в безлюдном месте. Пленников вы-

ташили из автомобиля и поволокли в один из домов, а затем спустились вместе с ними в подвал, в котором их и заперли, предварительно развязав руки.

Глава 13. Марыся

Владимир открыл глаза и огляделся. Он лежал в каком-то доме, на окнах которого висели белые занавески. Стены хаты были сложены из круглых брёвен. В углу стоял старый советский телевизор, накрытый белоснежной кружевной тканью. В другом углу примостился веник, а на большом столе, расположенном посреди комнаты, лежала расшитая орнаментом, льняная скатерть. Пахло полынью и чем-то невероятно приятным. Сам историк находился в большой кровати, застеленной жёлтым бельём.

– Ну здравствуй, малец, – сказал кто-то.

Владимир стал крутить головой и, не заметив никого, озадачено замер. Мысли его путались, а в правом плече он чувствовал лёгкую боль, кроме того, болел палец на левой руке, но эти ощущения не очень мешали историку.

– Кто здесь? Где я? – стал спрашивать минчанин.

– У меня, у бабы Марыси, – ответил тот же голос, который ранее поздоровался с историком, но тот опять не понял, откуда этот голос звучал.

Владимир озадачено затих, но тут прямо перед ним появилась обладательница голоса. Оказалось, что она спуска-

лась в подпол и теперь, проворно поднявшись по лестнице, стояла перед своим гостем, держа в руках большую банку с помидорами.

Около десяти секунд люди молча смотрели друг на друга. Перед Владимиром стояла довольно пожилая, но крепкая и крупная женщина, в тёмном платке и серой кофте. На ногах у неё были какие-то странные, грубые башмаки из кожи. Историка особенно поразило взгляд её маленьких тёмно-голубых глаз.

- Здравствуй, Володька, говорю.
- Вы знаете, как меня зовут?
- А как же, паспорт то поглядела.
- Паспорт поглядели?
- В сумке твоей нашла.
- Вы меня что, притащили от озера?
- Ну дык.
- Вы тут одна живёте?
- Одна.
- А город далеко?
- Далеко.

Разговор с бабой Марысей получался очень коротким, но и очень информативным.

- У меня в руке был... нож, – пробормотал Владимир.
- Ну дык я ж вытащила. Хороший нож, в хозяйстве пригодится.

Историк посмотрел на свою собеседницу очень присталь-

но и впервые хорошо разглядел её армейские, камуфляжные штаны с заплатами на коленях.

– А за руку ты не переживай, – ласково сказала Марыся, – заживёт. Да и вторая заживёт.

Бабушка всё так же стояла над кроватью Владимира и спокойно смотрела на него. Историк немного приподнялся на постели и ощупал раненную ножом конечность.

– Руки то заживут, а вот ноги ты отморозил, пришлось отрезать, голубок, – серьёзно сказала Марыся.

Владимир в ужасе откинул одеяло и устремил взгляд на свою нижнюю половину. Ноги были на месте. Баба Марыся залилась звонким смехом, совсем как молоденькая девушка. А сам Владимир почувствовал лёгкий стыд, так как предстал перед хозяйкой в своих смешных трусах.

– Прямо не знаю что смешнее, страх твой или труханы, малец, – сказала баба Марыся.

Владимир смутился ещё больше и запахнул одеяло.

– Если надо будет до потребы, то это во дворе, – сказала хозяйка, улыбаясь и отходя в дальний угол комнаты, – а то простыня жёлтая, конечно, но ты лучше всё-таки во двор, дорогой.

Минчанин снова смутился, но помолчав, задал ещё вопрос:

– Бабушка Марыся, а что с теми?

– С какими это теми?

– Ну, с теми другими?

– Те, которые тебя как зайца гнали?

– Ну да.

– Этих нет. Не придут, не бойся, малец.

Владимир помолчал и спросил:

– А позвонить от вас нельзя. Есть у вас телефон?

– Был да поломался, внуки говорят, что новый привезут, но ты не волнуйся, скоро внучка из Минска приедет, привезёт мне кое-что, а в обратный путь тебя захватит. Ты ж минский?

– Минский, – радостно ответил гость.

– Ну вот.

– А скоро это когда?

– Да совсем скоро. Привезёт, что надо и назад вихрем, к вечеру в Минске будешь.

Владимир покачал головой и даже закрыл глаза от удовольствия.

«К вечеру в Минске...» – подумал он.

Но тут же вспомнил, что ничего толком не знает о том, что произошло у него дома. Почему всё-таки случился пожар? Как там его жена? Эти вопросы вдруг разом нахлынули на историка.

– Пошли-ка поедим, доходяга, – сказала Марыся, помавивая рукой, – только аккуратно вставай, всё-таки слабенький ещё.

Через минуту Владимир и его гостеприимная хозяйка сидели на маленькой кухоньке, где историк с хорошим аппети-

том уплетал какой-то наваристый суп из глиняной тарелки.

– Это вам не ваше городское, из суррогатов, так что лопай, малец, как надо, – заметила, улыбаясь Марыся.

Поев, гость оделся и вышел из дома. Жилище Марыси представляло из себя добротную избу, на самой опушке леса. Больше поблизости никто не жил. Чудесный зимний денёк в белорусском лесу настраивал на добрый лад. На некотором расстоянии минчанин заметил то самое озеро.

– Ну как тебе, босяк, нравится? – услышал Владимир голос бабы Марыси, вышедшей вслед за ним на крыльцо.

– Ну да, – ответил ей историк.

– Я бы тебя попросила дров наколоть, но у тебя рука болит. Да и если б и не болела лапа, я всё равно лучше тебя наколю. Топай в дом, малец, не холодись тут.

Гость вернулся в дом, а через минуту за ним зашла и баба Марыся.

– Владимир, – неожиданно серьёзным голосом сказала хозяйка, – пойдём-ка, я тебе что-то покажу, пока внучка не приехала.

Она открыла люк в подпол и, спустившись вниз, помахала гостю рукой, чтобы он следовал за ней. Владимир стал спускаться по довольно крутой лестнице. Делал он это с большим трудом, так как все его мышцы страшно болели после ночного марш-броска. Наконец он встал на доски, настеленные поверх земли. Размер открывшегося взгляду помещения поразил его: оно было не менее десяти метров в дли-

ну и пяти в ширину. Всё вокруг было заставлено горшками, горшочками и огромными котлами. На верёвках висели десятки пучков, собранных из самых разных трав. Было там и огромное деревянное колесо, и странной формы камень, покрытый непонятными письменами. В таких декорациях вид у Марыси был по-настоящему загадочный.

– Ты видел кабана? – тихо спросила Марыся.

– Да, – так же тихо ответил Владимир.

– И уже не первый раз? – снова задала вопрос она.

– Да, – ответил историк.

– Они с вами не случайно, смотрите на них, слушайте их, особенно теперь за соколом смотрите, он вас поведёт.

– Куда поведёт? – недоумённо спросил историк.

– Увидишь, малец, – ответила насмешливым голосом Марыся и добавила, – дуй наверх, сейчас внучка приедет.

Владимир с большим трудом поднялся обратно в дом и сразу же услышал звук подъезжающего автомобиля. Он застыл посреди комнаты и просто ждал, пока в избу не вошла молодая девушка лет двадцати. Она удивлённо уставилась на Владимира.

– Этот малец – Володька, не смущайся, милая, иди лучше обниму, – сказала поднявшаяся из подпола баба Марыся.

– Бабушка!

Девушка радостно подбежала к Марысе и после объятий спросила:

– Кого это ты приютила, бабуль?

– Володеньку, говорю ж тебе! – ответила хозяйка и повернувшись к гостю, сказала. – Это Кася, познакомься.

– Очень приятно, – сказал историк.

– И мне ответила девушка, – не смущаясь, глядя на Владимира, от чего тот сам немного смутился.

После трёх часов весёлого застольного общения, Владимир и Кася сели в её машину.

– Смотри, милая, довези мне этого парнягу, хорошо? А ты, малец, не каптись, мы с тобой ещё встретимся.

Удивлённый Владимир помахал бабе Марысе и кинул прощальный взгляд на озеро. Тут небольшой, серенький автомобильчик Каси шмыгнул на дорогу и полетел прочь из леса. Девушка оказалась лихим водителем и не прошло и двух с половиной часов, как Владимир увидел вдаль Минск. Он уже успел позвонить, с помощью любезно одолженного Касей телефона, своей жене, и та немного успокоила молодого человека, объяснив, что находится в безопасности.

Попрощавшись с Касей, которую он очень долго благодарил и уговаривал взять деньги, историк поднялся на свой этаж. Дверь его квартиры действительно основательно обгорела, но ключ легко вошёл в замок и провернулся. Владимир был дома.

– Здравствуй, – ласковым тоном сказала историку супруга, но лицо её было озабоченным.

После долгих объяснений причин потери машины, во время которых Владимиру пришлось немного приврать, и со-

общить, что он сам виноват в аварии, чтобы не пугать жену историей про жутких преследователей с саблями, после объяснений своих травм, осмотра двери и ужина, минчанин добрался наконец-то до своего старого телефона, валявшегося в тумбочке. Вставив в трубку свою сим-карту, которую он достал из разбитого в лесу мобильного, Владимир попытался дозвониться Вике и Мечичу, но никто из них не отвечал. С мрачным видом историк открыл свою страницу в соцсети и обнаружил неожиданное сообщение.

– Это же от Литвакаса, – произнёс удивлённый Владимир, – отправлено в тот самый день, когда он встречался с Викой...

Глава 14. Часовня-ротонда

Вика и Мечислав стояли в большом подвале, а за их спиной щёлкнул дверной замок, отнимая у них возможность выйти из тюрьмы, в которую они так неожиданно попали.

Только здесь девушка наконец-то дала себе волю и расплакалась, хотя тут же взяла себя в руки и, глубоко вздохнув, сказала:

– Мечик, у тебя случайно не остался телефон?

– Нет, – ответил историк, ходивший вдоль стен внимательно их изучая, – и у тебя нет?

– Нет.

– Они бы и так забрали, просто видели, что мобильники

остались в доме, – проговорил Мечик, пристально разглядывая одно из мест на стене.

– Что же нам делать? – спросила девушка, и голос её задрожал.

Молодой человек подошёл к Вике и слегка погладил её по плечу.

– Думаю, что-нибудь сообразим, – сказал он, но тон его голоса был печальным и утешение от этого казалось не очень убедительным.

– Что-нибудь, – повторила девушка задумчиво и грустно.

– Этот подвал специально оборудован, чтобы кого-нибудь держать. Смотри, тут даже есть кровати и туалет, а стены со звукоизоляцией. Мы в самом центре города, но докричаться до прохожих не сможем, поэтому они и не оставили нам рты заклеенными. Это такая маленькая тюрьма... – тут молодой человек помолчал и добавил, – но довольно комфортная.

Девушка улыбнулась и сказала:

– Значит, хоть что-то хорошее есть.

– Ага, – ответил историк и тоже улыбнулся.

Друзья устроились на небольшой лавке, стоявшей в углу помещения. Мечик сосредоточенно смотрел перед собой, а Вика опустила голову вниз, и, казалось, дремала. Внезапно девушка подняла голову, всмотрелась в окружавший их полумрак и удивлённо спросила:

– Мечик, ты это видишь?

– Что вижу?

– Ну вот.

– Где?

– Вот! – девушка протянула руку вперёд, указывая пальчиком на что-то перед собою. – Там у стены бабочка.

– Какая бабочка? – недоверчиво спросил Мечик, у которого появилось подозрение, что девушка видит то, чего нет, из-за стресса.

– Да вон же, вон! – ещё громче сказала Вика.

– Давай-ка я встану и посмотрю, – произнёс Мечик тоном человека разговаривающего с больным.

– Да, посмотри, вон она там, – ответила девушка.

Историк встал и двинулся к стене. Он по-прежнему не видел никаких живых существ в комнате, кроме его самого и уставшей молодой девушки в светло-серой кофточке, но дошёл почти до самой стены и затем обернулся.

– Теперь и я её не вижу, – сказала Вика немного виноватым тоном.

Только Мечик хотел сказать, что его подруга переутомилась и должна поспать, как взгляд его упал на большой ржавый гвоздь, торчавший из стены. Молодой человек опустился на корточки и потрогал свою находку. И как он сам не заметил его, когда осматривал стены. Гвоздь был загнут сверху. Мечик ещё раз потрогал его и убедился, что шляпка гвоздя довольно острая и ей даже можно пораниться.

– Мечик, что там? – окликнула его Вика, вглядывающаяся

в полумрак.

Мечислав вернулся к своей подруге и потихоньку сказал:

– Бабочку я там не нашёл, но в стене гвоздь, с довольно острой шляпкой. Может быть, он нам для чего-нибудь пригодиться.

– Для чего? – тихо спросила Вика, слегка улыбаясь. – Мы пророем им подкоп отсюда?

Эти слова показались Мечуку такими смешными, что он расхохотался.

– Ладно, я думаю, нам пора отдохнуть, там в углу есть матрасы, – сказал он.

– Ты что сможешь здесь заснуть? – спросила грустным голосом девушка.

– Нужно хотя бы попытаться. Нужно восстановить, силы. Пока мы всё равно ничего не можем сделать.

Вика и Мечик легли, никто из них так и не смог забыться сном.

Утром дверь их тюрьмы резко открылась, и вошёл Пануриш, а за ним пара его прислужников, один из которых нёс поднос с едой. Пануриш довольно оглядел своих измученных пленников и сказал:

– Этот день настал. Вот, кстати, ваш завтрак. Поешьте хорошо, так как обеда и ужина мы вам не предложим. Но вы сможете поужинать уже дома, после того как всё закончится. Как только мы с вами прольём несколько капель крови, всё свершится, но мы должны быть на своих местах. Можете

не бояться этой части ритуала. Пара капля крови, это как для анализа в поликлинике, Мечислав. Ну, а девушку, Виктория, и вовсе парой каплей крови не напугаешь, для неё это обычное дело.

Пануриш засмеялся и подошёл к пленникам поближе, а затем всмотрелся в их лица.

– Вы понимаете, что нас будут искать, – жёстко сказал Мечислав, – вам это с рук не сойдёт.

– Да, ваши близкие немного поволнуются, ведь вы не ночевали дома, но уже поздним вечером вы вернётесь к ним. Поймите, то, что происходит, просто должно случиться. Вы мне очень помогаете, и я даже намерен вас вознаградить.

Пануриш сложил руки на груди и ласково смотрел на Вику и Мечика.

– Отпустите нас, – сказала Вика, подняв голову.

– Обязательно, милая. Не бойся. Ну, не буду вам мешать, приятного аппетита.

Пануриш развернулся и вышел, за ним последовала и его свита, последний из прислужников закрыл дверь и провернул ключ в замке.

– Мне хочется ему верить, – сказала Вика неуверенно.

– И мне, – ответил Мечислав помолчав, – хочется, – добавил он скептическим тоном.

Пленники не имели часов и были лишены возможности видеть дневной свет, поэтому могли только догадываться, сколько прошло времени. Наконец в замке провернулся

ключ и в комнату вошли несколько человек с саблями, следом появился сам Пануриш.

– Вот время и пришло, – проговорил он, – придётся вас связать и заклеить вам рот, чтобы вы не брыкались и не кричали, пока мы будем вас перевозить в усадьбы.

Сопrotивляться было бесполезно. Пленникам связали руки и заклеили рты, а потом вывели их из подвала. У дома стояли два внедорожника. Гродненцев быстро потащили к ним, чтобы как можно быстрее рассадить их по машинам, пока какой-нибудь случайный прохожий не заметил, что происходит. Но тут кто-то из его людей подбежал к Пануришу и сообщил, что один из внедорожников не заводится.

– Что? – полным ярости голосом спросил Пануриш. – Не заводится? Хорошо же, я потом разберусь с тем, кто в этом виноват. Давайте этого назад в подвал, я пока поеду с девкой в часовню, потом машина вернётся, и вы отвезёте его в Станиславово.

Мечика потащили назад. Всё произошло настолько быстро, что он даже не успел попытаться вырваться от своих провожатых, хотя, изначально, планировал это. Его провели вниз по лестнице и втолкнули в подвал, но у историка уже был план. Как только дверь закрылась, Мечислав бросился к тому месту, где вчера заметил гвоздь. Присев на корточки и прислонившись спиной к стене, он стал тереть верёвку, сжимавшую его руки, об острую шляпку гвоздя и спустя некоторое время смог так повредить и ослабить путы, что

ему хватило сил высвободить руки, после этого он свёл их за спиной и продолжил сидеть, ничем не выдавая то, что уже не был связан. Через несколько минут дверь снова открылась и вошедший стражник потащил Мечика наверх, но как только они вышли к наружной двери, историк неожиданно изо всех сил ударил ведущего его человека в челюсть. Несмотря на точный и неожиданный удар, прислужник Пануриша лишь слегка покачнулся, но устоял на ногах, однако Мечику хватило этого времени, чтобы вытащить у слуги из-за пояса саблю и приставить её остриё к груди своего провожатого. Стражник замер на месте, лишь угрожающе глядя на молодого человека, но через секунду громко закричал, призывая остальных. Историк не стал дожидаться, пока к его противнику подоспеет помощь, а опрометью побежал дальше и выскочил на улицу. Слуги Пануриша были слишком далеко и не успели перехватить Мечислава, но они тут же бросились за ним. Однако молодой человек очень быстро достиг главной площади города, где, несмотря на вечернее время, всё ещё находилось много людей. Преследователи были вынуждены замедлить бег, так как не могли накинуться на беглеца при таком скоплении народа. Они продолжали идти за ускользнувшим пленником, вперив в него яростные взгляды. Мечик стащил с себя кофту и завернул в неё саблю, чтобы не привлекать внимание прохожих таким необычным предметом, впрочем, на одетого не по погоде гродненца всё равно оборачивались горожане.

Историк подбежал к такси, которое стояло на площади, и быстро запрыгнул в салон.

– Здравствуйте! Поедем на Репина, пожалуйста, – выпалил пассажир.

Водитель с недоверием покосился на странно одетого человека.

– Я только из дома выскочил и сразу на такси, – соврал историк, – давайте скорее, я спешу.

– Ясно, – ответил таксист и завёл машину.

В это время люди Пануриша стояли поблизости, один из них, глядя на быстро отъезжающее такси, достал телефонную трубку.

– Этот мальчик сбежал от нас... да... уехал в такси, – проговорил он и услышал в трубке ответ Пануриша:

– А теперь догоняйте его как хотите, можете не скрываться, можете делать, что хотите, но догоните!

Положив трубку, Пануриш бросил яростный взгляд на Вику. Он, двое прислужников и девушка, находились в часовне-ротонде усадьбы Августово. На полу стояли длинные подсвечники с горящими свечами, а посреди часовни располагалось нечто вроде алтаря. Пануриш стал медленно ходить взад-вперёд, не глядя на свою пленницу, а затем остановился и медленно произнёс.

– Твой дружок Мечислав сбежал. Теперь он может позвонить в милицию, но главное – его не будет в Станиславово, а значит – обряд не удастся.

Пануриш продолжил ходить по комнате. Было видно, что он пребывает в нерешительности. Видя состояние своего вождя, его, обычно не проявляющие никаких эмоций, прислужники, тоже заметно занервничали. Перепуганная Вика следила за каждым движением своего похитителя. Так продолжалось довольно долго, наконец, Пануриш остановился, а затем резко подскочил к девушке. Глаза его были страшны.

– А знаешь, деточка, – прошипел он, – я же и не думал тебя отпускать! И не думал даже! От избранных достаточно всего несколько капель крови, но зачем отказывать себе в удовольствии убрать окончательно лишних свидетелей?

Он отошёл от девушки, но тут же прыгнул назад и произнёс:

– Как тебе такое число? – тут он показал три пальца на своей руке, – три! И ещё такое число, – Пануриш показал девушке три пальца на второй руке, – три и три. Вместе тридцать три. Тридцать три! Тридцать три!

Пануриш кричал и прыгал рядом с Викой, которая уже почти ничего не понимала и балансировала на грани обморока.

– Тридцать три! – последний раз выкрикнул Пануриш. – Я порежу тебя на тридцать три кусочка, вместо того, чтобы убить быстро. Привяжите её к алтарю.

Прислужники бросились к Вике и, не смотря на слабое сопротивление девушки, подняли её и бросили на алтарь. Пока его слуги собирались привязать жертву, сам Пануриш вы-

хватил из-под одежды кинжал и, стремительно вращая его пальцами, стал приближаться к алтарю.

– Тридцать три, определённо, тридцать три, – повторял он.

Несчастливая Вика полными ужаса глазами смотрела на грозившегося её убить человека, девушке казалось, что сейчас она окончательно провалится в какой-то глубокий страшный колодец, и, зависнув на тонкой грани между сном и явью, она вдруг увидела за спиной Пануриша смутную тень. У этой тени было лицо, очень похожее на лицо самого её похитителя, и она вдруг обвила его шею чем-то длинным и блестящим, а затем принялась душить. В ту же секунду Пануриш схватился за горло и, издавая сдавленные стоны, повалился на пол, а его растерявшиеся слуги отпустили девушку и застыли с выражением полного недоумения на лицах...

В то время, когда эти удивительные события происходили в часовне, к ней с большой скоростью мчался в такси молодой гродненский историк. Машина была уже недалеко от пункта назначения, когда Мечик сказал водителю:

– Можно мне позвонить? Дайте телефон, пожалуйста.

– Такой услуги нет, – ответил водитель.

– Пожалуйста, я заплачу.

– У тебя деньги-то хоть есть за проезд заплатить? – грубо сказал водитель, которого всё время смущал внешний вид историка.

– Дайте мне позвонить, мне надо позвонить в милицию,

было нападение на человека— настаивал Мечик.

— Не покажешь бабло я сейчас вообще остановлюсь, — зло ответил таксист.

— Дай мне позвонить! — яростно закричал Мечик, чувствуя прилив невероятной злости.

Историк скинул кофту, в которую была замотана сабля, и направил оружие в сторону водителя. Глаза таксиста округлились.

— Ладно-ладно, парень, успокойся, чего ты? На телефон, — зачастил он.

Мечик схватил трубку, мгновенно набрал номер милиции, но в тот момент, когда он хотел поднести мобильный к уху такси потряс мощный удар. Молодой человек вылетел вперёд, слегка ударившись о кресло водителя, а телефон выскользнул из руки и исчез где-то под ногами таксиста.

— Эй! Ёлы! — закричал водитель.

Историк обернулся и увидел, что за их машиной с большой скоростью едет чёрный внедорожник. Очевидно, именно он ударил такси.

Таксист в панике нажал на тормоза.

— Не останавливайтесь! — крикнул водителю Мечик, но было поздно.

Чёрная машина за ними тоже остановилась. Не долго думая, Мечислав выскочил из такси и понёсся вперёд, по направлению к часовне. Водитель тоже открыл дверь и вывалился из салона. К нему уже шёл один из прислужников Па-

нуриша.

– Что за дела? – выкрикнул таксист, видя, что к нему приближается какой-то человек в странном наряде.

В то же мгновение этот человек выхватил саблю и с размаху рубанул водителя, который мгновенно упал на асфальт. Сразу после этого люди Пануриша толпой бросились вслед за Мечиком.

Вся эта сцена происходила на глазах нескольких проходивших мимо милиционеров. Разумеется, они сразу остановились и бросились вслед за убегавшими людьми. Теперь по улицам вечернего Гродно, нёсся не по сезону одетый молодой человек с дорогой старинной саблей, за ним бежало несколько людей в чёрных одеждах и с такими же кривыми саблями наголо, а вслед за ними несколько милиционеров, выкрикивающих приказы остановиться. Прохожие в полнейшем удивлении застывали на месте и тянулись за мобильными телефонами, чтобы снять происходящее.

Мечик добежал до часовни и ворвался внутрь, как раз в тот момент, когда Пануриш валялся на полу, не подавая признаков жизни, а его люди стояли в оцепенении. Он увидел Вику, лежащую на алтаре.

– Вика, сюда, беги сюда! – крикнул молодой человек.

Девушка поднялась и побежала к Мечику. Один из людей Пануриша выхватил саблю и ринулся на историка. Вика уже выскочила из часовни. Мечислав имел представление об историческом фехтовании и решил принять бой. Он вы-

ставил руку с саблей вперёд. Смерив взглядом противника, прислужник Пануриша яростно обрушился на молодого человека. Мечик не мог потягаться с противником в силе и выучке, поэтому после нескольких ударов отступил к двери, где враг выбил из рук историка саблю и выбросил его в проход, ударом ноги в грудь. Мечик кубарем вылетел из часовни и упал к ногам Вики, замершей в нерешительности. Человек в чёрном выскочил наружу, но он тут же остановился, глядя куда-то за молодых людей. Те тоже обернулись и увидели уже подбегавших к часовне людей Пануриша, одного из которых как раз догнал и схватил милиционер. Одним ударом тот скинул с себя милиционера и занёс над ним саблю, в этот момент остальные милиционеры открыли огонь.

– Вика, бежим! – крикнул Мечик и молодые люди скрылись за часовней, пробежав мимо остолбеневшего в её дверях прислужника.

Пока гродненцы бежали, сзади слышались выстрелы и крики. Где-то неподалёку завывала сирена – к милиционерам спешила помощь. Молодые люди остановились в каком-то закоулке. Только здесь Мечик наконец-то развязал Вике руки и содрал с её лица липкую ленту. Друзья сидели молча и глубоко дышали. Сил говорить не было.

– Не может быть, – тихо проговорил Мечислав, немного отдышавшись, – в кой-то веки он действительно оказался в нужное время в нужном месте.

– Эй, Фёдор! – закричал молодой человек, поднимаясь

с места и с большим трудом подбегая к стоявшей рядом машине.

Через минуту Вика и Мечик ехали домой к молодому историку, всё ещё не веря в то, что произошло.

Фёдор быстро домчал их в пункт назначения. Поблагодарив его, друзья вышли из автомобиля и медленно пошли к дому, пытаясь осмыслить произошедшее.

– Мне бы нужно было попасть к себе, – тихо сказала Вика.

– Я тебя отвезу, вот только объяснюсь со своей половиной, это будет не так просто, – заметил, слегка улыбаясь, Мечислав.

На порог дома уже выбежала жена молодого человека. Мечику действительно стоило огромного труда немного её успокоить.

Друзья поднялись наверх. Хозяин дома подошёл к своему телефону и тут же громко позвал:

– Вика!

– Да, – откликнулась уставшая девушка, примостившаяся на кровать.

– Тут смс от Владимира, – оживлённо произнёс историк. – Он пишет, что с ним происходило нечто невероятное и ещё, что мы не отвечаем на звонки.

– Значит, и с ним что-то случилось, – встревожено сказала Вика.

– Так... пишет, что я должен зайти на свою страницу, там сообщение от него... так... так... он переслал мне какое-то

сообщение, а ещё пишет, что уже едет в Гродно. Давай посмотрим, что там в сети.

Хозяин и гостя сели к компьютеру.

– Я так понял, он переслал мне сообщение Литвакаса. Так... Вот и оно.

Мечик открыл сообщение, и молодые люди нагнулись поближе к экрану.

«Дорогой, Владимир, я должен разъяснить вам кое-что, что, возможно, мне не удастся разъяснить вашим друзьям. Это касается, как вы могли догадаться, находки пана Мечислава. Так вот. Я должен признаться вам, что в моей семье издревле хранились определённые предания, касающиеся как раз этих находок. Если бы я не увидел их, то считал бы, что это обычные сказки, но вот артефакт действительно нашёлся. Какое-то время я заставлял себя не верить, что это загадка нашла меня, говорил себе, что это какие-то выдумки и странные совпадения, но я не мог обманывать себя вечно. На нашей семье, как я понял из рассказов старших, лежит миссия по разъяснению того послания, которое пан Мечик, увы, выудил из серебряной капсулы. Ещё раз приведу его текст: [Рыцарь Salsinatus имена свои в треугольник сложил. Поставь избранных по именам на места их в день прихода рыцаря в мир звёздная карта его солнцем на солнце укажет в имён треугольник. Ответ в именах избранных сложенных вместе получишь ты. На Искомом найдёшь его в день назначенный]. Многое вы уже, видимо, понимаете. Рыцарь

Salsinatus – это имя короля в масонском ордене. Треугольник имён – три его гродненские резиденции, соответствующие именам короля: Станислав (Станиславово), Август (Августово), Понятовский (Понямунь). Избранных не нужно ставить по именам физически, то есть ни к чему расставлять людей в резиденциях, как кое-кто подумал, поставить по именам значит каждого из избранных, так сказать, связать с определённой резиденцией. Если вы ещё не знаете, то сообщаю, что избранные это вы! Вы, Владимир, Мечислав и Виктория. Не буду тратить время на доказывание – просто поверьте. Ключ для связи – ваши фамилии. Фамилия Мечислава начинается на С, то есть он должен, как написано в письме, быть поставлен в усадьбе Станиславово, фамилия Виктории начинается на А, её место – Августово. Третий избранный – вы. Хотя, кое-кто считает иначе. Вероятно, дело в том, что ваш предок носил фамилию, начинающуюся на П, хотя у вас другая буква. Дальше. День прихода рыцаря в мир – очень просто. День рождения короля, всего-навсего. Звёздная карта – это натальная карта короля. Ну, чтобы было понятно, это такой детальный гороскоп. Там много планет и звёзд. Если захотите, то прочтёте в википедии. В этой натальной карте есть солнце, разумеется. Если наложить эту карту на карту Гродно, то солнце в гороскопе укажет на какое-то другое солнце. Насколько я понимаю, это солнце должно находиться внутри треугольника резиденций – в Новом замке. Так, что там дальше? А! Ответ в сложенных вместе именах избранных.

Последовательность сложения уже определена именами короля. SAP. То есть первый Мечислав, с его фамилией на С, потом Виктория и вы. Но тут вам нужно сложить уже ваши имена. Задумайтесь, что они означают. Мечислав – меч славный. Виктория – победа, Владимир – владеющий миром. А теперь сложим. Получается: меч славной победы владеет миром. Эту надпись найдут на искомом в день назначенный. А этот самый назначенный день – день рождения короля, ну а место, где его нужно искать, находится под каким-то солнцем, в Новом замке. Не думаю, что кто-то может расшифровать послание без тех знаний, что хранятся в нашей семье. Всё это выглядит, как фантастическая повесть, но поверьте мне, что всё это реально. Я упоминал кое-кого. Это некий Пануриш – очень опасный человек и глава одной секты фанатиков. Я мог бы побольше рассказать об этой организации, но сейчас это неважно. Я почти уверен, что он попытается вас убить, причём неким невероятно жестоким способом. Он тоже ищет искомое, но кто-то сбил его с пути, и он всё делает не так. Что именно является искомым, не знаю даже я. А теперь совет: немедленно бросьте это дело и лучше вообще покиньте свои города. Ну вот. Просто поверьте мне. Мне пора».

Потрясённые друзья молчали, и в этот момент зазвонил телефон Мечика.

– Да, алло, – произнёс историк, подняв трубку.

– Мечик? Наконец-то ты! Я уже в Гродно, – сказал в труб-

ке голос Владимира.

Глава 15. Искомое в день назначенный

Мечислав, Вика и Владимир сидели в комнате, молча глядя друг на друга.

– Так ты, Володь, в порядке? – первым нарушил молчание Мечик.

– Вполне, – отозвался минчанин, – правая рука, ну в которую нож засандалили, ещё болит, но вообще всё прошло очень быстро. Видимо, у той бабули из леса какие-то особые травки для лечения.

– Да, травки, – проговорил, ухмыляясь, Мечислав.

– Я думаю, – продолжил Владимир, – пожар у меня тоже дело рук этих людей. Только как они так быстро добрались до Минска? Наверное, кто-то из их компании есть и у нас.

– Или это совпадение, – предположил гродненец.

– Но они меня преследовали на трассе, значит, ехали за мной от Гродно, они меня караулили – сказал Владимир, после чего воцарилась довольно продолжительная пауза.

– Вы поняли послание Литвакаса? – снова нарушил молчание Мечик.

– Мне кажется, я не всё понимаю, – призналась Вика.

– Мда... – задумчиво произнёс Мечислав, – интересно, где сейчас профессор?

– Я видела, как его... как его скинули с моста, – сказала

Вика дрожащим голосом.

– Как видела? – удивлённо спросил Мечислав.

– Во сне, – пояснила Вика.

Какое-то время друзья молчали. Вика окинула взглядом комнату.

– Как в этой записке может идти речь о наших именах? Как они могут складываться в одно целое? Ведь текст составлен сотни лет назад, – сказала девушка.

– Если поверить в объяснение Литвакаса, выходит, что они знали наши имена заранее, – задумчиво произнёс Мечислав.

– Но как это возможно? – спросила Вика.

Мечик пожал плечами.

– Хорошо, пусть этот психопат Пануриш ошибался, а Литвакас прав, но кое в чём они сходятся – что-то должно быть сделано в день рождения короля, то есть сегодня, – сказал он.

– Что-то должно быть найдено сегодня в Новом замке, в месте в котором находится какое-то солнце, – произнёс Владимир, – очевидно, какое-то изображение солнца обозначает это место.

– Да! Точно! – почти выкрикнул гродненский историк. – Я знаю!

Вика с огромным вниманием смотрела на Мечика.

– Изображение солнца помещалось над флигелем замка, – разъяснил Мечик.

– Насколько я понимаю, там два флигеля, – сказал Влади-

мир.

В этот момент друзей отвлек странный звук, как будто кто-то стучал чем-то тонким в оконное стекло. Вика, Мечик и Владимир повернулись к окну и замерли от удивления. На подоконнике сидел большой сокол, в глазах которого поблёскивали искорки, а перья переливались в вечернем свете. Птица постукивала клювом по стеклу. И в этот момент Владимир вспомнил...

– Он зовёт нас! – возбуждённо сказал минчанин. – Меня об этом предупреждали. Мы должны пойти за ним.

Мечислав недоверчиво покосился на Владимира, а затем наклонился к Вике и полушёпотом сказал:

– Кажется, это от удара головой во время аварии.

– Я серьёзно, ребята, мы должны пойти, – настаивал минчанин.

– Ладно-ладно, почему бы и нет, пойдём, – сдался Мечик, – Вика у тебя ещё остались силы, чтобы погоняться за этой странной птичкой, Володя настаивает и у меня тоже какой-то странный интерес к ней, – повернувшись к Вике добавил он.

– Да, – ответила Вика с лёгкой улыбкой.

Историки быстро оделись и вышли из дома. Сокол как будто только и ждал этого. Он перелетел на ближайшее дерево и призывно закричал.

– Поедем за ним на машине, кстати, что у тебя за машина Володя? – сказал Мечик.

– Одолжил у друга. Почти такой же хороший корч, как мой, – ответил тот.

– Ну, давайте лучше на моей. Вперёд! – проговорил гродненец.

Друзья прыгнули в машину и двинулись за соколом, который звал их за собой, перелетая с места на место, издавая при этом громкие крики. В конечном итоге, загадочная птица привела людей на набережную Немана, под самую гору Нового замка, а сама поднялась ввысь и скрылась на территории бывшей королевской резиденции. Историки вышли из машины и, подняв головы, стали смотреть вверх, на гору. Гора казалась им огромной, а наверху виднелось массивное здание королевского дворца.

– Он привёл нас к Новому замку и это, думаю, не случайно, – сказал Владимир.

– Похоже, он хочет, чтобы мы туда зашли, – заявил Мечислав.

– Но сейчас Новый замок закрыт, уже ведь поздно, – тихо проговорила Вика.

– Закрыты главные ворота, но, если мы взберёмся по горе, но попадём на территорию. Ну как, ребята, после всех этих дел у нас ещё остались силы туда залезть? – бодро спросил гродненский историк.

Вика и Владимир кивнули в ответ, и друзья устремились к горе, а затем стали взбираться наверх. Первым цели достиг Мечик и, обернувшись, помог следовавшей за ним Вике. По-

следним, к невысокой ограде, идущей по краю горы, подобрался Владимир. Ещё не вполне восстановившийся после своих приключений в ночном лесу минчанин тяжело дышал. Друзья без проблем прокрались к правому крылу дворца.

– Тише, – шёпотом проговорил Мечик, – тут должен быть сторож.

Все трое подобралось к той точке, из которой были видны флигели Нового замка. На одном из них сидел их сокол.

– Вот! Вот! Это тот флигель! – забывшись, довольно громко сказал Мечислав.

Друзья подбежали к флигелю. Мечик открыл дверь и друзей даже не удивило, что она оказалась незапертой, они уже успели поверить, что оказались здесь не случайно и сейчас узнают нечто удивительное.

Зайдя внутрь, они сделали ещё несколько шагов и сразу же услышали какое-то шуршание. Впереди были видны слабые отсветы. Пройдя ещё немного вглубь Вика, Мечислав и Владимир остановились. Их взгляду предстала жутковатая картина. В полу была проделана огромная дыра, рядом с ней лежал довольно большой фонарь, тускло освещавший небольшое помещение. Над ямой, спиной к вошедшим, стоял человек, в длинном плаще. В руках у него был большой, не менее метра в длину, жезл, весь усыпанный мелкими белыми камнями, по виду – алмазами. В полумраке комнаты освещённой фонарём, камни на жезле переливались разными цветами, а блики от них плясали на стенах. Друзья засты-

ли поражённые этой картиной, а человек с жезлом медленно повернулся к ним.

– Профессор Баранаускас, – вырвалось у Вики, как только она увидела лицо этого человека.

– Не могу сказать, что не ожидал увидеть вас здесь, – медленно и глухо проговорил Баранаускас, – хотя и сделал всё, чтобы этого не случилось, но как видно, те силы, которые устроили это всё, не так просто обмануть. И всё-таки... Как вам удалось ускользнуть от Пануриша?

– Вы о нём знаете? – спросил Мечик.

– Ещё бы! Это я натравил его на вас.

Друзья переглянулись, на лицах их читалось крайнее удивление.

– Полагаю, раз вы здесь, то знаете уже очень многое, Что ж, добавим ещё знаний. Это мой предок, мелкий шляхтич из под Щучина, которого звали Александр Бараневич, убил предка Пануриша, тоже Якова... Так у них в роду принято звать сыновей... Убил в спину. Дело в том, что Александр следил за королём и Пануришем, когда они прятали капсулу, он знал, что речь о сокровище, но, к сожалению, не знал, как именно его найти. Выведать ему удалось далеко не всё, – сказал Баранаускас и помолчав добавил. – Видимо, он был не таким уж хорошим шпионом. Однако решил, что если помешает Пануришу передать знания его потомкам, то потомки Бараневичей смогут раскрыть тайну. И вот, он оказался прав, я действительно раскрыл тайну и добыл сокро-

вище.

Молодые люди слушали Баранаускаса затаив дыхание, а он, опять помолчав, продолжил:

– Яков Пануриш, с которым вы имели дело, неприятный, кстати, тип, не так ли? Так вот, этот Пануриш, потомок того Пануриша, ничего толком не знал о сокровище, ведь его предок, повторюсь, был убит моим предком. Мне тоже не были известны все нужные детали, многое, но не всё знал Литвакас, его роду было поручено хранить кое-какие ключи к королевской загадке. И вот, Мечислав нашёл артефакт. Мы с Литвакасом смогли сложить все кусочки мозаики воедино, и теперь я знал всё, что хотел. Но вы с Литвакасом превратились в лишних для меня людей. Профессор знал слишком много, он мог рассказать всё вам, но разве я мог это допустить? Пануриш тоже хотел знать, что да как, и я просветил его, хотя, он поверил мне не полностью, какие-то сомнения у него оставались. Тем не менее, он поверил, что нужно провести этот идиотский обряд, что он один из избранных и сокровище предназначено ему, как самому сильному. Остальным избранныкам была уготована не лучшая участь. Этого я и хотел, ведь конкуренты в таких делах ни к чему. Пануриш всего лишь сектант и даже близко не достоин славы своего великого предка, но орудием был неплохим, хотя ему и не удалось вывести из игры всех. Хорошо, что он справился хотя бы с этим надутым индюком, любителем глупых афоризмов, профессором философии. Я сказал, что Литвакас

хочет испортить всё дело, рассказав вам, или ещё кому-нибудь, вот тогда Пануриш убрал его, что и было частью моего плана.

Только после этих слов Баранаускас, наконец, сменил каменное выражение лица, едва заметно ухмыльнувшись, а затем продолжил:

– На искомом действительно написано: «Меч славной победы владеет миром».

С этими словами он сделал движение в сторону, и друзья увидели, что в руке профессора истории блеснул меч. Посох покрытый алмазами оказался не просто посохом, а ножнами, из которых Баранаускас и вытащил клинок.

– Тут эта надпись по латыни, на лезвии, – сказал Баранаускас, – впрочем, это не так важно главное довершить то, что не закончил Пануриш.

После этих слов Баранаускас направил меч на друзей и сделал шаг вперёд.

В этот момент Вика почувствовала невероятную слабость и, не удержав равновесие, опустилась на пол.

– Вика! Что? – крикнул Мечик, но девушка слышала его голос, как сквозь толщу воды.

Вика оглянулась вокруг, вся комната будто бы погрузилась в туман. Вдруг за спиной Баранаускаса возникли две фигуры. Одна из них, похожая на Пануриша, подступила к профессору истории и накинула тому на шею что-то длинное и блестящее. На этот раз Вика разглядела, что эта была

богатая цепь с фигурками сокола, кабана и бабочки. Вторая фигура приблизилась вплотную к девушке, и Вика с удивлением узнала в ней короля Понятовского.

– Слушай внимательно, Виктория, времени не много, – сказал Станислав Август, – считай, что ты в том самом сне, в котором видела меня с императором и теперь я закончу этот сон. Слушай же. Когда-то давно в Волчине, ещё будучи молодым человеком, я ездил один на коне по лесу, и вот однажды, в самой глуши, увидел маленькую деревянную избу. Мне стало очень интересно, я хотел знать, кто же живёт в этом загадочном доме, представлял себе, что это какая-нибудь старая волшебница, но внутри оказалась не она, а один учёный. Он! – король обернулся и показал пальцем на тень Пануриша, в тот самый момент эта тень разжала руки, которыми держала обвивавшую шею Баранаускаса цепь, и профессор истории упал на пол.

– Этот учёный как раз готовился провести один любопытный опыт, как оказалось, он хотел переселить души трёх крестьян, которых он держал там же, в своей хижине, против их воли, в трёх живых существ: кабана, сокола и бабочку. Увидев дворянина, который жил во дворце хозяина тех мест, он встал на колени и попросил разрешения продолжать. Я был молод и не видел ничего плохого в науке. Поэтому я легкомысленно разрешил ему продолжить, но мне показалось, что ничего не происходит, я быстро заскучал и вышел из хижины. Но не успел я сесть на коня, как увидел яр-

кие молнии и услышал страшные крики. Я даже до сих пор могу их слышать. Я вбежал назад в хижину, но было поздно, оказалось, что крестьяне погибли. С тех пор я хотел загладить свою вину, хотя Пануриш и уверял меня, что никакой вины нет. Он нашёл для этого способ. Он отдал свою жизнь, позволил предку вот этого человека на полу убить себя. Но мне нужно сделать ещё что-то. Знай, что вы трое и есть потомки тех крестьян, Виктория. Поэтому вам было суждено стать избранными и получить то, что вы получили. Возьмите этот меч и решите, что с ним делать. Это мой дар вам, дар-искупление. С помощью него можно, если вы им правильно распорядитесь, достичь в жизни всего, чего хотите. Но помните о важности правильного выбора. Теперь история свершилась, Виктория. А этого человека, грозившего вам, мы возьмём с собой. Прощай.

Вика открыла глаза. Прямо перед ней стояли встревоженные Владимир и Мечислав.

– Что... Что случилось? – спросила девушка.

– Я видел, как ты упала на пол, тут, мне показалось всё было в дыму, я почти ничего не видел – ответил Мечик.

– Может быть, этот Баранаускас взорвал что-то типа дымовой шашки и сбежал? – спросил Владимир. – Глупо звучит, но как ещё объяснить.

– Во всяком случае, его нигде нет, а вот этот жезл-меч он забыл прихватить, – сказал Мечислав и поднял с пола сверкающий артефакт.

Молодые люди, немедля, выбежали из флигеля и почти кубарем скатившись с горы, сели в ждавшую их машину. Какое-то время они просто молчали, а потом наперебой начали делиться впечатлениями.

– Не знаю, как это вышло, и где я была, мне показалось, что я оставалась в комнате и была в другом месте, но я точно видела короля и говорила с ним, – сказала Вика.

– Понятовского? – спросил удивлённым тоном Владимир.

– Да, – ответила Вика. – Он рассказал, что мы потомки крестьян, которых убил предок Пануриша, пытаясь переселить их души в других живых существ: бабочку, сокола и кабана. Вот почему мы видели их. А этот жезл-меч – это награда для нас и искупление для них. Только мы должны им правильно распорядиться.

– И как правильно? – полюбопытствовал Мечик.

– Мы должны решить сами. Но я чувствую, что вариантов только два: выбросить в Неман или оставить...

– Оставить себе, – закончил гродненец фразу девушки.

– Да, – подтвердила та.

– А на каком языке говорил Понятовский, – вдруг спросил минчанин.

– Я даже не знаю, но я всё понимала, – растеряно ответила Вика.

Друзья переглянулись, а потом вдруг стали смеяться. Затем они ещё долго болтали, вспоминая свои приключения. Они так устали, что один за другим заснули прямо в машине.

Молодые люди проснулись, когда на улице уже светало.

– Может, пройдемся по набережной, кажется, будет отличное утречко, – предложил гродненский историк.

Троица вышла из машины.

– Слушай, Вика, – сказал идущий рядом с девушкой Мечик, – в этой истории очень много странного, например, этот сокол, но всё-таки разговор с королём – большой перебор. Ты это сама придумала, признайся?

Вика потупила взгляд и какое-то время молча улыбалась, а потом вдруг весело сказала:

– Ну да!

Молодые люди опять рассмеялись и двинулись по набережной, навстречу восходящему солнцу.

Часть II. Три престола

Глава 1. Возрождение

Мечик стоял неподалёку от Фарного костёла. Тишина наполняла центральную площадь Гродно. В руках молодого человека поблёскивал меч. Этот одиноко стоящий человек с прекрасным и опасным оружием, мог бы привлечь немало внимания, но на площади не было ни души. Медленно повернувшись вокруг, историк опустил голову, а потом резко поднял её и посмотрел в небо. Светло-серые тучи висели низко над городом. Небо казалось таким же застывшим, как и всё, что было под ним. Мечислав провёл пальцем по глад-

кой поверхности клинка. Помедлив ещё секунду, он медленно поднял руку с мечом, а затем опустил его и направил в сторону сквера Фары Витовта. Оточенный клинок вспыхнул разноцветным огнём. В ту же секунду из его острия вырвался яркий фиолетовый луч и ударил в одно из деревьев сквера. Спустя ещё мгновение светлый дым окутал зелёную листву и закрутился подобно урагану. И в этом урагане, сметающем деревья и стоявшие под ними лавки, неожиданно стали появляться стены. Они складывались сами собой из появляющихся в воздухе кирпичей, которые сперва горели ярким, жёлтым огнём, а потом становились бледно-синими и, наконец, приобретали естественный, красный цвет. Стены росли всё выше и уже вырисовывались огромные готические окна. Затем над зданием стала появляться очень высокая черепичная крыша. А ближе к улице Замковой поднималась массивная башня, с рядами остроконечных окон. Ещё через мгновение над башней появился большой, округлый купол, а над ним, высоко-высоко в небе, вырос длинный шпиль, увенчанный крестом, который горел буйным пламенем, разбрасывая вокруг искры.

Мечислав внимательно смотрел на эту невероятную картину. Молодой человек видел, как ураган стих, а дым развеялся, все огни пронизывающие стены только что появившегося здания погасли. Взгляду историка открывалась, во всём своём великолепии, возрождённая Фара Витовта – когда-то один из самых больших храмов всего Великого княжества

Литовского.

Помедлив мгновение, молодой человек сделал шаг вперёд... и в ту же секунду взлетел вверх. Пролетев по воздуху более ста метров, Мечислав опустился на крышу только что возрождённого им здания. Перед его взглядом расстилалась большая и безлюдная площадь. Историк взмахнул мечом, и яркое фиолетовое сияние пробежало по серому гродненскому небу. Неподалёку от храма, служившего теперь своеобразной смотровой площадкой для необыкновенного молодого человека, стало расти, в дыму и пламени, здание ратуши. Невысокое строение, с изящными классическими портиками и внутренним двором, очень быстро поднялось над серой мостовой, а чуть поодаль уже бушевал другой ураган. С южной стороны площади, переливаясь и подрагивая в воздухе, поднимался всё выше огромный дворец князей Радзивиллов. Очень быстро на здании, протянувшемся более чем на девяносто метров в длину, появились два фронтона и высокая, барочная крыша.

А с восточной стороны площади уже вырисовывались другие, горящие огнём, стены. Главный фасад дома, известного в городе как Баториевка, стал длиннее в два раза. В центре этого бывшего королевского дворца появился большой арочный проезд во внутренний двор, а над крышей вознеслись шпили трёх башен, увенчанные звёздами. Чуть поодаль от площади, за зданием большой, построенной ещё в советские времена, гостиницы, Мечислав увидел поднявшийся

в вихре дыма крупный барочный дворец Огинских. На месте ампириного здания дворца Текстильщиков появились массивные, богато украшенные лепниной, постройки, а на улице Советской вырос высокий и суровый на вид костёл Доминиканцев, башни которого разбрасывали искры на брусчатку тротуара. Наконец, неподалёку от основания Фары Витовта ярко сверкнула жёлтая вспышка и возник бронзовый памятник королю Стефану Баторию. Сидя на коне монарх указывал мечом на восток, в сторону земель своего заклятого врага – Ивана Грозного.

Мечислав удовлетворённо смотрел на преобразившийся почти до неузнаваемости город. Он раскинул руки и стал медленно поднимать их над собой. Меч в его правой руке пылал огнём и переливался яркими цветами, а в небе над историком то и дело сверкали белые вспышки...

Владимир резко открыл глаза и сел на кровати. Было уже ранее утро. Жена минчанина мирно спала рядом. Историк провёл рукой по лбу:

«И почему это мне снился Мечик, да ещё и в образе какого-то супергероя...» – подумал молодой человек.

Через два часа Владимир сидел за столом и завтракал. Он обдумывал одну из глав своей книги, над которой как раз работал. Кухню наполнял вкусный запах кофе, а жена молодого человека позвякивала посудой, пока Владимир, просматривая новости через свой смартфон, ел булочку. Стоило минчанину допить свой утренний напиток, как он услышал

ЗВОНОК.

– Алло, – сказал историк, поднеся трубку к уху.

– Здравствуйте, – поздоровался с молодым человеком женский голос. – Можно услышать Владимира?

– Я слушаю.

– Хорошо... Владимир, вы, наверное, меня не помните. Это Кася. Может ещё не забыли?

В голове молодого человека пронёсся целый вихрь воспоминаний, связанных с неожиданно позвонившей девушкой.

– Я помню вас, Кася, – сказал Владимир, и голос его стал взволнованным, – что случилось?

– Очень хорошо... Ну, как вы можете догадаться, я звоню по поручению бабушки. Она опять хочет вас видеть. Вы приедете? Дорогу помните? Ну... в любом случае, давайте я поеду с вами, мне всё равно надо к ней, и я напомним куда ехать...

– Да, хорошо, – сказал Владимир. – Я даже не буду вас спрашивать в чём именно дело. Думаю, что мне просто нужно узнать то, что ваша бабушка хочет мне рассказать и подругому никак. Я с радостью её увидаю, после всего того, что она сделала...

– Да-да. Я бы вам сказала, что она хочет, но сама точно не знаю. Вы же понимаете... Бабушка мне особо ничего не объясняет, но это важно, раз она просит приехать.

– Да! Я понял! – сказал минчанин несколько напряжённым тоном.

– А когда мы можем поехать? Когда вам удобно? – спросил в трубке мелодичный голос собеседницы.

– Хм... Я думаю завтра. Как раз выходной и мы сможем поехать. Давайте завтра, – предложил Владимир.

– Да. Хорошо. Давайте! – ответила девушка.

– Тогда ещё созвонимся. Да? Спасибо вам... Ну, всего хорошего. До свидания.

– До свидания.

Молодой человек отключил телефон и поднял глаза на вопросительно смотрящую ему в лицо жену.

– Кажется, опять что-то начинается, – проговорил он. – Но ты не волнуйся.

– Как я могу не волноваться? – встревоженным тоном спросила молодая хозяйка.

– Да, действительно... м-м-м-м... я понимаю, – промямлил Владимир, и не нашёл ничего лучше, чем просто встать и обнять жену за плечи.

– Давай я лучше тебе расскажу сон, – сказал минчанин, усаживаясь назад на стул.

– Ну давай, расскажи, – проговорила жена тихим голосом, в котором отчётливо читалось недовольство.

– Я видел во сне Мечика! Он орудовал мечом и возродил старые гродненские дворцы и храмы. Представляешь, да? Дворец Огинских, кстати, кажется принадлежал Михаилу Клеофасу, о котором я как раз пишу. Город выглядел действительно потрясающе! Эх, я бы тоже хотел такое устроить

в Минске, да и много ещё где...

– Всё-таки вы – специалисты по архитектуре – чокнутые, – сказала жена историка глядя на него насмешливыми глазами.

– Да уж, пожалуй, – пожав плечами ответил молодой человек и улыбнулся, хотя на душе у него было беспокойно.

Следующим утром Владимир наскоро перекусил и, попрощавшись со всё ещё недовольной его поездкой женой, вышел во двор, где стоял его старый автомобильчик.

Встретившись с Касей на выезде из города, он пристроил свою машину сразу же за новеньким, красным автомобилем девушки и, выкинув из головы все мрачные мысли и тревоги, просто следовал за этим своеобразным маяком. Историк рассеяно смотрел через грязноватое лобовое стекло и слушал музыку, которую играла его ретро магнитола. В салоне было душновато и Владимир опустил стекло в двери ещё ниже. Автомобиль Каси продолжал маячить впереди. Молодому человеку оставалось только ехать за своей провожатой к их общей цели.

Свежий, тёплый воздух обдувал лицо минчанина. По сторонам от дороги виднелись красивые белорусские поля. Иногда машины путешественников проезжали какую-нибудь речушку. Жара быстро нарастала и небо, великолепного голубого цвета, казалось Владимиру огромным, как никогда.

Наконец, неспешные водители достигли Щучинского района. Свернув, вслед за Касей, в лес, Владимир почувствовал,

как автомобиль подкидывает на неровной песчанке.

И вот лесная, ухабистая дорога, осталась позади. Автомобиль девушки затормозил неподалёку от дома Марыси. Владимир тоже остановил свой «корч», выключил магнитолу, помедлил секунду, стукнул ладонями по рулю и открыл дверь. Выйдя из машины, историк застыл на месте. Его взгляд остановился на видневшейся сквозь ветки сосен водяной поверхности. Даже несмотря на то, что страшные события, произошедшие здесь, остались далеко в прошлом, минчанин не мог спокойно вспоминать свой забег по ледяной глади озера...

«Меня спасла удача... А может быть удача здесь была и ни при чём...» – пронеслось в сознании историка, который уже не раз пытался уложить в голове все невероятные события, произошедшие с ним не так давно.

– Володя! – окликнула забывшегося историка Кася.

– Да-да, иду, – ответил, спохватившись Владимир.

Молодые люди подошли к старому бревенчатому дому Марыси. Владимир внимательно осмотрел постройку. Раньше ему как-то не приходило в голову по-настоящему рассмотреть старый дом лесной волшебницы. Хатка показалась ему даже более старой, чем во время прошлых осмотров, когда он бросал на неё только короткие взгляды. Теперь минчанин заметил, что на стенах дома виднеются странные знаки. Присмотревшись к ним внимательнее, Владимир понял, что никогда таких не видел и понятия не имеет, что они означа-

ют.

«Мда... Это всё-таки очень странное место...» – мелькнуло в голове историка.

– Володь, идём! – снова позвала Кася, которая уже стояла на крыльце.

Владимир молча кивнул и быстро подбежал к ступенькам. Девушка уже входила в дом. Минчанин последовал за ней и переступил порог старого лесного жилища. В хате Марыси царил полумрак и было душно. Гости оглядывались кругом, пытаясь заметить хозяйку дома. Кася осторожно прошла в глубь, поскрипывая деревянными половицами. Владимир последовал за ней. Через мгновение молодые люди одновременно увидели Марысю. Она сидела на лавочке у стены, её глаза были закрыты. Владимир внимательнее осмотрел комнату. Взгляд его упал на какую-то раскрытую книгу, которая лежала обложкой вверх на пыльном, большом столе.

«Эдгар По...» – прочёл гость.

Владимир подошёл к столу и перевернул книгу.

«Сон во сне... Вот уж не ожидал такого тут увидеть...» – пронеслось в мыслях гостя.

В этот момент Марыся открыла глаза.

– Я тут немного притомилась. Ну здравствуйте, дорогие! – сказала она, улыбнувшись доброй улыбкой, от которой все её морщинки стали на миг ещё заметнее.

– Здравствуй, бабушка! Здравствуй! – радостно сказала Кася и подбежала к Марысе, которая встала и обняла доро-

гую гостью.

– Вот и ты, малец, – весело проговорила хозяйка, слегка топнув ногой по деревянному полу. – Я ж тебе говорила, что снова встретимся. Вот и встретились. Пришлось для этого послать за тобой, доходяга.

– Откуда у вас эта книга, бабушка Марыся? – спросил гость улыбаясь.

– Какая ещё такая?

– Ну вот эта – Эдгар По, – уточнил историк деловым тоном.

– Значит По говоришь, малец. Эдгар? – спросила Марыся, хитро прищуриваясь. – А ты думаешь такой книге в моей хате не место? Да? Ну может я его люблю. Не ожидал такого от старушки из леса?

– Ну да, немножко удивился, действительно, – рассмеявшись ответил Владимир.

Марыся изменилась в лице и сказала более серьёзным голосом:

– Откуда тут эта книжка не скажу, Володька.

Владимир молча покивал. В сущности, его не так уж интересовало откуда здесь книга американского классика и почему Марыся говорит так таинственно.

– Ну, а теперь к столу. Кушать! Вперёд! Давайте быстренько, садитесь, – сказала хозяйка, снова переходя на характерный для неё насмешливый тон. – Сейчас... сейчас... Тут кое-что для вас есть.

Пока Марыся заставляла стол своими припасами, Владимир продолжал разглядывать стены комнаты. Особенно ему понравились старые часы с кукушкой, пыльные и потемневшие от времени. Кроме них внимание гостя обратил на себя огромный сундук, закрытый тяжёлым, амбарным замком, ключ от которого, тоже огромный и с причудливой бородкой, видимо, висел тут же, на ржавом изогнутом гвозде, вбитом в стену.

«Красота! Хоть сейчас в музей...» – решил минский гость.

В комнате показался огромный рыжий кот, которого Владимир никогда раньше тут не видел. Питомец мурлыкнул и лениво залез к Касе на колени.

После лёгкой трапезы, Марыся сказала внучке:

– Или, милая, пока в сарае приберись, а то отвыкла там, в своём городе, ручками-то работать. За тебя всё машинки делают. А тут воздух хороший. Поработаешь чуток – потом крепче спать будешь.

– Ну, ба... – начала Кася жалостливым голосом.

– Иди уже иди, а мы тут пока с Володькой поговорим, – сказала хозяйка строгим тоном, но тут же улыбнулась и хитро подмигнула внучке.

Сделав разочарованное лицо, Кася встала из-за стола и тихо сказала: «Спасибо». Помедлив ещё мгновение, она вышла во двор.

– Вот так, – сказала Марыся, поправив немного сбивший-

ся платок на голове.

Воцарилось молчание, которое первой нарушила хозяйка, сказав неожиданно серьёзным тоном:

– Видел сон, Владимир?

Гость опешил от такого вопроса.

– Какой сон?

– В котором Мечислав город отстраивал. Помнишь ведь?

Минчанин уже наблюдал в этом доме множество необыкновенных вещей и знал на что способна Марыся, но всё же не мог привыкнуть к этому. Такие моменты сбивали его с толку.

– Откуда вы знаете? – спросил гость и тут же решил, что это глупый вопрос.

– Знаю, знаю, как видишь. Ещё знаю, что вы получили от меча. Ты пишешь книгу, и ты прославишься, как писатель, Вика путешествует по Италии... А вот Мечиславу ещё предстоит получить свою главную награду. То, что ты видел во сне – нереально, но... не совсем.

– Он что, действительно сможет возрождать здания и даже... летать? – с самым глупым видом, спросил Владимир, и тут же подумал, что зря задал такой вопрос.

– Пусть не таким образом, но мечом можно вершить великие дела. Власть меча так велика, что твой друг даже не представляет ещё насколько... Вы правильно делали, что использовали его и для помощи другим, но прежде всего, теперь он должен помочь Мечиславу, – сказала лесная чародейка.

– Он был у каждого из нас по очереди. Теперь он у Вики. С помощью него она, кажется, помогает каким-то беднякам. По крайней мере, она хотела... – медленно проговорил Владимир.

– Всё правильно. Так и надо. Так и должно быть. Но Мечислав должен раскрыть полную силу меча и тогда он пройдёт тот путь, который должен... Но для этого ему придётся поверить тому, кому поверить очень непросто.

Владимир слушал Марысю немного приоткрыв рот. Всё происходящее поражало его и заставляло моментами думать, что эта история очень похожа на какой-то красочный сон или современный фантастический фильм.

«Наверное, я никогда не привыкну к этим делам...» – думал молодой человек.

– Вот за этим я тебя и позвала, – сказала Марыся, – ты должен убедить друга поверить тому, кому поверить, говорю ещё раз: очень сложно. Понял, Володя?

– Да... кажется... – не совсем уверенно проговорил Владимир.

– Скоро он тебе позвонит.

– Что? Я хотел сказать – кто? Кто позвонит? – ошарашенно спросил Владимир.

– Позвонит, говорю, скоро, – сказала хозяйка и пристально посмотрела на собеседника. – Он собирается в Минск и захочет встретиться. Предложит тебе эту встречу по телефону. Вот тогда и расскажешь ему... Понял, доходяга, –

добавила Марыся, снова переходя на свой немного ехидный тон.

И в этот момент минский гость услышал звонок собственного телефона.

– Алло, – сказал в трубку историк, удивлённым тоном, когда поднёс её к уху.

– Володь, привет. Как поживаешь? – проговорил голос его гродненского друга.

– Нормально, Мечик. А ты как?

– Отлично! Я отлично! Слушай, я тут буду в Минске по делам... Пересечёмся? А? Ты как на это посмотришь?

Глава 2. Три важных встречи

На улице Карла Маркса в Минске, в одном из кафе, над окнами которого висели полосатые козырьки, а в помещении стояли круглые столики, сидели двое молодых людей. Называлось заведение в честь одной из крупнейших битв средневековой Европы. День был ясный и солнце нагревало тротуары большого, пыльного города.

– Приятное место и кофе неплохой, – сказал Мечислав, отрываясь от своей чашки и глядя на своего немного угрюмого друга.

– Да-да, – подтвердил Владимир, сидящий напротив гродненца.

– Ты как будто не рад меня видеть, Володя? Ты какой-то

озабоченный... Что случилось? – спросил Мечик улыбаясь.

– Нет, ты что, я очень рад тебя видеть, – ответил минчанин, слегка улыбнувшись в ответ. Но тут же он снова стал серьёзным и замолчал.

– Ну давай, рассказывай, – настойчиво и громко сказал Мечик.

– Ну... хорошо... сейчас...

– Давай... давай, признавайся уже в чём дело.

– Ну-у-у-у... Помнишь нашу лесную волшебницу Марысю? – спросил минчанин тихим голосом.

– Хах... Разумеется, – ответил другу гродненец.

– Я виделся с ней опять. Её внучка Кася позвонила мне, и мы вместе съездили в тот лес... До сих пор, когда вижу озеро... Ну, помнишь? Там меня чуть не догнали эти психопаты... Короче, меня в дрожь бросает от него...

Владимир откинулся на спинку креста и отпил немного кофе.

– Да, уже интересная история. И что дальше? – спросил гродненский гость.

– Мы приехали, пообедали, и она отправила Касю из дома, чтобы та не мешала говорить...

– Та-а-а-к... – заинтересовано протянул Мечик.

– В общем, разговор был о тебе.

– Что? Обо мне? – удивлённо проговорил молодой историк.

– Да, о тебе Мечик!

– И что? Что она говорила?

– Она сказала, что меч не используется в полную силу.

– Я и сам думал об этом, – сказал Мечислав глядя в окно. –

Для меча, на котором написано, что он владеет миром, все эти небольшие волшебные случаи, эти маленькие добрые дела, которые меняют жизнь тех, с кем мы сталкиваемся и кому захотели помочь, всё это как-то... ну... мало, что ли. Вы с Викой изменили свои жизни к лучшему. И это очень хорошо. Но может ли эта вещь делать что-то более значительное?

В этот момент Владимир выразительно вскинул брови и резко поставил чашку с кофе на столик, а затем, вдруг, хлопнул себя по макушке и выпалил:

– Ах да! Вот, кстати, я совсем забыл сказать, что видел, как ты используешь меч... Это было действительно впечатляюще. Это была сила!

– Что? – удивлённо спросил гродненец. – Как это ты видел? Где?

– Во сне. Ты мне снился, представь, – ответил Владимир и рассмеялся.

– Ничего себе, – сказал Мечик улыбаясь. – Ну и что же я там делал, в твоём сне?

– Возрождал старую гродненскую архитектуру с помощью меча. Во сне ты даже мог летать, прикинь? Здания вырастали как из-под земли. Фара Витовта, дворец Радзивиллов, дворец Огинских, ратуша... Дым, пламя... Ты стоял на крыше!

– На крыше? – весело проговорил молодой гродненец.

– Ну да. На крыше Фары Витовта. Ты туда прилетел.

– Да, ещё одна хорошая история, – сказал Мечик, качая головой и смеясь. – Крылья то хоть у меня были или я летал с помощью... сопла.

– Да нет, ты просто так полетел, – рассмеявшись ответил Владимир своему другу, который не смог сдержаться и захохотал.

– Это всё меч, – пояснил минский историк.

В этот момент гость остановил взгляд на сидевших за отдалённым столиком людях. Какое-то время он вглядывался в них, а затем радостно улыбнулся и поднялся со стула.

– погоди минутку, Володь. Я тут, кажется, знакомых встретил, – проговорил он.

– Ага. Ну... давай сходи, – ответил Владимир.

Мечик подошёл к столику, за которым сидело трое человек. Два молодых парня, один из которых имел солидный вид и строгую бородку, а второй был одет в спортивном стиле, и молодая женщина с рыжими волосами и добродушной улыбкой. Они что-то активно обсуждали. Заметив историка все трое немного удивились.

– Алексей... Руслан... пани Ирина, – говорил Мечик, пожимая руки своим знакомым.

– Воистину! Этот Минск – маленький город, хоть в нём и живёт уже два миллиона жителей или что-то около того. Где же ещё встретиться гродненцам, как не здесь, – тоном полным мрачной иронии сказал молодой человек с бородой,

которого Мечик назвал Алексеем.

– Мечик, ты как тут оказался? Долго будешь? – живо спросил второй парень.

– Да были кое-какие дела, Руслан, – ответил Мечик

– Настоящий журналист всегда начинает с журналистских вопросов, – заметила рыжеволосая Ирина, глядя на Руслана. – Очень рада вас видеть, Мечислав, – добавила она и улыбнулась историку.

– А вы что здесь делаете? – спросил Мечик.

– Прежде всего боремся со своим внутренним презрением к Минску. Мы же гродненцы, а значит, должны презирать Минск, – сказал Алексей, всё тем же ироничным тоном, – ну и по делам редакции приехали, – добавил он через паузу.

Собеседники весело рассмеялись.

– Да-да, у нас тут должна быть деловая встреча, – сказал Руслан.

Поболтав со случайно встреченными знакомыми Мечик простился и вернулся к Владимиру, который как раз допивал свой кофе.

– Что это за товарищи? – спросил тот.

– Гродненский журналисты из одного местного СМИ. Крутого, кстати. Они частенько мои материалы печатают.

Друзья вернулись к обсуждению удивительного сна минского историка.

– Город, конечно, сильно изменился со всеми этими появившимися достопримечательностями. Было красиво. Вот

что ты делал с помощью меча.

– Пожалуй, только таким волшебным способом и можно было бы восстановить эти здания. Администрация точно прилагает все усилия, чтобы этому помешать, так что, на обычный способ возрождения этих памятников вряд ли стоит надеяться в обозримом будущем, – заметил Мечик.

– И Марыся знала об этом сне, – сказал минчанин.

– Знала?

– Да! Хотя она и сказала, что это не совсем реально, но намекнула, что ты сможешь... м-м-м-м... как бы это сказать... открыть полную силу меча.

– И как это сделать она сказала? – спросил недоумённо гродненец.

– Поверить тому, кому поверить непросто, – ответил его минский коллега.

– Это кому ещё?

– Этого она не сказала.

– Замечательно! – промычал Мечик иронически улыбаясь.

«Поверить тому, кому поверить тяжело... Кто бы это мог быть? Есть один такой парень из деревни...» – подумал гродненец и ему стало весело.

– Она знала и о том, что мы с тобою встретимся, – добавил Владимир.

– После всего того, что я видел и слышал это меня уже и не удивляет, – сказал Мечислав и отхлебнул ещё кофе

из большой изящной чашки.

Молодые люди ещё долго беседовали под уютный щебет гостей кафе и долетавший сюда шум большого города, наполненного своей повседневной жизнью. Постепенно они перешли на менее загадочные и более приятные темы. Официантки сновали вокруг с подносами, а многочисленные посетители продолжали позвякивать столовыми приборами и обмениваться приятными улыбками, вдыхая изумительный аромат свежего кофе.

Наконец, друзья закончили трапезу, наговорились, и вышли из уютного заведения на улицу.

– Ладно, я ещё по делам, – сказал Мечик, – проводишь меня попозже на вокзал?

– Разумеется, – ответил Владимир.

На этом молодые люди расстались, но вечером снова встретились на большом минском вокзале.

Гродненец, оставивший машину в ремонте и поэтому приехавший на поезде, тепло попрощался со своим другом и похлопал его по плечу.

– Ну, до встречи, Володь! – сказал Мечик. – Чувствую, что нас опять ждут приключения.

– Этого-то я и боюсь, – ответил минчанин.

– Да и я тоже.

Мечислав ещё раз похлопал друга по плечу и сел в поезд. Проходя по вагонам, он увидел Ирину.

– Ну ничего себе! – воскликнул гродненец. – Опять мы

встречаемся. Вы, значит, тоже уже возвращаетесь. А где Руслан и Алёша?

– Они ещё раньше на маршрутке вернулись, а я немного задержалась, – ответила журналистка, – садитесь, Мечик. Вместе ехать будет веселее.

Попутчики успели вдоволь наговорится о разных вещах и прежде всего о совместных проектах касающихся различных сторон гродненской жизни.

Мирный стук колёс убаюкивал гродненцев. Мечик почти задремал, но очнулся и поднял взгляд перед собой. Ирина тоже дремала, а на её коленях лежала какая-то книжка, которую молодой человек не видел раньше у своей попутчицы. Историк внимательно присмотрелся к книге.

«Сон во сне...» – мысленно прочёл он.

Почему-то эта деталь смутила молодого гродненца. Он почувствовал внутреннее волнение. На мгновение историку показалось, что она является каким-то знаком, предназначенным ему. Но Мечик быстро выкинул эти мысли из головы.

Нужно было чем-то занять себя и молодой человек решил пролистать свой дневник: он возил его с собой, периодически перечитывая записи, которые хотел использовать в задуманной им книге о невероятных, произошедших с тремя друзьями, событиях. Достав толстую тетрадь в тёмной обложке, он погрузился в чтение. Перед глазами историка проплывали яркие сцены прошлых приключений. Вот он в Но-

вом замке, наблюдает за в шутку дерущимися на лопатах рабочими, вот он капается в земле, недавно выкинутой на поверхность, и находит серебряную капсулу... Мечик оторвался от тетради и посмотрел в окно, на пролетающие мимо поля...

«Кажется, что это было так давно... и в тоже время недавно...» – подумал молодой человек и снова вернулся к чтению.

Перелистывая страницы, историк вспоминал как достал из капсулы таинственную записку, как они с Викой и Владимиром распутали загадку короля, как в их жизнях появился загадочный злодей Пануриш, пытавшийся убить их, и как они добыли меч, который был им предназначен самим королём Станиславом Августом...

Мечик захлопнул тетрадь и, прислонив голову к оконному стеклу, опять задремал, пока поезд нёсся из столицы на запад страны.

Простившись с Ириной и прогулявшись пешком от гродненского вокзала до своего дома, Мечислав секунду помедлил у калитки, и уже хотел вставить ключ в скважину, как вдруг, явственно ощутил чей-то взгляд, направленный ему в спину. Молодой человек повернулся и застыл, лишившись на мгновение дара речи. Перед ним стоял пожилой, с длинными седыми волосами, человек, одетый в широкий плащ тёмного цвета.

– Здравствуйте, пан Мечислав! – проговорил незванный

ГОСТЬ.

– Пануриш? Это вы?

– Как видите, – ответил Яков и широко улыбнулся.

Глава 3. Неожиданный гость

Мгновение Мечислав молчал. Первым его желанием было броситься в свой дом и позвонить в милицию. Но молодой человек тут же решил, что это не достойное мужчины поведение. Он сжал кулаки и резким голосом сказал:

– Я даже не хочу знать, что там с вами случилось. Я вижу, что вы живы. Не буду говорить, что я этому рад. Что вам нужно от меня? Лучше убирайтесь, пока можете!

– Зачем же столько агрессии, Мечислав, – ответил Пануриш.

– Да что вам нужно от меня? – почти выкрикнул историк.

– Может быть вы позовёте меня в дом, чтобы мы могли спокойно поговорить?

– Вы что издеваетесь надо мной? Забыли, что вы с вашими людьми силой забрали меня из собственного дома и держали в подвале?

– Ну хорошо, – сказал Пануриш, – не буду на этот раз дразнить вас. Мы можем поговорить и здесь.

– Говорите быстрее! Что вам нужно?

Пануриш сделал задумчивое выражение лица и немного помедлив спокойным голосом сказал:

– Я многое понял после того, что случилось. Когда я пришёл в себя на полу в часовне я вынужден был спастись от милиции. Мои люди устроили настоящую стычку с этими бравыми стражами порядка. Но главное, что я очнулся. Вы же не думали, что мой собственный предок убьёт меня, правда? Он только лишил меня возможности действовать и этим открыл мне глаза на многое. Ну, а от милиции я спасся без особого труда.

– Поздравляю, – зло сказал историк. – Так что вам нужно от меня?

– Терпение, пан Мечислав, терпение!

– Хватит этих глупостей, просто скажите, чего хотите.

– Теперь я оказался изгоем, – продолжил Пануриш, не обратив никакого внимания на нетерпеливые слова собеседника. – Я проиграл. Больше я не мог возглавлять нашу организацию. Я оказался недостоин своих великих предков, а значит – вести за собой других уже не могу. Вы стали хозяином меча, и, надо признать, вполне заслуженно. Это было суждено...

– Меч принадлежит не только мне, – прервал незваного гостя историк.

– Да нет же. Именно вам! Вы самый достойный и меч ваш по праву. И именно поэтому вы и раскроете его истинную силу. Вы и только вы, а не ваши друзья.

– Это уже всё, что вы хотели мне сказать?

– Не совсем. Дело в том, что вам пригодится кое-какая

помощь. Моя помощь!

– Вы точно издеваетесь надо мной! Мне вообще не нужно было с вами говорить.

– Вам нужна помощь. Понимаете, Мечислав. Только тогда вы совершите с этим мечом то, что действительно должны! – медленно и громко проговорил незванный гость.

– Разговор окончен! – ответил историк и повернулся спиной к Пануришу.

– Вы должны поверить мне. Поверить... слышите... Поверить тому, кому поверить очень тяжело, – последние слова собеседник Мечика произнёс очень низким голосом, отчеканивая каждое слово.

Историк застыл на месте. В его мозгу молнией промелькнула мысль:

«Так это же то, о чём говорила Марыся Владимиру...»

Помедлив ещё секунду, молодой человек повернулся к Пануришу. Он лихорадочно анализировал имеющуюся информацию и в душе его росло подозрение. Наконец, он спросил:

– Вы знаете её? Знаете, эту чародейку?

– Кого?

– Одну старую волшебницу из леса?

– Звучит весьма загадочно, дорогой пан Мечислав.

– Да или нет?

– А с чего вы вдруг взяли, что я должен знать какую-то, как вы там говорите, волшебницу?

– Потому что она знала о том, что вы придёте ко мне.

– Ну раз она волшебница... предположим, что настоящая волшебница, то ей просто положено всё знать. Да? Или вы так не считаете?

Пануриш смотрел на молодого человека насмешливым взглядом, а тот немного растерялся, так как такое простое объяснение почему-то не приходило ему в голову.

– А Марысю я, конечно, знаю, – добавил Пануриш подержав паузу.

– Всё-таки знаете? – воскликнул молодой человек.

– Ещё бы! Мы появились в этой истории не просто так и по-своему связаны.

– Не понимаю.

– Потом поймёте.

– Так чем вы хотите мне помочь? – спросил историк, после короткого молчания.

– Есть одна вещь, которая поможет вам открыть истинную силу меча, а значит и пройти тот путь, который вам положен.

С этими словами Пануриш достал свёрток грубой серой ткани, развернул его и поднял над головой какой-то предмет.

– Вот он, – сказал неожиданный гость.

Мечислав пригляделся к тому, что было в руке Пануриша. По виду предмет напоминал морскую раковину, но сделан был из материала похожего на бронзу. Всю его поверхность покрывали мелкие письмена, которые образовывали своеобразный узор, чем-то похожий на арабскую вязь.

– Тот, кто является истинным хозяином меча, может приложить этот артефакт к уху и тогда эта прекрасная раковина расскажет избраннику, что нужно сделать, чтобы пробудить силу клинка.

Пануриш помолчал и добавил:

– Ну-ка, проверим...

С этими словами он поднёс загадочный предмет к уху и какое-то время молча слушал. Мечиславу показалось, что на лице его собеседника отразилось разочарование, притом, совершенно искреннее.

– Я проделывал это тысячу раз, но я не избранник и меч не мой, а значит – я ничего не услышу. Но если вы действительно истинный хозяин, то с вами будет иначе, – сказал Яков.

Пануриш сделал осторожный шаг вперёд, наклонился и медленно протянул бронзовую раковину молодому человеку. Мечик, после секундного колебания, принял дар незваного гостя и принялся рассматривать то, что теперь лежало в его руке.

– И почему вы помогаете мне? – спросил историк, после того, как оторвал взгляд от раковины.

– Всё очень просто. Мой собственный предок встал на вашу сторону, и выступил даже против меня – его прямого потомка. Раз я не могу владеть мечом, значит, кто-то другой должен раскрыть всю его силу. А я могу помочь это сделать.

– И откуда у вас эта вещь?

Пануриш пожал плечами и поднял глаза к небу.

– От моего предка, разумеется. От кого же ещё, – проговорил он снисходительно.

Мечик молча разглядывал тяжёлую раковину.

– Ну что же... Я сделал то, что должен был. Теперь мне пора, но я не прощаюсь. Мы ещё увидимся, пан Мечислав.

Произнеся это Пануриш развернулся и быстрым шагом удалился в сторону центра города. Молодой человек проводил его взглядом, а затем вновь опустил глаза на предмет в своей руке. Он был тяжёлым и приятным на ощупь. Удивительно искусная работа!

«Великолепная вещь!» – думал Мечик.

Глубоко вдохнув приятный, наполненный благоуханием цветов, воздух вечернего города, Мечислав медленно поднял руку с необычным подарком и приложил раковину к уху...

Глава 5. Встреча друзей

Вика шла по залитому солнцем центру города. В это время Гродно был особенно хорош. Зелень на улицах казалось дополняла старинную архитектуру, а горящий солнечный шар дарил прохожим приятное тепло. Всё это радовало гродненку, которая редка могла позволить себе жить в родном городе. Девушка уже была востребованным дизайнером и большую часть времени проводила за пределами страны. На Вике было короткое, летнее платье, которое трепал ве-

терок, заставляя юную особу иногда придерживать лёгкую, светло-серую ткань своего наряда.

Поравнявшись с Покровским собором, девушка заметила нищенку, ещё довольно молодую женщину, внешность которой, не смотря на поношенную одежду, не была лишена опрятности, а лицо казалось приятным, хотя и измождённым. Вика остановилась рядом с женщиной и опустила в маленькую коробочку на земле монетку самого большого номинала.

– Спасибо, – сказала нищенка, не поднимая глаз.

Девушка заметила, что женщина очень стыдится и помолчав мгновение участливо спросила:

– Может быть вы хотите мне рассказать, что с вами произошло?

Мало кто интересовался жизнью женщины, просящей подаяние у церкви. Нищенка медленно подняла на молодую девушку глаза, в которых читалось недоверие. Это был действительно неожиданный вопрос, и она в свою очередь спросила:

– Зачем вам это?

– Хочу вам помочь! – просто ответила Вика.

– И как вы можете мне помочь? – спросила нищенка, скептически глядя на собеседницу.

– Необычным способом, – ответила девушка и зачем-то запустила ручку в висевший на спине рюкзак.

Нищенка ещё какое-то время противилась искушению по-

ведать о себе незнакомой, хотя и вызывающей доверие, девушке. Однако ей так давно хотелось с кем-то поговорить... Поэтому она рассказала неожиданной собеседнице о том, как потеряла работу, квартиру и всю семью, и о том, как не смогла выехать на заработки в Польшу. Несчастья в её жизни следовали одно за другим, но теперь, во время разговора с незнакомкой, ей вдруг стало легче, и она даже не смогла сдержать слёз...

Поблагодарив собеседницу за откровенность Вика, которая всё время беседы зачем-то держала свою руку в рюкзаке, попрощалась и продолжила свой путь, но сделав несколько шагов обернулась и весело сказала:

– У вас всё будет хорошо! Вот увидите!

– Спасибо! До свидания, – ответила молодая женщина, чьё лицо стало теперь менее озабоченным, чем до разговора с девушкой.

Вика пошла дальше спокойным шагом. На лице девушки светилась радостная улыбка и она периодически останавливалась, чтобы полюбоваться тем или иным старинным зданием. Где-то внизу, в Швейцарской долине, журчала вода, а маленькие дети играли у большой бронзовой скульптуры женщины с длинными волосами, которую горожане иногда называли русалкой.

Пройдя узкими оживлёнными улочками к Замковой горе, девушка остановилась и некоторое время пристально рассматривала старую цитадель, раскинувшуюся над маленьки-

ми деревянными домиками, которые всё ещё стояли в долине реки Городничанки. Затем она прошла под аркой самого старого в стране моста, который вёл прямо к замковым воротам, и стала спускаться по длинной лестнице, сбегавшей вниз между высокими холмами гродненских замков.

Девушка шла и смотрела на массивные гладкие ступеньки. Она уже много раз пересчитывала их, но довольно быстро забывала точное число и поэтому, когда в очередной раз оказывалась на лестнице, снова считала свои шаги по серым, широким плитам.

«124... 125... 126...» – закончила свой подсчёт Вика.

Справа от девушки, стоящей на последней ступеньке лестницы, красовалась каменная скульптура ладьи, представляющая один из экспонатов гродненского музея – древнюю шахматную фигурку.

Вика прошла вперёд ещё несколько метров и свернула налево, в сторону здания бывшего кармелитского монастыря. Справа от девушки мирно нёс свои воды Неман. Вика направлялась к симпатичному зданию на набережной, построенному во времена II Речи Посполитой. Теперь этот образчик межвоенной архитектуры использовался заведением общепита. Перед строением стояло множество деревянных столиков под навесами, причём расставлены они были так, что образовывали своего рода дворик, в центр которого и вышла Вика.

За одним из столиков сидели двое молодых людей. Уви-

дев девушку, они тут же принялись махать ей и улыбаться. Гродненка заметила эти сигналы и, улыбаясь, пошла к приветствующим её парням.

Через пол часа, троица друзей, вдоволь наговорившись, взяла три порции мороженого.

– Значит, ты виделся с Пануришем? – сказал Владимир, вопросительно глядя на Мечика.

– Я бы, наверное, не выдержала встречи с ним, – сказала Вика с некоторым недоумением глядя на подтаявшее мороженой в стеклянной посуде, – хотя, я как-то становлюсь смелее в нужные моменты.

– Да, это была встреча не из приятных, – сказал гродненский историк. – Выходит, что Марыся знала о том, что Пануриш появится и предложит помощь...

– Поэтому она и предупредила, чтобы ты послушал того, кому сложно доверять, – сказал минчанин.

– Да уж. Доверять этому негодяю действительно не легко. Я бы его задушил голыми руками, честно, – зло проскрежетал Мечик.

– Так ты принёс то, что он отдал тебе? Эту... раковину? – с воодушевлением глядя на гродненца, спросила Вика.

– Да, она здесь. Сейчас покажу, – откликнулся тот и полез в сумку, пока Вика, быстро моргая, потирала ладошки в предвкушении появления нового для неё и весьма загадочного артефакта.

Мечислав рылся в сумке довольно долго и наконец выта-

щил бронзовую раковину, а затем передал её подруге.

– Послушай, Вика! Приложи к уху, – сказал гродненец. – Ты же тоже избранница. Может быть и ты услышишь... – добавил он с улыбкой.

Вика, с некоторым волнением, медленно поднесла тяжёлый предмет к своему маленькому ушку и стала слушать.

– Ничего не слышу, – сказала Вика, разочаровано глядя на своих друзей. – Володь, попробуй ты.

Минский гость взял из рук девушки артефакт и плотно приложил к своему уху. Он довольно долго сосредоточенно вслушивался и наконец спокойно сказал:

– Нет, ничего. Видимо, это можешь слышать только ты, Мечик.

– Так что же это? Что ты там слышишь? – спросила Вика, внимательно глядя на своего друга.

– Послушаю-ка я ещё раз, – ответил Мечислав. – Я просто подношу её и слышу голос.

Молодой человек улыбнулся и быстро приложил раковину к уху. Вначале он слышал лишь что-то вроде отдалённого шёпота, смешанного с шипением, похожим на слабый звук воздуха, вырывающегося из открытой велосипедной шины. Казалось, что миллионы неразборчивых слов плескались в раковине далёким эхом. Но, постепенно, на первый план выходил один голос. Он приближался и становился всё отчётливее, и вот уже историк мог понять смысл.

«Встань на места трёх престолов, в трёх городах наиглав-

нейших, тогда ты услышишь три слова и дорога назад готова...»

Владимир и Вика молча смотрели на Мечислава.

– Встань на места трёх престолов, в трёх городах наиглавнейших, тогда ты услышишь три слова и дорога назад готова, – сказал тот вслух.

Вика и Владимир переглянулись.

– Так это вроде бы стихи, – заметила удивлённая девушка.

– О каких трёх престолах речь? – спросил Владимир.

– На этот раз загадка не такая серьёзная как та, что была спрятана в капсуле, – ответил гродненский историк. – Я уже понял, что это всё значит. Три престола находятся в трёх наиглавнейших городах. Что это за города? Я думаю, кандидатами могут быть все четыре столицы Речи Посполитой: Вильня, Гродно, Краков и Варшава.

– И как выбрать три? – живо спросила Вика.

– Очень просто, думаю, речь о Гродно, Кракове и Варшаве. Вильня утратила своё значение и сеймы Речи Посполитой там не проводились. Краков, правда, тоже уступил главенствующее положение на польских землях Варшаве, но всё же там проводили коронационные сеймы. Фактически же главными политическими центрами были Варшава – в Короне, и Гродно – в Княжестве.

– Значит, три наиглавнейших города это Варшава, Краков и Гродно, – сказал Владимир, – а места трёх престолов? Речь о тронах правителя или о чём?

– Совершенно верно, – подтвердил Мечик. – Три престола, это, как мне кажется, именно три королевских трона, в этих трёх городах. Так вот я это вижу.

– А где конкретно находились престолы? – спросила Вика.

– Например, в королевском замке в Варшаве были и Тронный зал, и Сенаторский, и место для трона было в обоих. Нужно поискать. Но если встать в правильное место, то можно, согласно посланию этой бронзовой штуки, услышать три слова. Проще говоря, в неправильном месте их просто не услышишь. Вот так я понимаю, – ответил Мечик.

– А как их услышать? В этой ракушке? – тихо спросила девушка.

– Думаю, да. Ты становишься в нужное место, прикладываешь её к уху, и тогда будут слышны эти слова, – спокойно сказал гродзенец.

– Так, а эти престолы хоть оригинальные? В королевском замке Варшавы ведь почти всё новодельное, так? – задал вопрос Владимир.

– Да. Но ведь в послании речь о местах престолов, а не о них самих. Во всяком случае, можно пробовать.... Вот только я не хочу.

– Как не хочешь? – удивлённо спросила Вика, глядя на Мечика.

– Так и не хочу, – отрезал тот. – Честно говоря, я устал от всех этих дел. И, кроме того, вы обратили внимание, что речь в послании идёт о какой-то там дороге назад, а ведь Па-

нуриш говорил о раскрытии истинной силы меча. Какая ещё дорога, скажите мне? Я не доверяю ему... Да и этой твоей Марысе тоже не очень, – добавил гродненец, глядя на своего минского коллегу.

– Да, это действительно всё очень странно. Впрочем, мы уже могли бы привыкнуть, – сказал Владимир. – А Марысе я лично верю. Просто после того, что она сделала для меня...

– Да, её помощь – неоценима, – перебил гродненец. – А привычка... Да уж. Мы привыкли. Только вот я уже хочу отвыкнуть и жить спокойно. Я не просил, чтобы на меня свалились все эти приключения. Ну и зачем мне вообще увеличивать силу этого меча, если он мне и сам-то, в общем-то, не нужен. Да, не нужен! Я одновременно и хочу, и не хочу в этом участвовать. Не знаю...

– Ты, значит, ещё не определился? – спросила гродненка. – В любом случае, чтобы ты не решил – мы с тобой. Если надо будет поехать в Польшу, то мы с радостью. Правда, Валодь?

Минчанин молча кивнул и полез ложкой в посудину с мороженым.

– Спасибо, друзья! Я ещё ничего окончательно не решил. Так и есть. Эта загадка всё-таки привлекает меня, и я чувствую странную тягу к этому новому приключению. Мне часто кажется, что время как бы сжимается... Всё ускоряется и движется к какой-то развязке... Я подумаю. Вы же ещё пока будете в Гродно, да?

Собеседники Мечика кивнули.

– Ну вот и хорошо. Я вам сообщу, что да как. А пока, Вика, расскажи подробнее, как ты там помогала итальянским беднякам в Болонье? Интересно же, – сказал гродненский историк, хитро прищуриваясь.

– Был там один мальчик. Я встретила его на улице, и мы разговорились. Отличная практика итальянского для меня. Ну и вот... Оказалось, что он мечтает о велосипеде. Ну, а дальше, всё как обычно: я прикоснулась к мечу, а через неделю встретила его уже на велосипеде.

– То есть ты опять таскала его в рюкзаке? – ухмыляясь спросил Мечик.

– Ну да. Хочешь делать добрые дела, таскай с собою меч... Ой! Как-то двусмысленно получилось, да? – закончила смущившаяся Вика, под хохот друзей историков.

– Прекрасно! – выдавил Мечислав, продолжая смеяться.

– Теперь твоя очередь, Мечик! Я тебе его отдам.

– Потом отдашь. погоди! Он у тебя и теперь с собой?

– Ну да. В рюкзаке, – ответила Вика.

– То есть ты почти как ниндзя с мечом за спиной! Девчонка супергерой! – сказал, ухмыляясь гродненец.

Друзья снова залились хохотом, а девушка, смущённо улыбаясь, смотрела на них исподлобья.

Был уже непоздний вечер, когда молодые люди разошлись по домам. Вика отправилась к себе, а Владимир на этот раз

решил не пользоваться жильём гостеприимного гродненского историка, хотя тот и уговаривал друга снова пожить у него, а снял комнату в маленьком отельчике, который размещался в старинном особняке, с ломанной барочной крышей. Минчанин уже давно мечтал пожить в этом здании. Оно находилось в историческом гродненском районе Новый Свет, который очень нравился минскому гостю.

Мечик возвращался домой пешком. Погода была хорошая и молодой человек не спешил. Насвистывая какую-то бодрую мелодию, он подошёл к своему дому и принялся разыскивать в кармане ключ.

Но историка снова ждал сюрприз. На этот раз его караулила какая-то женщина, уже пожилая, одетая в поношенную одежду, более подходящую для работы на огороде, чем для городских прогулок. Она тихо подошла сзади и сказала:

– Здравствуй, Мечислав.

Молодой человек вздрогнул от неожиданности и резко повернулся к женщине.

– Кто вы? Я вас не знаю, – резким тоном сказал историк.

– Знаешь, милый, знаешь, только не знаешь, что это я и есть, – произнесла странная гостья.

– Кто вы такая?

– Марыся, милоч. Ну, давай соображай, дорогой.

Молодой человек изменился в лице. Мечислав столько раз слышал о лесной волшебнице и знал, что её помощь сложно переоценить, но кто бы мог подумать, что он вот так вот за-

просто встретит её у своего дома.

– Это что же, правда вы? Вы та самая Марыся? Но, что вы тут делаете? – забросал старушку вопросами Мечик.

– Пришло время нам с тобой встретиться. Ну и вот я здесь.

– Но вы же живёте в лесу. Да? Правильно?

– Ну дык и что? Лес то этот небось не в Сибири. Километров семьдесят от Гродно то.

Мечик рассмеялся. Он действительно как-то не подумал, что лесная волшебница на самом деле живёт очень близко к королевскому городу.

– Мечислав, – сказала Марыся серьёзным голосом, – ты должен поехать и сам чувствуешь это. Ты знаешь это, но боишься. Это ничего. Ты сделай, а потом не пожалеешь. Обещаю.

– Но я не хочу. Я устал, просто устал от этого всего.

– Вот после и отдохнёшь.

– И вы приехали только ради того, чтобы меня убедить?

– Ну конечно.

– Я не могу... Я не уверен... Я хотел бы уже жить спокойно. Для меня достаточно приключений, – стал быстро говорить гродненец, потупив взгляд.

– Успокойся! Ты можешь, и ты сделаешь. Я приехала только затем, чтобы посоветовать тебе послушать себя. Это ведь не сложно, правда? Закрой глаза и прислушайся к себе. Внутренний голос подскажет. Давай, милоч, закрой глаза

и послушай... Просто прислушайся...

Мечик почему-то не мог отказать Марысе, которая неожиданно заговорила тоном заправского психолога, и послушно закрыл глаза. Так он стоял около минуты, пока Марыся очень пристально смотрела на молодого человека и в глазах её горели яркие огоньки. Историк пытался услышать свой внутренний голос. Сомнения одолевали молодого человека, и он как будто плыл куда-то в неведомую даль. Мечик казался сам себе глупым и уже хотел открыть глаза и попрощаться с Марысей, поблагодарив её за все её труды, полезные ему и его друзьям, но что-то остановило его. Он продолжал медлить и стараться понять, чего же хочет на самом деле. И вот... его чувства стали проясняться... Мечислав чувствовал всё большее желание поехать за разгадкой новой головоломки, которую подкинула ему его, ставшая весьма странной, жизнь. Марыся не сводила взгляда с молодого человека. И когда тот снова открыл глаза, он уже был почти уверен.

– Да, вы правы. Я должен поехать! – сказал Мечик бодрым тоном. – Пусть так! Да, я поеду!

– Вот и молодчага, – сказала Марыся. – И друзей своих захватишь. Они ехать готовы. А пока, дайка мне свою ракушку.

– Ракушку?

– Давай, давай, небось же с собой у тебя.

Мечислав не без некоторого удивления вытащил артефакт и отдал его Марысе.

– Понял уже, что речь о Гродно, Варшаве и Кракове? Только отправляйтесь сперва в Краков, а потом в Варшаву, ну и Гродно в конце. Понял, милый мой?

– Почему так? – спросил опешивший историк.

– Да взгляни же внимательно на ракушку эту. Небось толком-то ещё и не изучил? Времени не было, да? Ну вот смотри. Письмена тут непонятные тебе, а это ж смотри – карта, и на ней три города: Краков, Варшава и Гродно. Как ты не понял-то? И стрелка... Видишь? Она от Кракова к Гродно направлена.

Мечик с удивление заметил, что на ракушке действительно виднеются очертания территории Речи Посполитой и внутри этого контура, были изображены три маленьких трона, как раз в тех местах, где должны были быть расположены Гродно, Краков и Варшава. И как он сам не понял, что это не просто странное очертание, а контур страны? Историк действительно не очень внимательно изучал бронзовый артефакт. Он был слишком потрясён появлением Пануриша.

– Вот так, Мечислав. Поедете сперва в Краков, ну и потом на север, в Варшаву... Что делать нужно ты догадался, да ведь? Встанешь над местами престолов и тогда всё услышишь.

– Я всё понял, – ответил молодой человек, и помолчав добавил. – Не знаю откуда вы всё это знаете, но я вам просто поверю. Может быть вы зайдёте в гости?

– Спасибо, милоч. Я лучше к себе поеду.

– В лес? А на чём вы поедете?

– Не бойся, дорогой, не на метле.

– Может вас подвести? – спросил, рассмеявшись, историк.

– Нет, не надо. Я и на троллейбусе доберусь. Родня то у меня не только в Минске. Здесь, в Гродно, тоже внучка имеется. Вот она меня и приютит.

– Понятно, – сказал историк.

– Ну, не скучай, молодой человек. Скоро сам поймёшь, что да как. Увидишь, что баба Марыся была права. Нужно тебе ехать, милый, ох как нужно.

Договорив эти слова Марыся развернулась и не прощаясь скрылась из виду.

Через короткое время она уже стояла на высоком берегу Немана, окружённая могучими соснами одного из гродненских лесопарков, расположившегося неподалёку от самого центра города. Сзади к Марысе тихонько подкралась фигура человека в плаще... Через мгновение Яков Пануриш уже стоял рядом с пожилой волшебницей и задумчиво смотрел вдаль. Пануриш и Марыся не сказали друг другу даже слова, они лишь переглянулись и продолжали молча стоять, глядя на спокойное течение древней реки, но затем оба странных наблюдателя повернули одновременно головы в одну сторону. Перед их взором из воздуха возникла фигура человека, в богатом наряде аристократа восемнадцатого века.

– Скоро всё свершится, – сказал Станислав Август, а Марыся и Пануриш кивнули в знак согласия.

Глава 6. Раковина

Человек в длинном чёрном камзоле и с длинными седыми волосами стоял на берегу моря. Огромные волны бежали по поверхности воды, а в небе горел прекрасный, огненный закат.

Неподалёку от человека играла маленькая белокурая девочка, лет восьми. Чёрный человек спокойно смотрел на закат и не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг. Но вдруг он повернулся к девочке и медленно пошёл к играющему ребёнку. Девочка внимательно смотрела на приближающегося чёрного человека. Подойдя к ней, он опустился на колени и спросил:

– Как тебя зовут, цветочек?

– Анка, – ответила девочка.

– А меня Яков, – ответил человек глядя на девочку исподлобья. – С чем это ты играешь?

Девочка ничего не ответила, но подняла повыше и показала Якову большую раковину с причудливыми завитками.

– Мне как раз пригодилась бы такая. Может быть поменяемся? Я дам тебе кое-что блестящее, а ты мне эту ракушку.

С этими словами Яков достал серебряную монету с изображением «Пагони» и отдал её девочке. Она удивлённо взяла щедрую плату и помедлив секунду протянула чёрному человеку раковину.

– Хорошо! А теперь беги к своим родителям и отдай им эту монетку. Они обрадуются.

Девочка встала и пошла прочь, озираясь на необычного человека...

Вернувшись с побережья Чёрного моря в свою лесную обитель под Волчином чёрный человек нашёл в углу своего дома подходящий кусок липовой древесины, достал необходимые инструменты, и принялся за работу. Очень скоро в умелых руках мастера стала вырисовываться деревянная копия купленной им, по невероятно высокой цене, морской раковины. Уже к вечеру того же дня человек стал наносить на неё странные знаки... В самом конце своей кропотливой работы резчик проставил дату: 1715 год.

Спустя месяц после создания деревянной раковины, по покоям богатого дома в Париже шёл тот самый чёрный человек... В красиво обставленной комнате гостя уже ждал хозяин дома в длинном парике.

– Здравствуйте, месье Кузву! – сказал посетитель на французском языке, демонстрируя при этом самое безупречное произношение.

– Приветствую вас, месье Пануриш, – ответил хозяин, после поклона.

Собеседники сели за круглый столик из красного дерева.

– Рад видеть вас, месье, в нашем Париже. Как вам здешняя столица? Поляки обычно бывают от неё в восторге.

– Но я не поляк, дорогой месье Антуан.

– О, простите. Но вы же прибыли из Польши?

– Я прибыл из Великого княжества Литовского.

– Вот как. Простите, не знал, что жители Княжества как-то отличают себя.

– Пустяки.

– Итак, какое же у вас ко мне дело, любезный месье?

Яков достал свою деревянную раковину и положил её на стол.

– Мне рекомендовали вас как блестящего мастера бронзового литья. Можете ли вы повторить вот такую вещь в бронзе?

Скульптор взял раковину и принялся пристально рассматривать её.

– Хм... Весьма искусная работа по дереву.

– Благодарю!

– Так это ваших рук дело? Действительно замечательная работа. Не так просто будет повторить, но я могу попробовать. Я бы попросил не менее трёх месяцев... И насчёт оплаты...

– О! Не извольте беспокоиться!

С этими словами Пануриш достал из-за пояса увесистый мешочек и вывалил на стол множество золотых монет с портретами Жигимонта Вазы.

– Здесь только малая часть тех дукатов, которые я могу вам предложить, – сказал Пануриш.

– Кажется, мы договорились, – ответил скульптор, пока-

чав головой в знак того, что такая оплата его устраивает.

Спустя полгода после встречи Пануриша и Кузву, в маленький домик стоящий на берегу лесного озера, неподалёку от Щучина, вошёл человек в тёмной накидке. На голове его был капюшон. В домике находилась пожилая женщина в деревянных башмаках и старой изодранной одежде. Она хлопотала над какой-то похлёбкой.

– Поклон тебе, пан над панами Пануриш, – сказала она спокойно и не поворачиваясь.

– Добрый день тебе, Барбара, – также спокойно поприветствовал её Яков.

– Не буду спрашивать с чем ты пожаловал – знаю!

– И хочешь ли ты мне помочь, Барбара?

– И твои потомки и мои будут делать одно дело, да и нам это пристало. Давай сюда свои бумажки.

Пануриш подошёл к грубому деревянному столу и разложил на нём карты Гродно, Варшавы и Кракова, а затем достал бронзовую раковину и тоже положил на грязноватую поверхность стола.

– Даже у меня не хватит силы заставить зазвучать Дар, но с твоей помощью...

– Да, вместе справимся, – сказала Барбара, повернувшись к гостю вытирая руки о свои лохмотья. – Однажды наши потомки испытают Его, и только тот, кто не имеет в сердце жадности – пройдёт испытание.

Барбара посмотрела карты городов, разложенные на сто-

ле.

– Я отметил нужные места красными крестами, – сказал Пануриш.

Старуха порылась в каком-то сундуке, покрытом потемневшими от времени рисунками, и вытащила три длинные иглы, каждую из которых воткнула в один из трёх крестов.

– Что должно быть сказано? – спросила она, обращаясь к гостю, который молча протянул ей кусок желтоватой бумаги и сказал:

– Тут написано, Барбара.

– Стой рядом и помогай. Лучше возьми меня за руку, пан.

Пануриш протянул свою огромную ладонь и схватил маленькую руку хозяйки. Барбара прочла слова на бумажке, а затем поднесла раковину ко рту и зашептала что-то в неё, прикрывая ладонью рот, как будто рассказывала бронзовому Дару какой-то важный секрет. Затем она достала откуда-то маленькую бутылочку и вылила по капле содержимого на каждую из игл, торчавших в картах. Посетитель пристально наблюдал за действиями ворожеи, которая снова принялась шептать что-то в бронзовую раковину. Пануриш стал отчётливо ощущать запах серы, а свечи, стоявшие в углу на маленьком столике, неожиданно вспыхнули...

Владимир открыл глаза...

– Ещё один странный сон, – сказал он, садясь на кровати и потирая ладонями лицо.

Историк посмотрел на часы и подумал:

«Нам же уже скоро выезжать... а я валяюсь...»

Глава 7. Три престола

Жаркое солнце горело ярким светом высоко в небе над королевским Краковом. Трое молодых людей стояли у входа в Вавельский замок. Им открывался прекрасный вид на эту внушительную цитадель, к входу в которую они, спустя мгновение, и направили свои шаги. Очень скоро эти трое уже осматривали экспонаты в многочисленных залах замка.

– Как красиво! – сказала с восхищением Вика, остановившись у длинного стола с резными ножками.

– Меня больше всего впечатляют гобелены в этом замке. Каждый раз смотрю на них как в первый, – отметил Владимир

– Пойдёмте. Нам сейчас не до местных красот, – сказал чувствовавший лёгкое волнение Мечик.

Молодые люди продолжили свой путь. И хотя Мечислава сжигало нетерпение Вика и Владимир то и дело останавливались, чтобы рассмотреть ту или иную деталь интерьера старинного королевского жилища, по которому теперь шествовали друзья. Между тем, Мечику показалось, что за молодыми людьми кто-то наблюдает. Человек в светло-серой клетчатой рубашке, шёл за друзьями и втихаря поглядывал на них. Мечик был совершенно уверен в этом. Но его занимала другая мысль.

«Получится ли... Услышу ли я эти слова?» – думал молодой человек.

Наконец, Вика, Владимир и Мечик достигли Посольского зала. Друзья стали оглядываться вокруг. С потолка на них смотрели десятки скульптур, изображающих мужские и женские лица, верхнюю часть стен украшали многочисленные изображения каких-то величественных фигур, с потолка свисали блестящие люстры, а на небольшом возвышении стоял... трон.

– Момент истины, – тихо сказал Владимир.

Мечик медленным шагом приблизился к трону... и достал из сумки свою увесистую раковину. Помедлив ещё секунду, молодой человек приложил бронзовый артефакт к уху. Стоявший неподалёку посетитель впросительном повороте взгляда посмотрел на Мечика, но ничего не сказал.

Несколько мгновений историк слышал шипение и нарастающие звуки человеческого голоса, которые ещё нельзя было разобрать.

«Встань на места трёх престолов, в трёх городах наиглавнейших, тогда ты услышишь три слова и дорога назад готова...» – различил спустя непродолжительное время гроднец.

Мечик с досадой хлопнул себя по коленке и вернулся к друзьям, которые стояли чуть поодаль.

– Я слышу тоже самое. Значит, ничего не получилось, – сказал он напряжённо.

– Тогда нам прямая дорога в Сенаторский зал, – заметил Владимир.

– Да, правильно. Это самый большой зал и там тоже есть трон, – проговорил Мечик.

– Пойдёмте, – бодро сказала Вика.

Друзья вновь двинулись вперёд и вскоре достигли Сенаторского зала.

– Ну вот и он, – сказал гродненец.

Зал имел шикарный потолок и огромные, старинные кожаные обои на стенах, покрытые множеством изображений больших фигур. Не отвлекаясь на роскошное убранство Мечислав подошёл максимально близко к возвышению трона и приложил раковину к уху. Шум... далёкое это каких-то непонятных слов и наконец – историк явственно услышал слово: «Пришло...»

– Ну что? Что там? – тихонько спросила позади Мечислава Вика, которая даже слегка дрожала от любопытства.

Гродненский историк вернулся к друзьям и задумчиво сказал:

– Получилось. Я услышал... Правда, только одно слово.

– Какое? – нетерпеливо спросила Вика.

– Это слово: «Пришло», – ответил молодой человек.

– Значит было только одно слово? – задал вопрос минчанин.

– Да, одно, – подтвердил Мечислав.

– Пришло? И что это значит? Как это понимать? – спросил

Владимир.

– Понятия не имею, – ответил ему Мечик.

– Может быть, остальные два слова ты услышишь в других королевских резиденциях, – предположила Вика.

– Похоже на то. Главное, что получилось, – сказал Владимир.

– Думаю, здесь у нас всё. Пойдёмте отсюда. – предложил Мечик, который вспомнил о загадочном, выслеживающем друзей, человеке, и хотел, как можно скорее покинуть замок.

Молодые люди направились к выходу и через некоторое время уже приближались к месту расположения одной из главных достопримечательностей города – Вавельского дракона.

Большой, вставший на задние лапы, бронзовый ящер, извергал в небо Кракова пламя, на потеху собравшейся публики.

– Действительно восхищает, – восторженно сказала Вика и слегка похлопала в ладоши.

Полюбовавшись на один из символов города, друзья направились к центру. Мечислав то и дело озирался, пытаясь заметить преследователя в клетчатой рубашке, но он не показывался.

«Может я просто его придумал... и это был просто посетитель...» – думал гродненец, глядя на старинную брусчатку Кракова.

Друзья вышли на главную площадь города. Зашли в Ма-

риацкий костёл и постояли около памятника Мицкевичу.

– В Польше есть какие-нибудь национальные герои, которые не родились у нас? А? По-моему, нет! – в шутовском тоне заметил Владимир.

Друзья рассмеялись и пошли в сторону улицы Флорианской, считающейся самой красивой улицей Польши.

Мечик остановился и присел на корточки, чтобы завязать шнурок. И в тот момент он снова заметил подозрительно-го человека в серой клетчатой рубашке, который очень пристально смотрел на историка. Гродненец распрямился и ответил незнакомцу таким же пристальным взглядом, но тот сразу же пропал из вида, затесавшись в толпу азиатов с фотоаппаратами.

– Я думаю, наша экскурсия удалась, – заметил Мечик, – давайте-ка пойдём в машину и будем потихоньку выезжать на Варшаву. Хорошо?

– Как скажешь, – ответил Владимир.

Уже за городом, на трассе, пока Владимир и Вика весело болтали, Мечислав продолжал внимательно следить за всеми машинами, которые двигались в том же направлении, что и их авто. Наконец, он заметил, что за ними пристроился синий спортивный автомобиль. Мечислав добавил газу, но синий автомобиль не отставал.

– Могут же полициянты тормознуть, зачем ты гонишь так? – спросил Владимир.

– Глянь назад. Эти ребята в синей тачке уже довольно дав-

но у нас на хвосте.

Владимир и Вика обернулись и стали с опаской всматриваться в автомобиль позади них.

– Мы быстрее и они тоже... Что-то тут не так, – сказал Мечик, ещё сильнее давя на педаль.

Друзья напряжённо молчали, периодически озираясь назад.

Однако ещё через несколько километров, синий автомобиль наконец-то отстал, свернув куда-то на обочину. Молодые люди стали спокойнее и принялись активно шутить, чтобы развеять напряжённую атмосферу. Периодически они останавливались перекусить и отдохнуть, и, через час, увидели далеко впереди Варшаву.

Подыскав недорогой хостел, молодые люди отправились на центральную площадь Варшавы, на которой расположен отстроенный после войны королевский замок. Попав внутрь здания, они остановились у одной из больших картин, в огромной золочённой раме.

– Предлагаю сразу идти именно в Сенаторский зал. Раз в Кракове всё получилось в Сенаторском зале, то и здесь должно, – сказал Мечик.

– Да, думаю разумное предложение, – ответил Владимир.

Через некоторое время друзья достигли своей цели. Сенаторский зал был украшен золочёнными пилястрами и большими зеркалами, но белорусских гостей интересовал королевский трон. Место королевского престола находилось

на небольшом возвышении, между двумя роскошными дверями, над одной из которых было изображение Пагоны, а над другой Орла.

– Ну, я пошёл, – сказал Мечик, резко выдохнув воздух.

Историк двинулся к трону. Друзья молодого человека застыли в нетерпеливом ожидании. Пройдя по гладкому паркету больше десятка метров, чтобы как можно ближе подобраться к роскошному, золочённому креслу, Мечислав достал бронзовую раковину и приложил к уху. Когда привычные неясные звуки сложились в отчётливо различимое слово, историк опустил раковину назад в карман и вернулся к друзьям.

– Ну? Ну что там? – возбуждённо прошептала Вика.

– Услышал! – радостно сказал Мечик.

– Ну? Что за слово? – снова прошептала девушка.

– Время! Это слово: «Время».

– Выходит, получается фраза: «Пришло время». – сказал Владимир.

– Именно так, – подтвердил гродненец.

– Пришло время? Для чего может прийти время? – спросила Вика.

– Это пока неясно, – ответил Владимир.

– Подождём! А пока продолжим путь, – сказал Мечик.

Друзья направились к выходу из замка и скоро снова оказались на площади.

– Кажется, пока дела идут неплохо. Осталось только

узнать, что же за время пришло. Последнее слово мы услышим в Гродно. Только вот я не очень понимаю, как это усилит действие меча. – проговорил Мечислав, рассматривая высокую колонну Жигимонта Вазы.

– Может это какое-то заклинание и после его произнесения меч станет сильнее, – предположила Вика.

– От всего этого голова кругом, – сказал Мечик.

– А давайте съездим в Лазенки, – вдруг радостным голосом предложила гродненка, – Это была любимая резиденция Станислава Августа, а если бы не он нас, здесь бы тут и не было.

Историки поддержали предложение своей подруги, и троица отправилась в один из красивейших парков Варшавы. Зайдя в небольшой «Дворец на воде» молодые люди остановились у одного из портретов Понятовского.

– Я до сих пор помню, как говорила с ним, – задумчиво произнесла девушка.

– Да уж, такое тяжело забыть, – сказал Владимир, – но ты так мне и не ответила на каком языке он говорил.

Молодые люди переглянулись и принялись смеяться, а затем вышли из дворца и решили немного прогуляться по парку. Настроение у троицы было замечательное. Вика немного отстала от друзей, засмотревшись на павлина, который свободно расхаживал по лазенковскому парку...

Вдруг... кто-то схватил большой рюкзак девушки, висевший на её плечике, сдёрнул его и бросился бежать. Вика

вскрикнула и упала от неожиданного рывка. Владимир и Мечик обернулись и подбежали к своей спутнице. Люди в парке испуганно переглядывались, но вор с рюкзаком быстро нырнул куда-то за деревья и скрылся из виду. Мечик лишь успел заметить, что это был тот самый человек в клетчатой серой рубашке.

– Вам помочь? – услышали друзья предложение одного из тех прохожих, которые видели произошедшее и теперь подходили ближе к друзьям.

– Нет, спасибо, всё хорошо! – не очень уверенно ответила Вика, которая слабо владела польским.

Девушка поднялась, отряхнулась и посмотрела на своих обеспокоенных друзей.

– Ты в порядке, Вика? – спросил взволнованный Мечик.

– Да. Не волнуйтесь. Я не ударилась, а в рюкзаке ничего не было, кроме моей старой байки. Да и сам рюкзак мне уже поднадоел, и я хотела новый. Может это даже к лучшему.

– Оптимизма тебе точно не занимать, – сказал, слегка улыбнувшись, Владимир.

– Да? Ну может быть! Давайте уйдём отсюда, а то прохожие беспокоятся.

– Может быть стоит позвонить в полицию, – сказал минчанин.

– Я думаю, не нужно. Давайте просто уйдём. Зачем нам эти полицейские разборки в чужой стране? – ответила девушка.

– Может ты и права, – сказал Мечик, – давайте вернёмся к нашему хостелу, а то меня мучают кое-какие подозрения.

Троица быстро добралась до хостела и Мечик дёрнул дверь своей машины, запаркованной рядом с их пристанищем. Дверь легко открылась.

– Так я и думал, – зло выпалил гродненец, – кто-то залез в салон и забрал наши с Володиёй сумки. Зря мы их так бросили. И я уверен, что это связано с кражей твоего рюкзака, Вика.

– Похоже на то, – грустно ответила девушка.

– Теперь, я думаю, точно надо звонить в полицию, – заметил минчанин.

Мечик некоторое время молча раздумывал, а затем задумчиво сказал:

– Ты, конечно, прав, Володя. Стоило бы позвонить в полицию, но я не хочу связываться с местными полицейскими. Ещё вдруг они нас задержат, а мне не терпится скорее распутать эту загадку трёх престолов. Дело в том, что у нас эта странная бронзовая штука. Если бы они её нашли, то ещё чего доброго решили бы, что это незадекларированная ценность, ввезённая в Польшу. Не знаю точно, как тут работает закон. Её, конечно, можно припрятать, но всё равно мне не очень хочется связываться с силовиками. В моей сумке были только бутылки воды и какая-то еда. Не знаю, что эти люди искали, но забрали то, что мне не особенно жаль. Дверь они, кажется, не сломали. Она закрывается. А что бы-

ло в твоей сумке?

– Свитер и пакет с чаем, – ответил минский историк, – сильно я о них жалеть не буду.

– Тогда, если никто не возражает, друзья, давайте просто подыщем себе новый хостел, а утром отчалим домой, без всяких полицейских. Идёт? Согласны?

Вика и Владимир покивали в знак согласия.

– Я не против, Мечик, – сказала девушка.

– Да, давайте просто замнём. Пусть подавятся нашими вещами, – сказал Владимир.

Друзья сели в машину и поехали искать новое пристанище. Поиски их довольно быстро увенчались успехом, и они нашли небольшой отельчик с весьма умеренными для Варшавы ценами.

С утра друзья уже мчались на своём автомобиле к границе. Простояв немалое время в очереди, молодые люди наконец-то въехали в Беларусь и очень скоро уже катились по гродненским улицам.

– Давайте ненадолго заскочим ко мне, а потом отправимся в Сенаторский зал Нового замка, – проговорил Мечик, вращая руль, – третий престол из загадки и третье слово уже жаждали нас, – весело добавил он.

– Ты уверен, что искать следует именно в Новом замке? – спросил Владимир.

– Три предыдущих ответа прятались в сенаторских залах Кракова и Варшавы. Значит, третий будет в гродненском Се-

наторском зале. Думаю, так, – ответил гродненец.

Молодой человек уже подъезжал к своему дому, и в этот момент увидел запаркованный неподалёку синий спортивный автомобиль. Сердце историка бешено забилося, он резко ударил по тормозам и выскочил из автомобиля. На встречу ему, из синей машины, уже выходили два человека. Один из них был одет в серую клетчатую рубашку. Мечик направился прямо к ним.

– Здравствуйте, Мечислав, – сказал человек в клетчатой рубашке, – меня зовут Томас.

Человек говорил с сильным литовским акцентом.

– Плевать как тебя там зовут, – зло гаркнул историк, – сначала ты отдашь наши вещи, и ты извинишься перед девушкой, а потом вы отвалите очень далеко от моего дома.

– Да, разумеется, – холодным, спокойным голосом сказал литовец. – Ваши вещи в нашей машине, и мы их вернём. Они нам без надобности. Но только сперва вы отдадите то, что наше.

– Это то, что ваше, вы искали в наших сумках? Я правильно тебя понял?

– Именно!

В это время Вика и Владимир вышли из машины и подошли поближе к собеседникам.

– И что же это такое? – спросил гродненец.

– Сперва я ещё раз представлюсь, – сказал незванный гость. – Томас Баранаускас. А это мой брат Ёзас Баранаус-

кас. Мы братья профессора Баранаускаса. То, что вы украли у него, вы немедленно отдадите нам. Да-да. Отдадите!

– Ну и что же это? – спросил Мечик.

– Вы сами знаете. Наш брат посвятил нас в свой план, перед тем как отправится за артефактом. Теперь брат исчез, но мы знаем, что меч у вас.

– Вот как...

– Меч, верни нам меч, – яростно крикнул Ёзас.

– Ну-ка сбавь тон! – угрожающе сказал Мечик. – Я вам больше повторять не собираюсь. Наши вещи – сюда, и пошли прочь отсюда.

– Значит по-хорошему вы не хотите, – сказал Томас.

– Ты ещё мне будешь угрожать, морда! – крикнул в ярости Мечик.

В эту секунду Ёзас вытащил откуда-то охотничий нож, а в руках Томаса появился электрошокер. Но драка между историком и братьями Баранаускасами не состоялась.

– Хватит шалить, зверьки, – услышал Мечик за своей спиной знакомый голос.

Он обернулся и увидел непонятно откуда взявшегося Пануриша, который стоял чуть поодаль. Пануриш быстро подошёл поближе ко всем участникам сцены и сказал:

– Вы, панове Баранаускасы, если вас так можно назвать, сейчас же отдадите украденные вещи и скроетесь из города.

На лицах литовцев отразилась нерешительность. Но они не спешили послушаться...

– Вы больше не руководите организацией, Пануриш. Теперь за вами никого нет и мы вас не боимся, – сказал Томас.

– Неужели? – ответил Пануриш. – А мне вот кажется, что даже очень боитесь. Я чувствую ваш страх. Неважно управляю я организацией или нет, я всё ещё остаюсь Яковом Пануришем.

– Уйдите прочь! – крикнул неуравновешенный Ёзас.

Яков молча смотрел на братьев. От одного взгляда его тёмных глубоких глаз, оба литовца сжались и отступили назад. Через секунду Пануриш выхватил длинный блестящий пистолет, с рукоятью из слоновой кости, и процедил сквозь зубы:

– Считаю до трёх... Или вы сделаете то, что я вам сказал или уже никогда ничего не сделаете. Раз...

Оба брата в ужасе бросились к машине и через мгновение выбросили из неё вещи друзей, спустя ещё десять секунд, спортивное авто уже быстро отъезжало прочь.

– Ну вот, – сказал Пануриш, – эти глупцы уже больше вас не беспокоят. Делайте то, что должны. Пока у вас получалось неплохо.

Он обернулся к Вике и Владимиру. Как только девушка встретилась с ним взглядом, она невольно отступила на шаг назад. В глазах её появилось выражение сильнейшего страха.

– А... Паненка... Извините меня за тот неудачный инцидент в часовне. Больше не повторится, уверяю вас, – Пануриш слегка поклонился и хищно улыбнулся, а затем молча

удалился быстрым шагом, даже не обернувшись на Мечика.

Молодые люди прибывали в состоянии крайнего удивления. Мечислав подошёл к разбросанным на дороге вещам. Собрав их, он вернулся назад к друзьям и отдал Вике и Владимиру те, что принадлежали им.

– Мы немедленно отправимся в Новый замок, – сказал он. – Пришло время действительно разобраться с этой историей.

Через пол часа, купив билеты для посещения музея, размещавшегося в замке, друзья стояли в вестибюле бывшей королевской резиденции. Они прошли налево и затем, свернув направо, оказались в большом Сенаторском зале. Мечик почти бегом бросился к тому месту, где когда-то располагался королевский престол и выхватил из кармана раковину. Отдышавшись он приложил её к уху. Вика и Владимир напряжённо следили за гродненцем. Наконец, тот повернулся к ним, на лице его было выражение крайнего недоумения. Он быстро подошёл к друзьям.

– Ничего! Я слышу только загадку о трёх престолах. Третьего слова нет! Это не то место, – выпалил историк.

Он побежал в другое место зала и попробовал послушать там, а затем в ещё одном...

– Ничего не выходит. Тут ничего нет, – сказал он опять вернувшись к своим товарищам и они вышли из зала, пройдя мимо удивлённо смотревшей на них музейщицы в строгих очках.

– Как же так? – спросила Вика.

– Пойдём в машину. Мне нужно подумать, – удручённым тоном проговорил Мечик.

Троица вернулась в автомобиль. Все трое молчали.

– В чём же дело? Должно было получиться... – пробормотал гродненский историк.

– Может есть другие залы, в которых стоял трон? – спросила Вика.

– Хм, может быть, может быть... – задумчиво проговорил гродненец. – вот только в Варшаве и в Кракове эта раковина сработала в сеймовых залах.

– Сеймы проходили и в Старом замке, насколько я помню, – заметил Владимир.

– Да, точно! – подтвердил Мечик. – Только вот не так-то просто теперь отыскивать места в которых стоял трон. Эта тема вообще не очень хорошо изучена...

Минчанин покачал головой и задумчиво посмотрел наверх, а затем подпёр подборок кулаком. Вика тоже напряжённо думала, сложив ручки на груди.

Мечислав вытащил бронзовую раковину и стал очень внимательно рассматривать её. Только в этот момент он по-настоящему пристально вглядывался в узоры, украшавшие артефакт. Вот странные значки, вот карта Речи Посполитой... И тут... всмотревшись, гродненец вдруг различил арабские цифры. Они были вплетены в какие-то завитки и не бросались в глаза. Да! Это точно были они...

– 1715... Да это же год, – прошептал историк. – Год? Год... Видимо, дата изготовления. Ах да! Да ведь в эти годы ещё правил Август Сильный и его резиденция была не в Новом замке. Тогда его ещё не построили. Эта Баториевка! Да! Она была его резиденцией и там тоже был Сеймовый зал!

Вика и Владимир переглянулись и на их лицах появилась надежда.

– Нужно только знать точное место, – продолжал нервно говорить историк, – сеймовый зал не сохранился. Это было отдельное строение. Но мы может определить по старой карте, где он был... Сейчас... Эта карта есть и в сети... Я найду.

Историк погрузился в телефон и через минуту радостно крикнул:

– Ну вот и она. Престол располагался вот здесь... Теперь это дворы на Карла Маркса... Срочно туда.

Он завёл машину и нажал на газ...

Через пятнадцать минут в арку одного из старинных домов по улице Карла Маркса вбежали трое друзей... Мечик сверялся с изображением старой карты в телефоне. Историк замер в обыкновенном, ничем не примечательном месте, где не было даже каменной мостовой, а только голая земля. В это мгновение друзья услышали голос Пануриша:

– Bravo! Вот и пришло время!

Мечислав на миг замешкался, а Вика и Владимир вздрогнули от нового появления злодея, чуть не ставшего когда-то причиной их гибели.

– Не буду гнать вас, Пануриш. Сейчас не до этого, – сказал гродненец.

– Разумеется, пан Мечислав. Делайте же то, что должны, а мы все посмотрим. Правда ведь, паненка? – обратился он к Вике, которая ничего не ответила, а только придвинулась ближе к Владимиру.

– Оставьте Вику в покое! – грозно сказал Мечик.

– Что вы что вы, я и не хочу её беспокоить. Зачем мне это?

Историк отвернулся от Пануриша и хотел уже приложить раковину к уху...

– Ах да. Чуть не забыл, – воскликнул Яков, – вам пригодится меч, он же тут у меня.

С этими словами Пануриш вытащил артефакт из чёрной сумки, которую держал в руках.

– Откуда он у вас? – яростно крикнул Мечик, бросаясь к Якову. – Он же был спрятан в моём доме...

– Да-да. Спрятан у вас, на чердаке, под большой коробкой. Пришлось его позаимствовать, чтобы эти литовские братья не сделали это до меня. Я-то намерен был его вам вернуть, что и делаю, а вот эти два твердолобых молодца вряд ли бы принесли его сюда вам на блюдечке.

– Вы залезли в мой дом? Выходит, вы опять залезли в мой дом! – яростно прохрипел Мечик.

– Ну да, пришлось, – ответил Пануриш, криво ухмыляясь.

– Не проще ли было сказать мне о том, что за мечом охотятся? – спросил Мечислав, еле сдерживая себя от того, что-

бы бросится на ненавистного ему человека с седыми волосами, который запросто рассказал о том, как обворовал собственный дом историка.

– И чтобы вы сделали? Может быть взяли меч с собою? И в путешествии его бы украли два братца. Я доверяю только себе самому, поэтому надёжнее было поддержать его у себя, – ответил Пануриш, уверенно глядя на своего молодого собеседника.

– Ладно сейчас не до того... Я ещё разберусь с вами после! – сказал историк.

– Сильно в этом сомневаюсь, дорогой пан Мечислав, – процедил Пануриш, снова криво ухмыляясь.

Мечик вернулся на нужное место, а затем приложил раковину к уху. Шум... и отдалённые голоса... Всё как обычно... И вот, тысячи отголосков сложились в одно слово: «Проснуться». А затем Мечислав услышал в собственной голове всю фразу из всех трёх слов: «Пришло время проснуться».

– Пришло время проснуться, – почти шёпотом повторил в слух Мечик, и в ту же секунду Пануриш вскинул руку...

– Свершилось, свершилось! – яростно закричал Яков и меч в руке гродненского историка загорелся ярким пламенем. Всё вокруг залил белый свет. Пануриш захохотал, а часы на башне Фарного костёла пробили три часа.

Неожиданно рядом с гродненцем возникли бабочка, сокол и кабан, святящиеся изнутри яркими огнями. Послед-

ним, что увидел Мечик, были поражённые лица Владимира и Вики и туманный образ старой женщины, стоящей немного в отдалении.

Глава 8. Финал

Мечислав открыл глаза. Он лежал на земле, а над ним нависали лица каких-то неопрятно одетых людей. Один из них, очень напоминающий Витовта на картине Яна Матейки «Грюнвальдская битва», радостно отметил:

– Во, кажись очухался.

– Что? Что случилось? – спросил историк, чувствовавший сильную головную боль.

– Да вот, Саня тебя нечаянно лопатой шиндарахнул. У них тут, видите ли, детство в заднице заиграло, и они на лопатах решили сразиться, – сказал «Витовт». – Саня, ходь сюды, он очнулся.

Над историком появилось ещё одно лицо.

– Прости меня, хлопец... Э-э-э-э... как-то так получилось. – сказал человек со смешным зачёсом и усами.

– Я встану, – сказал Мечик слабым голосом и попытался подняться.

– Да лежи ты! – гаркнул «Витовт». – Мы всё равно уже скорую вызвали. Всё-таки был в отключке! Да и голова, вон, в кровянице.

– В отключке?

– А то! Целых минут пять, не меньше!

Спустя три недели Мечислав сидел в кабинете врача. И тот плавно говорил приятным, бархатным баритоном:

– Такие объёмные и подробные видения это, конечно, очень интересный случай. В сущности, это очень похоже на обычный сон, только в данном случае он был вызван травмой. На самом деле, мы ещё очень мало знаем о мире сновидений. Ваш случай, безусловно, может являться объектом изучения. Этот мир был, если я правильно вас понял, несколько идеализирован и вам нравилось там находиться. Но приходит время проснуться, – тут доктор позволил себе улыбку. – Патологии у вас нет. Ну, может быть останется небольшой шрам на голове. Это мелочь... Кстати, интересным моментом явились сигналы вашего бессознательно-го с помощью книги. Стихотворение «Сон во сне». Хм, забавно да? Так ваша психика всё время сигнализировала вам, что вы находитесь не в той реальности.

Мечик вышел из больницы и присел на первую попавшуюся лавочку. Он чувствовал себя хорошо и просто хотел немного собраться с мыслями. Вокруг была обычная городская жизнь. Солнце, которое только недавно освещало большие, шумящие густой листвой, деревья и раскрашенные в тёплые цвета дома, спряталось за тучи, и теперь всё вокруг стало серым. В воздухе пахло дождём. Люди спешили по своим делам, пока историк приглядывался к их лицам.

«Наш народ всё-таки очень угрюмый. Что так волнует

этих людей? Тяжёлая жизнь? Будущее детей?» – подумал Мечик и тут же сам удивился своему неожиданному желанию пофилософствовать.

Мимо проехала большая старая машина, подняв облако пыли и испугав бродящих по дороге голубей.

«Сделать жизнь людей лучше... Счастливее... Вот для чего нужно было использовать меч! Возродить старую архитектуру – важно! Но всё-таки бывают вещи и поважнее...» – думал историк, глядя на серую тротуарную плитку под своими ногами.

Затем он достал телефон и открыл свою страницу в социальной сети, найдя среди друзей Вику и Владимира он стал вспоминать... Кажется, однажды он встречался с Викторией на каком-то мероприятии, а Владимира на самом деле знал только по сетевому общению...

Мечислав поднял голову и глубоко вздохнул. Взгляд его упал на сидевшую на соседней скамейке молодую женщину. Он пристально всмотрелся в неё. Что-то притягивало взгляд молодого человека, и когда он понял, что именно это было – его зрачки расширились, он напряжённо застыл, сфокусировав всё своё внимание на одной точке. Казалось, историк превратился в каменную статую. На коленях дремавшей женщины лежала книга Эдгара По, раскрытая на стихотворении «Сон во сне».

Эпилог от автора

Я Мечислав С. написал эту книгу по своим воспоминаниям. Я до сих пор не знаю, что было сном, а что явью, но я твёрдо уверен, что это не так важно для нас, если мы можем найти что-то очень ценное внутри себя, что-то, что не уйдёт если даже мы проснёмся от восхитительного сна. Является ли явью меч? Нашёл ли я его снова на чердаке? Может ли он теперь дать мне невероятную власть? Внутренняя гармония делает нас счастливыми, и для того, чтобы достичь её, не обязательно иметь магическую силу волшебного артефакта, можно просто творить и любить. Я вижу любимых и близких людей, и свой старинный город и, если это только сон во сне... что ж... значит старый добрый По был прав.